

Счастливая пара

Анна

Бежавшую из прошлого в настоящее волчицу Руну с капитаном корабля Мечта из далекого будущего Горцевым — объединяет груз, который нужно доставить в квадрат 5718. Груз требуется доставить срочно. Руне нужно выжить, пройти обучение в секретном отделе 81. Эти двое в спирали времени, рисуют человеческую ДНК, разгадывая тайны вселенной и радужке глаз окружающих. А еще есть двое, чьих замыслов все случившееся. Заказчик и исполнитель. Ангел и демон разворачивающий смысл Вселенной на 180 градусов. Вначале было открытие...

Наверняка ей долго будет сниться кандалный клекот. Горестный, унылый, шаркающий, со всяким содроганием утомлённых ног, ступающих по пыльному и размокшему этапу. Нет сил смотреть в небо, даже во сне. Не поднять подбородка. Наверху облака, синева простора, воля, внизу матерные окрики конвоиров, непристойности и стоны.

Спустя пару секунд волчица открыла глаза, благословляя зримое. Волки любят свободу. Не камера, не дом терпимости, не изба на поселении, и ладно. Комната простая, серая. Явно давно не чиненная. Но она в ней одна, и это самое значительное.

— Девка, а девка? Сколько можно спать? Тащи зад сюда!

В дверях показалась Варвара, в крестьянском сарафане, истопниковский фартук обстоятельно заправлен за пояс, на плече тряпка. Глазами тыркает, черные брови сведены в кучу, ко второму подбородку присоединился третий.

— Барыня прямочки. Не бывает рыжих, не красятся они! Белоручка, лежит тут, аки столб багряный. Вставай, воды принеси! Кто вчерашнюю размыкивал? А то коромыслом потружусь тако, не будет больше никакого успеха тебе ни у кого.

— Варвара, выпороть бы тебя. Я же просил, — за спиной хозяйки дома, недовольный басовитый голос Ильи. — Окажи милость, ступай. Еще раз услышу, Егору скажу. Разъярится же. Наговорила погано немало. Поди в сени, я харчи привез.

— Да негоже, чтоб девка бока отлеживала, или у нее жопа неписаной красоты?!

— Тебе червонец уплачен, баба ядрёная, вот и поди вон!

— Ох, барыня, однако, коза прореховна.

Варвара ушла, продолжая ворчать где-то в глубине дома, а Руна с Ильей какое-то время смотрели друг на друга. Он понуро и с виной, а Руна — со смехом, укрывшись по самый нос одеялом.

— Ты прости, она не со зла. Не ведает ничего, кроме этого.

Он обвел взглядом комнату на постоялом дворе. Оно и понятно. Дом на отшибе, кругом беднота, лихой люд ошивается, только приезжих гостей мало. Сюда могли заселиться те, кому гостиный двор не по карману, а до ночлежки утратить человеческий образ пока не успели. Могла бы Варвара заподозрить, что укрывает не беглого каторжанина и ссыльную по душегубному обвинению. Человек с документами на имя Ильи Кадуций через несколько дней достигнет Иркутска и покажет свои статейные списки. Все как положено — паспорт и аттестат ссыльного. А перед ней Илья, а, как записано в паспорте, Илья Простаков. Только вот муж Варвары, бывший каторжанин, по делам московским знал с ним с молодых ногтей. Это на огорчение жены. Но кто ее спрашивать будет, бабу сварную, славшую с сеной дома гостей непрошенных. И девчонка с ним, вовсе и не девчонка. А волчица серая. Попала в силки к егерям. Те поглумились над девчонкой, да и продали чину в дом, радости приносить. Она и приносила, пока по весне не перегрызла глотку князю. Вот, Руну и судили. На каторгу сослали.

— Баню истопи, ночную рубаху дай... А елдой по бесстыжей роже, не дать? — возмущалась Варвара.

Илья пришел не с пустыми руками, протянул бумажные свертки, а сам смутился. Руна же в одной ночной рубахе. Вчера, когда селились, кроме одежды на ней ничего не наличествовало. Вонючий кафтан, сапоги с дырами, штаны казенные с тобольской тюрьмы

не снимала. Все в крови и грязи. Никого не волнует, бабские у тебя дни или нет, тряпкой заткнула с исподнего и идешь дальше.

Баню плохонько стопили, только воды хорошо нагрели, на большее дров не нашлось. Варвара ворчала на Егора за купеческое поведение, да что совести у них, у пришлых, нет. Осень на дворе, выстывает быстро. Илья следом зашел в прогретое тесное помещение. Так что мылись вместе.

От воспоминаний по ее щекам жар пополз. В волчьей жизни умерла бы от бесчестья. Позор-то какой. А теперь деваться некуда, столько прошли. Краснея маковым цветом, ей пришлось перед ним снимать с себя заношенную одежду.

От волнения мелкой дрожью оцепенение схватывало все части истощённого мучительной дорогой тела. А стыдно же стоять с мужиком в предбаннике, в духоте, в сырости, понимая, что первым тебя узрел не муж, а каторжанин, вор, известный малый в преступных кругах. Считай, пропала. Так ведь давно пропала, еще в детстве словилась. Да и по этапу идти — не чай в саду с подружками распивать, да кокетничать с кавалерами.

Руна обернулась, готовая ко всему. Разглядывая его. Переходы по этапу не сломали, не похудели его. Поджарый, мускулистый от тяжелых работ, будто крестьянский сын. Голым он смотрелся лучше многих юношей и офицеров, коих она видела на летних купаниях. Кожа его блестела от пота. Ее взгляд сам уперся в черную поросль ниже живота. Жар пыхнул в лицо, словно горячий пар. Руне сделалось дурно. Выдается елда. Толстый, крепкий, готовый действовать.

Его ладони, крестьянские, большие, опустились ей на плечи, он легко развернул Руну к себе, не давая раздеться дальше кафтана.

— Посмотри на меня, — голос севший, как ветер в поле. — Я не трону, веришь?

Раз сказал, слово сдержит. Так уже было меж ними. Она подняла взгляд. Илья здоровый, кучерявый. На вид ему лет двадцать, на самом деле больше. Руна кроме глаз и носа, лица толком не видела, борода закрывает. Но его взгляд, лихорадка сверкающих яростью глаз, приковывает к себе любого смотрящего. Если бы не он, Руну бы сломали на первом же каторжном переходе. Хоть и с женщинами идешь, только там тоже всякие. Есть и такие, кто шпихнуть сразу желает.

Она кивнула, и Илья медленно стянул с ее плеч рубаху, обнажая кожаную белизну, обтягивающую кости.

— Исхудала, — уверенным движением двинул вниз тряпье, с бесстыдством разглядывая девичью грудь, маленькую, тощую, вонзился взглядом между ног. Там, внизу, она не поседела. Удивительное существо волк — сидит не целиком, только головой. А там Руна все такая же.

Илья присел, торопливо стаскивая с нее больше тряпки, до голени, разгуливая взглядом, потягивая носом, уткнулся в нее. Так что слышались его горячие губы на чувствительных бедрах, отчего стало совсем тягостно. Что у него на уме? Разве не ясно? Не сдержит слова. Обманет. Ждал лишь подходящего момента. Разве зря он помогал ей? Теперь хочет награды за труды праведные. Молодое, нетронутое. Спаси и сохрани в очередной раз! Душа Руны задергалась, как огонёк на сальной свече, мечась туда-сюда в тревоге, и не в состоянии сбежать с фитиля. Отвертеться бы от нежащих, ласковых рук непрошеного защитника. Не заткнешь уши от его бормотания.

— Какая же красивая. Серая.

Сброшены в угол ненавистные сапоги. От невозможности больше стоять и гореть

постыдной обнаженностью, под накатывающим ненасытным взглядом, она ушла в баню. А деваться некуда. Все в жизни потеряно. Целиком сломано. В стаю не вернешься. У людей все чужое. Падать пока есть куда, но даже здесь, докуда уже поверглась, невыносимо осознавать свое положение. И в петлю не влезть и отказать никак, выжила она благодаря защите этого волка.

— Повернись спиной, легшее будет, — буркнул Илья, наливая в ушат кипяток и оглядываясь в поисках мочала.

Она отвернулась, чувствуя, как от смятения душно, по ногам ползет онемение и между ними родилось горячее. Откровенно тяжкое, тягучее, напрягающее душу невероятно. И мысли бьются, как рыба об лед. Тяжела судьба сироты.

Пока она размышляла, Илья окунул мочало в воду, намылил и приблизился.

— Знаю, пошло так, только мы с тобой почти родня, — произнес он, то ли пытаюсь шутить, то ли уговаривая.

От прикосновения побежали по всему ее телу мурашки, ввергая в грешное чувство, а согретое в непристойное волнение. Сладкое настолько, что Руна сама удивилась, как не то стало внутри.

— Я чую, запах. Не отбил еще.

Значит, все-таки шутит. Станные они у него, грубоватые, а все-таки шутки.

— Ты хоть раз была с мужчиной наедине?

Руна тяжело и шумно выдохнула.

— Нет, — прошептала, ощущая, как именно в эту минуту их роли меняются во второй раз. Первый раз, когда договорились о секрете и сейчас. Снова.

— Никогда?

— Не положено.

Он и сам знал. Это на этапах можно все увидеть, но не в жизни. И целующихся парочек и тех, кто прямо в углу на скамье ночью предавался страсти без стеснения и стыда. Этапная любовь пылкая, отчаянная и безжалостная. Сегодня за ручки ходят, в беседах и ласках дорогу коротают, а завтра кто-нибудь кого-нибудь убил или ограбил. Подобный шок вышибает светский и культурный дух за неделю. Тогда Руна очень быстро поняла, в каком иллюзорном розовом мире ему повезло родиться. Там, куда она хотела вернуться, такого не было. И от этого хотелось рвать на себе волосы и умереть.

Илья развернул ее, убрал с лица рыжий локон. Заглянул в глаза.

— Не бойся, сказал же.

Она-то дура поверила. Обещал работу дать. А сам! Ноги от облегчения слегка подкосились, а где-то в глубине души родилось виноватое разочарование. Качнулась Руна вперед, и в живот уперлась мужская стать. Испуганно подняла взгляд, на миг сверкнула своим волчьим нутром. Он откликнулся.

— Почему?

— В дороге не с кем, а кто угодно не сойдет, — ответил добродушно, не забывая при этом ловко мылить ее с ног до головы. Она краснела и шаталась под его мыльными руками, словно сыр в масле. — Разворачивайся.

Отвернулась, не в силах справиться с нахлынувшей легкостью и чем-то внутренне напряженно-невыносимым. Стоило ему задеть пальцами там, меж ног, замылить у бедер, как жар с бездной мучения подтолкнул тело вперед, на кончики мужских пальцев. Ощущались они Руной остро. У нее забирало дыхание. Бросило назад, заставляя выгнуться

дугой, с глухим стоном, прочувствовать оттопыренными ягодицами, всей спиной разгоряченное мокрое тело тяжело дышавшего позади мужчины. Как же сильно ведет, словно пьяная.

— Не к добру, — бормотание едва можно было разобрать, так как в следующую секунду Илья плеснул на раскаленную каменку воды, и шипящий пар жгучей влажной волной обдал их, горяча тела, сжигая непрошенное.

Рука Ильи прижала к себе, удерживая ее за талию, а пальцы другой настойчиво заскользили вверх и вниз, пеня извивающуюся волчицу. Она задохнулась окончательно, заметалась, застонала в голос, по телу прокатилась волна блаженного освобождения. Стало нежно. У Руны не осталось сил ни на что, кроме как, замереть, дышать, ощущая благодать во всем человеческом теле. Пока не разрядилась в невероятное удовольствие. В это время он терся сзади, вскрикнул следом, крепко-накрепко обняв, так, что сперло дыхание и затрещали ее торчащие ребра.

Некоторое время они стояли, не шевелясь, наслаждаясь покоем, теплом. Этап выбил из них все силы. И сейчас накрывала уютной пеленой мысль, что все закончилось. Здесь, на свежем месте, их, каждого по отдельности, ждала новоиспеченная жизнь. Единил пройденный путь и облегчение.

Илья неловко положил на кровать свертки, верно, тоже вспомнил и поспешно вышел. Мол, сама догадается, что с этим делать. Вот только видно все же, как бурно налилось у него ниже гашника. Вчерашнее воспоминание живо нахлынуло, окатывая не молёнными пикантными деталями. Так что Руна задумалась, стоит ли вообще об этом помнить впредь. Ведь вряд ли судьбинушка сведет их еще раз. Она пройдет сегодня-завтра алатырь-камень и исчезнет в этом времени года. Навсегда станет человеком, а волчица останется в старом месте. Животная сущность здесь, человек где-то там.

Она развернула свертки для прохода в лес. Прогулочное платье, белье, шляпка, сапожки. Некоторое время разглядывала купленное. Вещи новые, пусть и скромные. Модель устаревшая, но какая разница, когда у тебя ничего нет. Когда егеря идут по пятам, и мир сжимается до одного спасительного камня.

А на нем девочка, которую принесли духи предков в жертву. Меняя их телами. Ведь щенку все равно, она уже погибла. А Руне нет. Руна жить хочет. Пусть и ценой забвения. Пусть и тем, что навсегда в чужом мире. Кровь за кровь. Душа за душу. Лес свидетель многих тайн. Тысячи горестных воспоминаний. А в нем мириады разных миров. Ему не жалко, лишь бы на старом пепелище древних шаманом вновь приносились жертвы. Вновь лилась чья-то кровь. Пусть это будь чужая кровь, не Руны, не ее.

Прошлое...

В комнате недалеко от отхожего места, где ютилась Руна, не было места. Там стоял много лет сундук со старым тряпьем, и все. Кого интересует уютно ли жить службе, поступившей в распоряжение князя великого не то нянькой, не то кухонной подсобной. Суду выявить это так и не удалось. Одно известно, Москва таких девиц не балует и за не имением средств, они соглашались на ту долю и приют, что выпадает им. Не велит им природное и божье призвание быть самостоятельными и служить. Только женское бессилие, и постоянная нужда в мужской помощи и поддержке, вынуждает таких пришлых девиц выживать, а если нужно и зарабатывать собственной прелестью.

Руна же костлявая, худая, даром рыжая и с ярким взглядом, приглянулась мелкому чиновнику Тимофею Викторовичу, что бывал в игральных комнатах на балах великого князя Данишевского. Как чиновник он выучился науке и стал писцом, попал на легкую службу, но, как водится, его канцелярские временные с некоторой надбавкой за место оплачивались низко. И только благодаря природной юркости и раболепию, он смог выстроить свой чиновничий карьерный ход так умело, что дослужился до благотворительных комитетов и стал вхож в высокие дома, где и пытался не безуспешно поправить шаткое финансовое положение.

Там же он заметил Руну, играющую с детьми в волчок. Игра азартная со ставками. Играли делая ставки, у кого, что было. Выигрывала рыжая постоянно, удача у нее фартовая. Так счастливо, Тимофей сколько бы не был весел и во хмелю, а засмотрелся. Отмечая в раздумьях в ребенке скрытые таланты и придавленную силу. Тогда то, он и подозревал ее к себе в коридоре, где сновала прислуга туда-сюда, и поинтересовался, кто такая и откуда будет.

Попросил высоко благороднейшую благотельницу мадам Данишевскую, являющуюся главной сердобольной создательницей комитета выделить ему Руну для разного рода деликатных поручений. Милость оказали. Сам же он, Руну приучил к побегушкам, став для нее злым и вороватым начальником. За восемь лет Руна сделалась опытной, сообразно с пожеланиями и капризами титулованных заказчиц и хозяйки. Сам же Тимофей Викторович заделался лучшим угодливым другом для светских дам, выдавая указания послушной помощнице, что держал в ежовых рукавицах.

Сколько стоит вызнать секрет, в каком платье будет мадам Ровская? Что будет из угощений на балу у Кандинских? У кого заказывает вина и цветы мадам Романская? Все эти мелкие поручения, с узнаванием кто кому симпатиями проникся, и кто с кем каких отношениях, подняли мелкого чиновника из незаметного человека до невообразимых высот, сделав его незаменимым.

Положение вещей сохранялось из года в год, пока однажды, его благотельница мадам Данишевская в попытках удержать молодого любовника не решилась на отчаянный шаг...

В то утро Илья Кадуций незаконнорождённый сын князя Олейникова выскочил из ее постели при виде личного слуги, совсем не стесняясь наготы, и выхватил у него письмо.

Стремительно развернул, он погрузился в чтение, на ходу натягивая атласный халат. В то время, как мадам распорядилась подавать завтрак, состоящий из простокваши, каши и нетипично мясного, зная, что любовник нуждается в последнем. Мадам скользила взглядом по его телу также жадно, как любовник по строчкам, состоящих из очень мелкого почерка, и ей нравилось, то, что она видела. Сын князя Олейникова был невероятно красив и хорош собой. Темный волос, коротко остриженная борода, и карие глаза, лицом он удался весь в отца, но телом, телом он вышел значительно лучше. Хорошо сложенный, он притягивал к себе мускулами и формами, какие бывают у молодых мужей, занимающихся гимнастическими упражнениями. И мадам Данишевская никогда не отказывала себе в удовольствии насладиться зрелищем мужской первозданной красоты, коей природа щедро наградила ее любовника.

— Илюша, — проворковала она, с неохотой поднимаясь с мятых простыней и заворачиваясь в тончайшие кружева черного халата, привезенный непременно с предпоследних мод из Парижа. — Неужели это то, что я думаю?

Илья повернул голову и кивнул, затем снова вернулся к чтению, пока любовница забирала поднос у прислуги, отсылая ее.

— Замечательная новость. Наконец, мы можем обсудить дальнейшие отношения наши, — ответила она, стараясь говорить не слишком возбужденным тоном. — Ты же думал о нас?

Илья Кадуций с выражением некоторого удивления на лице, прекратил чтение, сложил письмо, и уставился на любовницу. Мария Данишевская, безусловно, интересная любовница, но были и другие на свете претендентки на эту роль. И Илья искренне полагал, что ему рано жениться.

— Думаю, твой муж будет рад вызывать меня на дуэль или любым другим способом избавиться. Милая, ты желаешь ему смерти?

Данишевская вздохнула, задумавшись о том, что смерть мужа может изменить все. Он стар, немощен и у него нет наследников. А хорошее денежное положение легко заставит пересмотреть ее любовника планы в отношении нее. Ныне в обществе без финансовой поддержки и связей трудно достичь успеха. Впрочем, как и во все времена. Она села за стол, жестом приглашая присоединиться.

— Может быть, я разонравилась тебе? — с обидой спросила она, стеля на колени салфетку и беря в руки цветной бокал из муранского стекла с простоквашей.

Он ответил не сразу. Набросился на мясное, как волк, поражая его аппетитом. Что не удивительно, из всех известных ей мужчин, только этот любовник смог полностью усмирить ее чрезмерно горячий нрав.

— Как может разонравиться, то, что мы делаем? — спросил он с хитрой улыбкой, бросив жадный взгляд на ее грудь, не подозревая, что, в общем-то, озвучил самый большой страх мадам.

Та отставила стакан, позвонила в колокольчик, а затем, сцепив пальцы в замок и облокотившись на стол, разглядывая, как ест ее любовник, вкрадчиво произнесла:

— Мы три года вместе. И хотя чувственные аппетиты твои очень сильны, я думаю, ты нуждаешься в некотором разнообразии меню.

В этот момент в комнату вошла юная девушка. Илья, закончив с мясным, налил воды из кувшина в бокал, встал с удивлением разглядывая ее. Затем перевел изумленный взгляд на любовницу.

— Ты шутишь?

Девушка стояла так, словно не посвященная в происходящее, хотя очевидно знала Данишевскую. Одета она в скромное платье, указывающее на принадлежность не к высшему обществу, а скорее к ценной обслуге. Она походила на гимназистку, только что закончившую дорогое учреждение, но никак не на разнообразие меню. Может только волосы, решил Илья. Убранные в строгий пучок, они все равно были необычными. Он не видел никогда такого насыщенного рыжего оттенка. Вероятно крашеный?

Кожа казалось идеальной, фарфоровой. Тонкая талия, крепкая грудь, лицо...да с годами она могла превратиться в шикарную куртизанку. От девушки веяло аппетитным чувствованием, спрятанным под маской скромности. От нее дышало волчьим запахом? Что-о-о!? Она оборотень!?

Илья переменялся в лице, разглядывая ее со всей тщательностью.

— Мадам, — произнесла красавица, ожидая распоряжений.

— Ты, я и она, — предложила Данишевская, вставая и приближаясь к нему, недвусмысленно погладила Илью по твердой груди под воротом халата. — Что скажешь?

— Ты сошла с ума, — произнес он вынужденно, отлично понимая, что и в самом деле, не безумие ли то, что предлагает любовница. Затем посмотрел на девушку. Оборотень и он! Конечно, заставить ее, или купить, будь она человеком не составит труда. Люди продажны. Но зачем? К чему ему еще одна любовница, к тому же прислуга.

Данишевская закусил губу. С обидой уставилась на любовника. Ведь она хотела, как лучше. Илья весьма горяч и хорош в постели, но она все-таки женщина с опытом и знает, мужчины любят разнообразие. Тем более молодые мужчины.

— Не ожидала, что ты ханжа, — скисла она.

Девушка же, бросила сначала испуганный взгляд после слов на расстроенную мадам, а потом на Илью. Дыхание у малышки сбилось, по хрупкой шее поползла краснота, отчетливо угадываемая на фоне завитков. Заалела по щекам и всему белому, как снег лицу без единой веснушки. И эта краснота, и завитки на белом заставили Илью сглотнуть. Никогда бы не подумал, что захочет оборотня.

Он отвернулся, стараясь больше не дышать в сторону красавицы. Гадая, знает ли она, что является альбиносом. Наверное знает, раз красит волосы.

— Это оскорбительно, мадам, — выговорила та, сдавленным голосом, разглядывая улыбнувшегося Илью.

Он повернулся, развязал пояс халата, и под все ширящимися глазами малышки, дал полам разойтись в стороны, чтобы лучше почувствовала запах. Да и его самого.

— Я тебе не нравлюсь, — спросил он, разглядывая ее, скорее для смеха, чем с намерением. Скорее порадовать любовницу, чем что-то сделать действительное. Безусловно, рыжая дивно хороша, но даже для него подобное слишком.

— Свояк свояка видит издалека, — прошептал он, наблюдая, как малышка поняла и от удивления приоткрыла ротик, бессознательно втягивает в себя воздух. Понюхала. Покраснела выдыхая, всматриваясь в него совершенно другим взглядом. Испуганным, чуть опьяненным с поволокой животной реакции, очевидно не понимающая, куда деться от возникших внутри разом чувств. Илья усмехнулся. Ему то не знать, что чувствует волк, почуяв возможную пару. Почуяв не человека, а существо. Необычное, не из мира людей, такое же, как и она. Случается. Не часто. Но, когда бывает, от водоворота чувств и желаний трудно устоять на ногах.

— Ты совсем молодая, — констатировал он, разглядывая чужое смущение. — И у тебя нет пары.

— Пошла вон, — произнесла Данишевская, беря в руки кувшин с водой, даже не взглянув на Руну.

Девушка развернулась, и бросилась из комнаты. Выйти она не успела. Ей на встречу, ввалилось трое мужчин, а за ними великий князь. И эти люди были не с пустыми руками, а с машиной. Польская деревянная фотокамера SzalayGrünhauser сделала один единственный (но какой) снимок. Полуголая мадам, распахнутый с могучим непристойным Илья и неизвестная рыжеволосая девушка.

Вместе со вспышкой завопила мадам Данишевская, захохотал Илья, и над всем командовал великий князь.

— Еще, еще один! Мадам, покажите правду.

Завязалась драка. Руна прижалась к стене, испуганно взирая на происходящую потасовку. Княгиня бросилась к дерущимся, борясь за пластину с негативом.

— Забери снимок! Илья! — визжала она, не жалея дорогостоящих французских кружев и каштановых кудрей.

Каким-то образом пластина отлетела к ногам девчонки. Она наклонилась, подобрать, и в этот момент на нее бросился великий князь. Руки мужчины оказались на шее, и та понимая, что ее душат, извернулась. Она сначала надавила ему на глаза, а когда смогла освободиться, повалив его на спину, вцепилась князю в шею, не осознавая, что творит.

Оглушительный визг мадам и вода из кувшина привели Руну в чувства. Почему-то она оказалась в руках Ильи, успевшего оттащить ее от князя.

— Я не хотела, не хотела, — лепетала она, наблюдая, как кровь растекается густым киселем под телом убитого. Горит перед глазами багровой лужей. В следующий миг малышка увидела бросившуюся к ней обезумевшую мадам, в испуге отпрянула назад на Илью, вероятно думая, что к ней откровенно возлежащей на голом любовнике. Но та бросилась к нему, обхватив его за голову.

— Мы свободны! Илюша! Илюшенька, — шептала она, залезая на колени, целуя его и игнорируя между ними малышку. — Ты получил наследство, я свободу!

Один из троих мужчин, перезарядил фотоаппарат новой пластиной и сделал снимок. Мадам замерла, обернулась, перевела обезумевший взгляд на Илью, начав трястись:

— Забери. Забери сейчас же! Охрана. Охрана!

Мужчины убегали, унося с собой доказательства и скандальный снимок с места смерти великого князя.

— Вызывай врача, — велел Илья, скидывая с себя любовницу и поднимая на ноги ослабевшую и едва стоящую от горячки Руну. — Зови будочника.

Скандальный снимок напечатали в трех столичных газетах. И если Руну судили и отправили на каторгу, то Илью наказали. Вины его не было, но в силу сложившейся непристойной обстановки, сам император пожелал строгой кары. Дабы его офицеры не допускали подобных стечений ситуаций. Его не уволили, назначили тайным офицером этапного конвоя. А это все равно, что на каторгу сослать. Выводы все делать умеют, в том числе и Илья. Не будь завещания и наследства, а главное титула, что оставил папенька, его бы наказали не меньше девчонки. И только безутешная вдова, внезапно разбогатела, но осталась не удел. Лишившись любовника, мадам Данишевская решила на несколько лет съездить в Европу, пока скандал не забудется, и она сможет вернуться. Она надеялась, что

сможет. Очень хотелось стать мадам Олейниковой, рассчитывая, что Илья возьмет не только титул, но и фамилию отца.

Илья смотрел, как ползет этап.

Арестантский отряд прошел с верховыми казаками впереди и солдатами по бокам сельский погост с выщербленными крестами. Вокруг них обвалилась прогнившая ограда. Мимо бесчисленных могил, на одной из которых лежит человек.

Упавши на грудь, он издавал стоны сквозь тоскливые всхлипы. Пел могильным плачем. Колодники, чей тупой звук кандалов разлетается по деревенской улице то едва слышно, то громко подхватили его боль, и дружно затагнули заунывную песню. У Ильи сделалось в груди тяжело, положительно жутко и неловко. От стонов-песни веяло чем-то сиротливым, щемило сердце и представились места, откуда нет людям возврата. Жрет тело там замогильная сырость. Давит мрак казематных стен душу. Свинцовая тяжесть неволи выедает остатки последнего святого в разуме. Сибирь. Такая темная. Чужая. Безликая. Сырые земли здесь были настолько необжитыми, что даже ангелы в них не заглядывали.

Шли намеренно медленно. Арестанты переставляли едва ноги в тяжелых пятифутовых цепях, выводя артельную песню таким образом, чтобы голоса сливались в один гул мольбы. Тот проникал в сердобольные сердца, погружаясь вслух и чужое внимание, заставляя задумываться обывателей о доли горемычно-просящих. Пели громко, боясь сфальшивить, выронить хоть слово, бережно и торжественно ради сбора подаваний.

Илья ходил рядом с конвоиром, и тоже открывал рот. Путь предстоял не близкий, и посему подать не казалась лишней хоть харчами, хоть деньгой. Сбитые в партию в Москве, за тюремными воротами они шли в основном этапными дорогами уже месяц. Срок достаточный, чтобы сформировался артельный костяк, а по грязи под холодными ветрами обострились у арестантов болезни.

Он шел в своей связке, гремя цепями и время от времени на этапных зданиях уходил в лес или деревню. А кому и зачем не отчитывался. Особо выгода случалась на этапных кабаках. Их держали местные офицеры. Унтер-офицер не имел права отворять замка, пока в дороге. Но это ж официально! А в жизни и не требовалось. Исхудавшие, ободранные, голодные, через месяц любой этапный мог выскользнуть из кандалов. Илья подходил и испрашивал высокоблагородье дозволение. Терпел, свою поганую роль, зная, что конец близок.

В деревне, где они пели, распавшейся вдоль берегов, подати слались щедрые. Граница Сибири начиналась. Всем приметно, где заканчивалась денежка-молитва, острая как бритва и несли разносолы. Нищенствующие арестанты и хлебной жертвую довольны молились, насшибали копейки ранее. А в этом месте начинались территории староверов, и те верой могучей, в то, что рука дающего не оскудеет дачей, по-старому отцовскому обычаю жертвовали ссыльным, дабы усладить тяжелые дни горемычных.

— Подсоби чуток, — подобралась к нему Иванна, чем платок снятый и превращенный в узел для сборов сегодня был полон. Сунула по-хозяйски в руки и с плеча второй сняла.

Он не стал возражать.

— Эх, дурак ты, — мужики гикали. В его связке шли еще трое. — Молодка та-ка, собой других почище.

Илья молча, смотрел вслед. Иванна верно говорят, молода, пышна, розовощекая, волосы

кудрявые так и лезут на глаза черные, как у лисы.

— Саму лутчу пору, нету у ней запору. Не вороти нос, — советовали бывалые.

— А то ж гляди, терпеть до города, там дурех, цена полтина.

— Да, ты мож обижен природой?

— Закрыли рты, рвань, — рявкнул солдат.

Он сравнялся с их связкой, косым взглядом скользко срезал по узлу в руках Ильи.

— Иванна баба не промах. Ямочки на щеках вох-вах какие. Играет девка, подать успевай собирать. У тебя, там?

Тот пожал плечами.

— Шаньги, яйца, и похожее кислое молоко.

Улыбнулся рядовой.

— Эх, — выдохнул. — Хороша бабец.

Отошел, пока Илья молча тащил провиант дальше. Обернулся вслед, связники затянули песню дальше. Глаза его искали девушку, идущую позади. Выхватил взглядом бесцветный платок, что прятал огненный волос, отвернулся. Идет коза. За месяц белые корни отрастила. Вот и прячется. Он уверен, она молчит, только по сторонам глазами зыркает.

И чем питается? Воздухом?

— Все милашу высматриваешь, — оценил купец Косолапов, шедший рядом.

Он мужик из крестьянских, из краев Забайкальских нищих и убогих, настолько что возбуждала сострадание в проезжих. Вырвался в Москву, хотел копейку нажить, кусок свободы урвать. Прогорел Михайло. Так сильно прогорел, что не имел возможности достать хлеба на предстоящий день. На воровстве и повязали.

Илья промолчал, сплюнул в сторону. Здесь бессовестный произвол стал обычаем, слабости не прощались.

— Илюшенька, давай, — подскочила Иванна, улыбнулась ему по-девичьи, довольная подаяниями. — На привале подходи.

— А мне красавица, дашь чего? Я трудолюбивый, хвала твоей красоте, я же тебе свою покажу.

Тяжело ей было держать в двух руках узлы, но все-таки обернулась, косу отбросила.

— Так ведь, он у тебя эка трость у нищего. Красоту он мне покажет. Коса моя толще будет!

Купец взорвался, грудь колесом вывернул.

— Да, не затоскуешь ты! Я ж благодарный бываю, знаешь какой?! В моих краях маслицем до сыто жить будешь! Тебе надобно полежать, пожимать пятерней. Вон, какие ладошки!

Та хихикнула, плечами пожала, на Илью бросила игривый взгляд. Мол, чего скажешь? Снова посмотрела на сыскавшегося ново ухажера.

— Варвара вчера сказывала, как твой воин лишился сил, — засмеялась. — Пал и голову склонил. Так что ищи утешения в грубой длани своей, авось господь смилуется!

Мужики заржали в окружении. Купец покраснел мухомором, но смолчал, губы поджал, наблюдая, как девушка пошла к своим.

— Врет, все, — буркнул он. — Врет.

— Ты бы поостерегся, — Илья задумчиво посмотрел вслед.

Купец вскинулся, покраснел сильнее.

— Тоже потешится хочешь?

— Конвойный говорит, она здесь за убийство отца. Придушила платком. Вот тем, в чем несет дачу. Не просто девка, для тебя барыня.

Илья усмехнулся, глядя, как тот осекся и молчит, глядя вслед Иванне.

— Так ты за безумную переживаешь? — догадался Косолапов.

Илья кивнул. Да, переживает. С оборотнями никогда не бывает просто. А когда такие вот брошенные, как она. Никогда не угадаешь, когда обернется впервые. Если бы это случилось в детстве, сейчас бы не шла в конвое. Если бы вообще по Земле хаживала.

Он нашел ее на первой ночевке. Волчиц разных повидал за прожитые годы, но такой как эта не встречал. Отличалась Руна взглядом. Дерзкий, больно чужой, диковатый он у нее. Бесовской, как сказал Косолапов, решив, девчонка либо ведает, либо бесы мучают. И дурная. Глаза огромные, яркие, взгляд не человеческий, словно не имелось разума в нем совсем. Отталкивал всех окружающих.

Мужики обходили стороной ее. Только дорога на то и дорога. Спустя месяц бояться перестали. Как говорится на безрыбье и рак рыба. Бабы молча терпели, странно, что с осуждением, в ней самой не было опасного, ни в поведении, ни в манерах. Под горой тряпья, что носили местные, было очевидно, Руна крайне истощена. Маленькая настолько, что легко представить, голодных дней в ее жизни случалось много больше, чем сытых. Теперь узнать в ней вышколенную, дорогую прислугу по деликатным поручениям невозможно никак.

Он приглядывал. Скажи ему месяц назад, что будет за оборотнем приглядывать. Не следить, ни охотиться, а приглядывать. Не поверил бы! На смех поднял.

Она ни с кем никогда не говорит, знакомств не заводит, ни на кого не смотрит. Оно и понятно, если одержимая, то не буди лихо. Но не стала бы Мария держать в прислугах сумасшедшую, да к тому же, как он позже вызнал по крайне деликатным и щекотливым поручениям. Похоже, трудная дорога и конвой ломал малышку.

Ночью, на этапном здании, охрана удалилась к себе, арестанты могли заниматься, чем душе угодно. Илья являлся выборным старостой уже как три недели. Ему нужно заботиться о приготовлении пищи. В его руки стекалась сумма денег от подати на всем пути. И за проступки артели он отвечал перед лицом начальства.

А еще в прямые обязанности входила слежка за соблюдением правил главной страсти между преступниками. Хотя в тюрьме, хоть на этапе, а майдан, как дух святой всегда существовал. Оно понятно, отдохнуть всем хочется. А кроме сна, разговора, да бабы в дороге, чем займешься? Вот и играли на тряпице в карты или кости. Когда приличные люди видели десятый сон, бушевали душевные волнения и страсти в душной этапной избушке. Словами не передать. Первые игры, это отбор и раздача ролей в иерархии этапа, и торги.

На ночь им попало старое здание. Развалюха, давно не чиненная. Ночь выдалась холодной, унтер-офицер принял решение всех в одну избу согнать. Пожалел баб. Мужики порадовались. И утеха, и копейка в поддержку игры, али разболевшая любовь. Да и бабёнки всякие. Кто играть при свече сел, кто в угол забился. Безумная у двери сидела. Там самое холодное место.

Сторожа поставили на стрёмы и давай новичков щепать. Нет разницы, что мужики, что бабы. Кто считает себя умнее всех и лезет в игру, а кто в стороне с опаской наблюдает, на ус мотает. Как говорили, на всякого майданщина по семи олухов.

Безумная оттолкнулась от двери. Подошла. Три рубля поставила на кон перед Косолаповым. Тот взвился. Толи опасаясь ее, толи оскорбившись. Задышал тяжело, сам покраснел, как рак. Илья кивнул. Все равно никто не проигрывает на Майдане сразу. Даже

если проиграет, выигравший обязан треть вернуть. Таковы правила.

Играли в карты. И тут понял Илья, девчонка считает. И сказал бы что шулер, но ведь не скажешь. Хотя кто ее знает? Она выиграла у Косолапова. Вернула рубль. Мужики начали коситься с любопытством.

Бывший купец в ярости, в азарте, готовый скрутить девчонку в рог, вызнать, как смухлевала. И бог знает, чем бы, все закончилось, как закричал сторож «стрема». Исчезли с лавки тряпица и карты. Свечу махом погасили.

Илья меж Косолаповым и девчонкой оказался. Изба темная, только льется свет из окна, что луна дает. Дыхание, возня, кряхтение людское, бабские ласковые шальные вздохи на дальней лавке. Вот и все звуки.

— Михайло, оставь! Она взяла куш честно, — прошептал он тихо, не ощущая малышку за спиной.

Словно и не было никого там, и не дышит. На слух он не жаловался. Поймал себя на мысли, что хотел бы ощутить. Ищет этого. Ведь оборотень за спиной, это всегда опасность. Но Руна не знает этого. А ему бы не вестись на это и не желать врага своего, дабы бога не гневить.

Зато Косолапов обиженно пыхтит, под звуки проворачивающегося ключа, и возни с щеколдой кого-то из унтер-офицеров.

Дверь распахнулась. На пороге оказался солдат с лампадкой.

— Бабы, — произнес он громко, освещая комнату. — Кто в баню желает? Натопили от души.

Народ воодушевился, начал подниматься.

— Только женщины, мужики потом, — прикрикнул рядовой, передал ключ от замка солдату на посту. — По пятнадцать человек.

Бабы вышли и направилась в баню первая партия. Мужики все дела забросили, к трем маленьким окошкам, что во двор смотрели, прильнули. Ждут угощение для глаз.

— Зачем это? — усмехнулся Илья.

Косолапов мечтательно улыбнулся.

— Так ведь запруда рядом. Всегда найдется несколько желающих окунуться.

Что ж и мужиков понять можно, и баб. Илья тоже сел, недалеко, наблюдая, как мужики затихли, задремали, пока кто-нибудь не гикнет, не оповестит о начале зрелища. Он и сам задремал, видя почему-то во сне не бывшую любовницу, а Руну. Встрепенулся от визга, четверть часа спустя.

Визжали бабы, выбегая из бани, в чем мать родила.

— Волчица! Свят-свят, прости господи! Спаси и сохрани! Волчица. Ведьма-Ведьма.

Они вопили голося, кто во что горазд. Мужики посыпали с охраной во двор. Этапный двор все равно частоколом огорожен. В центре ворота, а калитка у бани, за которой запруда.

— Отставить! Прекратить истерику. Этап стройся, — завопил, срывая голос главный конвойный офицер.

Он и сам в одной рубашке и штанах, выскочил, как есть из избы-казармы. От окрика народ пришел в себя. Волна паники, не остыв, махом не улеглась.

— Я сказал, построились.

Бабы прикрыли сиськи руками, а причинное место длинными волосами. Оголили жопы. Заставляя мужиков бочком вдоль частокола поменять угол зрения. Всем хотелось потешить взгляд, раз по-другому не выходило никак.

— Что здесь происходит?

— Волчица, там, — отозвалась Иванна.

Главный конвойный офицер в сказки не верил, а на этапе чего только не видывал, как только человеческий разум не умеет извращаться одному Богу известно. Потому засопел он не довольно, разрезая взглядом толпу, приходя в ярость, а не держат ли они его за олуха последнего!?

— Да, откуда ей взяться там?

— Иди проверь сам.

— На кол ее.

— Убить. Она ведьма!

— Ишь проверю, мало не покажется. Бабские небылицы мужикам рассказывайте. А мне, правду матку, извольте!

— Да волк она! Упырь! Вот тебе крест!

— Молчать!

Словно в противовес его словам, издали разнесся вой то ли собачий, то ли волчий. Народ разом притих. Бабы тихонько заскулили и не понятно то ли от холода, то ли и в самом деле от страха.

— Староста, — офицер бросил взгляд на Илью, мотнул головой в сторону бани, мол иди посмотри.

Илья окинул тяжелым взглядом перепуганных, кивнул угрюмо. Он видел, как безумная шла мыться в первой партии, и среди баб ее нет. Девчонка видимо проклятая, одни несчастья на его голову от нее. И за что такое наказание?

Он двинулся к зданию, зашел в душный предбанник. Ожидал, чего угодно. Оборота, волчицу, лужи крови, труп женщины... Самое поганое. Ан нет, Руна вышла сама из бани, завернутая в одну тряпку. Вот же дура! Шагнула легко, пружинистой походкой, если бы не перекошенное от ужаса лицо. Бедра мерно колыхались в такт шажкам. Мокрые волосы бьют по плечам. Ноги длинные, босые.

Повернулась к двери, взяла вещи с лавки.

Или верно, блаженная? Снаружи перепуганные люди, двор полнится кровожадными бабами, а она в тряпице, что липнет к крепкому заду. А под ней!? Возмущенный взгляд Ильи завернул против воли под низ, прилепился к лобку с коротким белым пушком. Илья сглотнул. Волна непрошеного жара пошла в плечах, в груди, в паху. Горячая плоть наполнилась силой.

— Убей ее! — доносились вопли со двора.

Сплошное наказание! Он шагнул к ней, схватил сзади и крепко зажал ей рот. Вывернув тонкие руки за спину, прижал животом к банной стене.

Малышка всхлипнула, не в силах шелохнуться.

Раздвинул ей ноги и втиснулся между ними, расшнуровывая гашик.

— Не надо, — взмолилась она, не понимая, что ее ждет.

— Думать раньше стоило, — взорвался Илья, рыча ей в ушко, задыхаясь от распаренного аромата кожи. — Когда душила старого ублюдка. А теперь терпи! Твой единственный...

Рывком стащил штаны вниз с себя.

Девчонка затрепыхалась в его мертвой хватке. Заскулила с отчаяньем.

Он толкнулся в ее влажную кожу, вздыбленной головкой елды. Горячо обжег, низ его

живота вжался в половинки сладкой попки. Илья задохнулся.

Девчонка ахнула, задергалась, задрожала телом под напором, нервно попискивая под его ладонью.

— Заткнись, и стони — прорычал в ухо.

С силой навалился на нее, он плющил ее к стене вперед. А сам со свистом выдохнул, злобно думая, было бы чему? Нежные ягодички послушно разошлись в стороны, и все великолепие предстало перед ним. Приставил набухшую головку к ее дырочке, растянул костлявые ягодички в стороны, подался вперед, скользнул ниже и слегка погрузился в девичье. Снова закрыл ей лицо ладонью, будет сейчас ныть.

Руна завизжала, тревожно и ускоренно задышала, замычала.

— Стони, дура, если жить хочешь.

Он убрал пальцы со рта и освободившейся рукой, задрал тряпку, припечатал ее сильнее. Теперь он чувствовал Руну всю на себе. Терся о нее, изнывающим собой. Сдерживаясь сам, но не входил глубже, только вид делал.

И до нее, наконец, дошло. Судорожный кивок головы, обозначил согласие.

Он убрал ладонь с лица.

Руна сначала молчала, затем громко застонала. Мягко, протяжно, царапая ему этим звуком внутренности.

От прикосновений, от стонов, ему хотелось ввести елду по самое основание. Максимально глубоко. Илье хотелось её тощую безумную, без остановки трахать, пока не кончит. Долбать, пока не станет пусто в яйцах. Грубо, яростно, ретиво. Вместо этого, он лишь терся, словно малахольный сигнальщик отгуливающий первую волчицу. Что за блажь? Зачем так сложно у волков? Будь он человеком, или хоть бы волком давно забылся бы с ней, не спрашивая позволения.

Илья застонал сам, порываясь в бешенстве.

В предбанник заглянул конвойный, переменялся в лице, оценил картину.

— Это она что ли волк!?

Было видно, как мужик вздохнул с завистью, дернулся и вышел.

Илья и девчонка замерли. Оба выдохнули.

— Значит, бабы, живо за вещами и в избу. Завтра, все наказаны. Разойдись. Рядовые навести порядок, — слышались злые окрики со двора.

— Но там же. Там...

— Ебут твою волчицу. Иди сама глянь.

За это время, Илья успел развернуть перепуганную девчонку вместе с тряпьем к себе, и теперь он наслаждался перекошенным лицом. Прижал ее к стене, закрывая, от любопытных глаз.

Рыжая смотрела на него, распахнув глазища, не моргая, чуть дыша. Видимо, наконец поняла, зачем он это сделал.

Он взял ее руку, и намеренно опустил вниз. Сама поймет, что требуется. Сипло вдохнул, когда малышка обхватила неловко маленькой ладошкой его внизу.

Не умело, не ловко повела вниз-вверх. Девчонка попыталась сильнее, но не выходило. То ли давно не ела, толи слабенькая сама по себе.

— Сильней, — прорычал он, ничего не слыша и никого не замечая. Устало прикрыл глаза, от нахлынувших ощущений.

А за спиной стояла тишина. На цыпочках в предбанник входили и выходили голые бабы.

Он обхватил до боли своей пятерней ее пальцы, так что она закусил губы. Пискнула. Водил их ладони вместе дюжими движениями. Сжимал до хруста. Давил, яростно лаская, так что на лбу выступили капли пота, а сам он запрокинул голову. Задохнулся. Открыл рот и кончил на ее тряпье. Прижал к себе хрупкую фигуру, ощущая выброс наслаждения в крови. Сладкая, она блаженная, вот почему так его привлекала, заводила, мучала недоволчица.

Когда он пришел в себя, в предбаннике никого не было. Никого кроме него и Руны. Она так и стояла у стены, прижимая к себе одежду. Илья натянул штаны, и не говоря ни слова, вышел. Закурил, наблюдая как в баню внутрь заглянул конвойный.

— Подмойся, — сообщил он ей. — И живо спать!

Девчонка, проходя мимо, поравнялась с ним и притормозила, подняла на него глазища, передернулась в лице.

— Спасибо, — проронила одними губами и тут же двинулась дальше.

Илья отвел глаза, стараясь не смотреть ей в лицо. Этап имеет свои жесткие правила жизни. Или правила выживания, это кому, как угодно. И они ничуть не мягче леса. Если бы она знала, что есть еще одни правила, которые они нарушили сегодня, наверное, сама бы удавилась. А его свои бы удавили. Но коли, нет свидетелей их греха, то и суда нет. Авось, как-нибудь и когда-нибудь Богу да пригодится.

В лес. Туда, где можно охотиться, трава растет нужная, и самое главное, воля пуще не воли. Он наполнит тело силой, жизнь станет в радость. Руна вместе с другими бабами шла без связки. Их оковы отдельные, ноги с руками на длинном ремне наручниками скованные. Металлическая цепь держит только между рук и между ног. А иначе не уйдешь далеко с такими подолами в связке и много не намоешь.

Она смотреть не могла на купоросные щи. Ноги переставляла едва, а в рот не лезут. Легче богу душу отдать, чем такое жрать. Исхудала так, что в бане легко выскользнула из оков.

Мужики, да и бабы ее побаивались. Только староста бросал взгляды косые. Она не сразу поняла, что он не волк, тогда у Данишевских решила, что волк. Молодой, судя по всему, но он так свободно ходил в лес и села. И не человек. Тогда кто же? Руна видела, как офицер конвоя отпускал его. Видела и терялась в догадках. Что она могла знать о нем, если о себе ничего толком не ведала. О своей природе нечего не знала, что уж говорить о чужой.

В последней подати стало ясно, голодая, она долго не протянет. Руна поставила все деньги, что у нее были на майдан. Выиграла, решила, купит еды в деревне. Порадовалась, что хоть какая-то полезность отыскалась от пребывания в господском доме. Играть научилась, считать и держать всю игру в уме тоже там же научилась.

А когда в баню пошла с первыми, так вообще ей думалось, вот же свезло. Зря радовалась. Стоило бабам оказаться одним, как к ней приблизилась Иванна.

— Эй, рыжая.

Руна обернулась, неторопливо стаскивая с тела грязные тряпки. Те превратились за месяц дороги в потные, вонючие панцири. Хотелось простирнуть их, а вместо этого она недовольно оценивала весовые категории дамы и свои. Это в человеческом теле Руна маленькая, а в теле волчицы... Иванна же стояла перед ней в чем мать родила и никакого стыда или волнения от собственного срама не испытала.

— Говорят, староста на тебя глаз мозолит? Молчишь?

Руна оставила одежду на грубо сбитой лавке и двинулась в баню, понимая, что ни спроста Иванна подошла, а «подружки» медлят и не спешат раздеться. Помыться старалась быстрее, пока те за дверьми шушукались. Вернулась спустя четверть часа, увидела, как Иванна копается в ее юбке, изымая выигранное. Водой сыт не будет, все перевернулось в глубине души у Руны.

— Верни чужое, — прорычала глухо, оборачиваясь кусочком тряпицы.

— Что?

Голос Иванны звучал с каверзой, так что ей не показалось с издевкой. Такое себе могут позволить только дамы высоко светские, ну ни как не дворовые девки.

— Не твое верни, — повторила еще раз, не скрывая раздражения, со злостью глядя на сжатый кулак Иванны. Вероятно, с ее деньгой.

Её ДЕ-НЬ-ГОЙ.

Та полуобернулась, отложила юбку, высокомерно оглядела мокрую Руно.

— Я себя не пожалела, отца за хуй поганый удавила. Отрезала и сожгла. Убила гада! А ты мне противостоишь?

Иванна обвела предбанник глазами, посмотрела на других, зло улыбаясь.

— За что ты тут?

Руна тоже посмотрела вокруг. Бабы хоть и голые, а обступили со всех сторон. Стоят так, словно удумали неладное.

— Тебя не касается.

— Кать, ты за что?

Невысокая женщина средних лет справа, усмехнулась, распуская косу.

— Да был один, ходил ко мне. А потом...

— Ой ли, один, — возмутилась Варвара. — А мой бил смертным боем, вот и дала раз сдачи.

— Деваньки, я сожгла бы таку любовницу.

— И так сожгла.

— А не че на чужое зариться.

— Ну и где теперь твое?

— Мое, никого не касается. Отравился, судья не поверил. Все думал, что я молоком его. Дурак, говорил в травах любая бабёнка разбирается лучше, чем он в пизде.

Женщины засмеялись. Иванна смотрела на Руну, так что внутри оборвалось и сжалось от нехорошего предчувствия.

— Так что?

Та вздохнула, посмотрела в потолок, затем на баб, не зная куда отступить.

— Верни, подобиру.

— Напугала.

Мотнула головой, и с двух сторон две бабы схватили Руну за руки, а еще две за ноги. Руна окаменела, выгнулась дугой. Когда тебя держат четверо, а пятая схватила за волосы, разве убежишь?

— Держи. Держи.

В ее животе скрутило всё судорогой, по груди поползло раздражение, прожигая гневом.

— Шпохни ее! Размажь.

В следующую секунду, рука Иванны оказалась у нее на горле.

Руна дернулась, как от раскаленного железа. Завыла. Принуждая, ей закрыли рот и нос. Она задохнулась. Дышать стало нечем.

Пальцы Иванны врезались глубже. Насильно сдавили.

— Приятно тебе, белать? А? Приятно? Ебтись научу, ни на одного мужика не глянешь. Меня хотеть будешь.

Руна зарычала, ощущая страшное, нечеловеческое напряжение во всем теле.

Глаза у душегубки расширились от понимания. Так что она одернула руку и осеклась с выдохом «А-а-а».

Руна начала оборачиваться волком. Превращение малоприятное, тем более, когда сил нет, а в животе учит от голода.

Бабы бросились врассыпную. Отпустили разом. Завизжали, на чем свет стоит. Позабыли обо всем, выбегая из предбанника, как есть. На ходу крестясь, повизгивая с перекатами в крик.

Руна метнулась в баню. Нервно схватила тазик, окатывая раз за разом дрожащее тело холодной водой.

Остановить! Нужно остановить.

Иначе смерть, иначе не видать ничего в жизни больше. Хотелось рвануть в лес, но разве

пройти мимо людей есть шанс? Пробежать сквозь солдат и охрану? Отчаянье затошнило с новой силой ее изнутри. Род людской будь проклят. Она ненавидела в этот момент и людей и себя. Эти бабы, хуже волков во время гона.

Еще воды, еще холода! Чем больше, тем лучше!

Остановив оборот, Руна тяжело отдышалась.

Со страхом прислушалась к воплям за стенами. Глухо. А там тишь, как не старалась услышать или понять происходящее.

Собралась духом, решила виду не подавать. Она вышла из бани, и увидела Илью. Шагнула. Парень высокий, жилистый.

Он стоял в предбаннике, сузив глаза, смотрел на нее с подозрением в упор.

У Руны перехватило дыхание, когда он схватил ее. Припечатал к стене. Его намерения настолько очевидны что, Руна смирилась с неизбежным. Все равно случится рано или поздно. Но все же не смогла не всхлипывать. А когда поняла, что он только создает видимость, почувствовала растерянность и облегчение. Все происходило настолько быстро, она не успевала осознать происходящее. И ее разворот к нему и рука вниз.

Немой приказ или просьба в мужском взоре, плата за не свершѐнное. Она сосредоточилась на лице Ильи. Глаза в глаза. Взгляд в взгляд.

Его пылали яростью, полыхали нечеловечьим жаром. Под ее ладонью дыбилась горячая плоть, а сверху давила рука.

Движение, удар взглядом, снова движение. Его эмоции в момент пика, потрясли ее. В теле Руны вспыхнула ответная реакция. Дыхание сбилось и она задышала часто-часто, почти поверхностно. Опьянела. Между ног тяжело онемело, натянулось туго, зазудело. Сердце Руны стучало, как бешенное, когда он отпустил ее, взбудораженную, не в себе. Ничего не сказал, просто вышел. А что еще он мог сделать?

Ей, ошеломлѐнной осталось одеться и следовать приказу. Она вышла на улицу. Там стояли больше мужчины, солдаты. Многие курили. Руна кожей ощутила, как чужие подозрения ползут по е фигуре, стараясь отыскать, узреть признаки оборотня. И по тому, как отводились взгляды, Руна поняла, всё в порядке. Они видят молодую девушку.

Она тихонько выдохнула, ощутив прилив благодарности.

Переставляла ноги по двору не спеша. Темнело, сумерки покрывали все вокруг и ощутимо холодало. Она нашла в себе силы сказать ему спасибо. Ведь мог ничего не делать. Только легче от этого ни ему, ни ей не стало.

Часть 2. Клод и Лиза и Илья
Лиза

Наши дни.

Так бывает, встречаешь парня и с первой секунды знаешь: твой.

— Скажи, я сплю? Скажи! Ибо таких не бы-ва-ет.

— Выходит, бывает.

Мысленно я соглашалась со Светкой. Он шел и смотрел на нас. Брюнет, с серыми глазищами обрамленными пушистейшими ресницами, внешность крутого красавца и парня своего в доску.

— О-о-о-о, — тихий страдальческий светкин стон возвестил всё о вселенской несправедливости. — Вот же несправедливая дрянь.

Я не прятала улыбку.

— Привет, красавица, — голос, движения и улыбка все мне. — Можно присесть?

На берегу Сочи, в закате уходящего солнца, народ брел с пляжей, уже хорошо закладывал и готовился к разгульной ночи и фейерверкам, наша встреча казалась волшебной курортной сказкой.

— Привет, — улыбнулась радостно, не собираясь скрывать ни румянец сквозь бронзовый загар, ни симпатии.

В моем представлении сценарий был только один. Он немного потусуется с нами. Мы выпьем легкого пива. Пойдем танцевать, потом проводим Светку домой. Если, конечно, она не найдет утешителя и не утешится раньше благопристойных проводов. А затем, мы с ним... Ох, я ведь имени не спросила.

— Вадим, — одетый в стильные джинсы, футболку в обтяжку с уложенным в стильную прическу волосом, он все больше притягивал.

Пару секунд мои глаза бродили по чужому лицу, разглядывая привлекательный нос, высокие скулы и довольно пухлые губы. Кожа у Вадима смуглая, чисто выбритая, в глазах притаился игривый блеск.

— Лиза. Света.

— Вадим, у вас есть брат? — попытала счастья Светка, понимая, что смотрят не на нее и расстраиваясь с каждой секундой все больше и больше.

На нее бросили незаинтересованный взор, тем самым заработав бонус в моих глазах, а затем прекрасный взгляд прилепился намертво ко мне.

— Прости, красавица, таких, как я больше не делают. И таких, как ты Лиза, — его губ коснулась соблазняющая усмешка, а голос тронула такая томная хрипотца, что внутри дрогнуло все разом. — Тоже. Составишь мне компанию на вечер?

— Мы обе, — я заправила волосы за уши, мечтая, чтобы Светка чудом испарилась.

— Нет, только ты, — Вадим взмахнул ресницами и горячо, проникновенно заглянул в душу. — И я.

Меня бросило в жар и по животу, и от волн покалываний по ногам разлилась истома от предвкушения.

Ну, а что терять? Впервые за все время каникул, мне хоть кто-то понравился. Мама с папой далеко. Мне восемнадцать. Я поступила, сама поступила, на медицинский факультет. И это первый мой самостоятельный отдых. И да, мне захотелось курортного романа. Легкого, настоящего, ничем не обремененного, кроме романтики и роскошного секса.

Кафе на пляжной набережной набивалось понемногу к вечернему ужину. Летний бриз облизывал наши молодые, разгоряченные тела. После дня проведенного на жгучем песке, по мне расплескивалась негладостных ожиданий.

— При условии, что ты мне свой телефон дашь. А то, кто тебя знает? Вдруг ты маньяк, — произнесла материнским тоном Светка, видимо осознавшая, что пора отчаливать. За кормной ей ничего не светит. А скорее в надежде на последующий роман (после меня), если у нас не срастется.

Вадим повернул к ней голову и посмотрел с новым прищуром, оценивая выпад в серьезности, вытащил телефон.

— Диктуй, — проговорил он, набирая Светин номер.

Позвонил.

— Теперь вопросов нет, — ответила довольная та, изображая мамашку, отпускающая доченьку с плохим парнем на свидание. Откашлялась. Встала, собирая пляжные баулы на плечо.

— Хорошо погулять, — произнесла она, разглядывая мой купальник под легким летнем сарафаном. — Будь осторожна.

И как только она скрылась за углом, Вадим тут же встал и протянул ладонь.

— Пойдем, погуляем.

* * *

Рука Вадима теплая, шершавая, с такими приятными импульсами, что сомневаться не приходится, если его ладони заскользят по моей коже, будет восхитительно.

Мы побрели по улочкам, захватывая запахи лета. Улицы Сочи пахли выпечкой, вечерней сдобой, кофеем, приторными топиками и коктейлями, блюд из фритюра, смешанными с ароматами кальянов и свежих цветов. Все они мешались в музыке и звоне посуды, доносившейся из многочисленных кафе. Тонули в гомоне ужинающих людей, иногда перекрываясь гудением из выхлопных труб спортивных мотоциклов и машин гонщиков, летающих по опустевшим улицам. А мы шли, обнявшись, и болтали о нас, каникулах и теплом море.

Вадим рассказывал о том, что его семья занимается ремонтом машин и владеет сетью СТО в Калининграде. Ему двадцать шесть лет. По образованию он инженер. Приехал отдохнуть.

Мне же рассказывать о себе нечего особо. Из семьи врачей. Папа врач, мама врач, бабушка библиотечарь. Все детство я провела в Нижегородской деревенской библиотеке, даже играла книгами, как куклами. Строила замки, а затем захватывала их в зависимости от того, какой была по содержанию книга. Он смеялся, представляя меня таким книжным полководцем, в окружении всех этих историй и рассказов.

Ноги сами вели нас по улочкам, я и не заметила, как над Сочи опустилась яркая астральная вуаль, расцвечивая тысячами звезд кокетничающих с мощными прожекторами от

ночных дискотек, устремляющимися в небо.

— Ты классный, — проговорила я, заметив, что мы остановились.

Меня совершенно не волновало, что мы стоим в глухом тупике кирпичной стены, окруженной с одной стороны двухметровой насыпью земли, а с другой стороны гаражами.

— Кажется, заблудились.

Я думала, что такое темное место ничем не может быть опасным, когда ты в компании такого прекрасного человека, как Вадим. Разве, что первым поцелуем. Он не мог оказаться плохим или маньяком, не мог быть вором или кем-то иным. Не мог. Он видел, денег у меня нет, вещи утщила моя подруга. Я и сама готова идти ему на встречу. Так что взять с меня нечего. А больше я дала бы и сама.

— Нет, куколка моя, — он произнес слова также тепло и ровно, как до этого рассказывал о семье.

В следующую секунду в его руках сверкнул, щелкая и открываясь, складной нож, наставленный недвусмысленно на меня.

Неровно я сделала шаг назад (к глухой стене), не сводя глаз с лезвия. Холодного и опасного.

— Зачем это?

Я с ужасом посмотрела на Вадима. Его лицо выражало крайнюю степень сосредоточенности, злости, готовности броситься на меня. Каковы шансы выжить в драке с сильным парнем? Я вешу пятьдесят килограмм, он под восемьдесят. Мой рост метр семьдесят. Его значительно выше. Он крупный.

— Зачем?

— Снимай одежду.

Убежать или выскользнуть из этого угла, шансов практически нет. Взобраться по вертикальной насыпи тоже. Единственное, что я могу сделать, пойти на таран. Я сомневалась. Даже под угрозой жизни, сомневалась.

— Ты хочешь...?

Еще шаг назад. Чем дальше от меня нож, тем лучше. Сердце ускорило ритм. В душе похолодело и на ночном ветру прошибало от страха.

— Я сказал, снимай одежду.

В ночной полутьме, под южными звездами, я дрожавшими, негнуцимыми пальцами медленно раздёргивала пуговицу за пуговицей, на цветастом в маленький цветочек сарафане, прикидывая, смогу ли набросить ему на голову и атаковать.

Вадим протянул руку.

— Сюда, — приказал он, забирая его. — Все остальное тоже.

От страха в голове не было ни единой идеи. Кроме одной удушающей мысли: он убьет меня!

Убьет? Руки дергали не желающий подчиняться узел тесемок, слезы текли по шее. Спросить страшно. Слезы выступают непрошено, сами по себе. Какого умирать от рук убийцы, не узнав в жизни ничего.

Не узнаю, материнства. Как смеются мои дети. Как выглядит мой муж. Не узнаю, что такое секс. У меня не будет своего дома. А родители, бедные папа и мама будут оплакивать меня до конца своих дней. Я взмолилась, молясь неистово, отчаянно, надеясь, что Богу найдется до меня дело. Все окажется злой, непростительной шуткой. Да, чем угодно, лишь бы я жила дальше.

— Живей.

Я справилась с тесемкой и скинула бикини. Прикрылась руками. Взгляд Вадима выхватывал в ночной темноте, изгибы застывшей, трясущейся от мерзости происходящего моей фигуры. Я высчитывала, сумею ли закричать прежде, чем он нападет. Хватит ли сил для борьбы. По дикому сильно хотела жить. Простое, и такое понятное мне желание, жгло кожу отчаяньем.

Стоящий напротив парень, больше не казался самым красивым на свете. Сейчас он выглядел страшным, уродливым, истекающим злобой психом. Сейчас, я завидовала Светке черной завистью, проклиная себя за наивность и доверчивость.

— Труссы!

Скинула последнюю вещь, оставшись в сандалиях, максимально открытых, на плоской подошве, так как в них хорошо ходить по пляжному песку.

— Готова?

Ужас происходящего сливался в одном его разрезающем движении. Не выдержав, я закричала. Заорала, необузданным, нечеловеческим воплем. Не удивилась бы, если слышал весь Сочи. Рассечение воздуха, еще одно, я отпрыгивала, сворачивалась. Не дышала. Убийца подбирался ближе. В какой-то момент, приблизился настолько близко, лезвие вошло в мышцу руки и прошло насквозь. Навылет, вперед. Я кричала. Сопротивлялась. Хваталась за лезвие руками. Оно резало ладони в крови. В мозгу билось «Выбить нож», «Я должна выбить нож».

— Прыгай!

Он страшно заорал, нанося последний удар, который точно окажется смертельным и последним, что нелогичность приказа не удивляла, не шокировала.

— Прыгай же! Убью!

Отскакивая и ощущая, как по спине прошел его удар. Я зажмурилась, закричала, скрывая голосовые связки. Распахнула глаза.

И не поняла, что произошло.

Совсем.

Я больше не стояла у гаражей и кирпичной стены. Рядом никого. Мирный спящий двор. Машины с сигнализацией. Кое-где свет в окнах, ночные фонари. Под ногами асфальт. Изорта пар. Пару секунд ни о чем не думала, только дышала. А затем ноги подкосились, и я рухнула на битум, ощущая, как тело взрывается от боли. И меньше всего волнует, как я тут оказалось. Лишь бы подальше.

Какое-то время, обессилив, я скулила, не обращая внимания на слезы, кровь, грязь. Скулила от боли. От кошмара произошедшего.

Возможно, кто-то из ночных курильщиков заметил меня. Скорая помощь приехала буквально через пять минут. Первые моменты, осматривали и обрабатывали раны, завернули меня в простынь. Словно не со мною. Словно во сне.

Лиза

— Как ты мог с ней, так. Ты дурак? Вот где ее ловить? — Светлана надрывалась минимум пятнадцать минут, не в силах поверить. — Я эту девочку веду уже полгода. Полгода! Коту под хвост. Если она поедет крышей, конец тебе, Ардов. Ни к одному функционалу, на выстрел не подойдешь.

Она выхаживала по кабинету не в силах скрыть досады, от того, как жестко поступил Вадим с девчонкой. Случалось, что функционалы в столь запоздалом возрасте раскрывали свои функции под страхом смерти. Но Лиза Зверева оказалась незамеченной. Даже странно, как поздно служба заметила ее. Функционалы редки.

Их замечают в детских садах, когда ребенок не способен мыслить аналитически и без проблем достает сквозь стекло конфеты, кидает игрушки делая стены сквозными, умеет сканировать предметы или органы, в закрытом шкафу или теле мамочки, или не замечая законов притяжения двигаться по воздуху не касаясь пола. Но что хуже может вызывать видения у окружающих людей. Подобные мелочи сложно игнорировать. Они шокируют простого человека. Вызывают ужас от нереальности происходящего, и, таких детей по стране рождается меньше десятка на десятилетие.

Лиза Зверева ничем не выделялась в садике. Ходила и окончила, как все дети школу. И только на экскурсии в летнем лагере в девятом классе с ней и еще пятью детьми произошло ЧП. Тогда-то служба и заинтересовалась ими. Проверяли всех. Внимание к ней привлекла редкая болезнь. Из шести детей, она одна заболела лептоспирозом. Редким заболеванием, который она могла подхватить, только в том инциденте. Передача от человека к человеку крайне редка. Их подозрения подтвердились. Девочка оказалась функционалом. Насколько сильным им не известно, так что по ней приняли решение аккуратно подвести к дару.

В помещение заглянул представительный мужчина лет тридцати, в строгом костюме. Посмотрев на расхаживающую разъярённую сотрудницу и сидящего с невозмутимой позой Вадима, кивнул обоим:

— Ко мне, сейчас.

— Вот.

Света, назидательно испепелила взглядом Вадима, пока тот вальяжно встал со стула и направился за боссом в кабинет. Вошли. Дверь плотно закрыли.

— Поздравляю, — произнес босс, усаживаясь в кресло и включая монитор. — Вы раскрыли сильного телепорта, и бог знает еще кого.

Вадим уселся в кресло.

— Вау, Клод Арнольдович, выдайте козлу премию.

— Светлана Сергеевна, а может и стоит выдать. Вы сколько возились? Ни в одном отчете не указано, что она функционал телепорт. Предположения иллюзионист, и только. А она возьми и скакани, аж в Калининград.

— Калининград!!! — от услышанного у той челюсть, чуть ли не до пола отвалилась.

— Больше двух с половиной тысяч км! Не кисло.

Вадим присвистнул.

— А такое вообще возможно, Клод Арнольдович? Я слышала о портах на один

километр.

— Как видишь. Наши уже забирают ее. Так что, может быть резко, но не самый плохой результат.

Светлана закатила глаза.

— Да, у нее шок с травмой на всю жизнь останется. Он ее, как сардельку изрезал. Чуть на лоскутки пустил, — она сердито зыркнула глазами в сторону Вадима. — Мясник-извращенец.

— Светлана Сергеевна, хочешь трахать мозг, иди в отдел проституции. Там тебе и место. А ко мне не приставай, — огрызнулся лениво тот, никак не проникнувшись словами. — Девчонка раскрылась. Все довольны.

— Не будет у нее никакой травмы. Залечат, — подытожил босс. — Но вот с раздеванием, я тоже фокуса не понял.

— Что тут понимать. Если она из волчьей стаи, то шкуру с нее не снять я не мог.

— Да, что за бред, — Светлана всплеснула руками. — Она животных боится. Даже кошек.

— Я читал отчет по той вылазке. Она контактировала с волками, и они ее не тронули. А это весенние каникулы, Светлана Сергеевна.

— И что?

Клод Арнольдович, сидевший до этого молча и читающий отчет в мониторе, посмотрел на сотрудницу.

— Волчий гон, Светлана Сергеевна. Волки сбиваются в стаи и дерут в клочья все, что встречают на пути. Шкуры в кровавый мех окрашиваются. А у нас шестеро детей искупавшихся в ледяном водопаде и пересекшем два пути миграции. Вопрос, как они их пересекли и остались живыми?

— И что это значит? Ее приняли за свою? Я в курсе, что функционалы захожи в мир животных. И ты что, как с волка с нее шкуру снимал?

— Нет, блядь, любовью занимался.

— Так хватит, оставили перепалку. Вадим действия допустимы, хотя и жёсткие. Светлана Сергеевна, если у тебя больше нет вопросов. Дуй к ней и объясни ситуацию. Свободны.

* * *

Больничный дух хлорки, стерильности, перегретых ламп накаливания смешанный с тонким, врезающимся в нос запахом от диодов кварцевания, раздражая, кружились вокруг. Глаза открывать не хотелось. Кому захочется, когда с утра душу вынул сначала участковый, затем полицейский из следственных органов, потом врач.

Вереницей бегут в воспоминаниях образы, выхваченные в сумасшедшей самозащите ночного Сочи. Кажется безумием факт: я в Калининграде. В больнице. Относительно живая. И пусть все болит. Пусть тело ноет. Живая. Где-то в небе ко мне летела мама. Я назвала ее номер телефона первым. Ко всему прочему сюда же летела и Светка, везя документы. К счастью для меня полицию не интересовало, как именно я оказалось здесь. Их интересовали порезы. Поэтому в рассказ, о том, как я гуляла по Сочи в компании маньяка, который чуть не убил меня, а затем оказалась здесь, не поверили.

— Давайте так, — произнес мужчина, заполнявший бумаги. — Мы позвонили подружке, она сказала, вы встретили парня, позвонили ей среди ночи и уехали в Калининград. Вот эти данные меня интересуют.

Попыталась связать услышанное, с реальностью, заторможено кивнула.

— Номера машины и марки я не заметила. Ночью поехали. Парня звали Вадим.

— Внешность можете описать?

Вряд ли скоро забуду.

— Хорошо, позже. Давайте дальше, что произошло?

— Мы добрались до города, он напал на меня с ножом, где-то у гаражей. Я боролась, потом убежала.

Жаль, что искать они его будут в Калининграде. А эта сволочь живет в Сочи. Хотя с чего я решила, что они его и там не поищут, когда здесь не найдут.

— Почему, он напал?

— Хотел секса, — я, все больше угрюмилась на собственную ложь. Казалось, наконец, мне поверили и от меня отвязались. А затем вечером, в палату вплыла Светка.

— Бедная, что произошло, — спросила она, пока я заторможенная от обезболивающих, пыталась разлепить глаза.

— Ты привезла документы?

Та обернулась, убедившись, что мы остались одни, подошла к окну, открыла настежь.

— Я закурю, — спросила она, вызвав во мне удивление. Светка никогда не курила. — К тебе утром приходил участковый, помнишь? Он представлял восемьдесят первый отдел.

Ее ответы заставили хмуриться, но уже не от боли.

Откуда она узнала? Откуда? Зачем спрашивает? Я приняла того человека за участкового. И даже более того, выдала ему данные и он ушел.

Подруга достала из кармана летнего платья пачку, вытащила сигарету и закурив, затянулась первой затяжкой. Я вспомнила, когда между нами завязалась дружба? После весенних каникул, в больнице. Я тогда попала из-за редкого заболевания, у нее было что-то тоже. Мы учились в разных школах, поступили в разные ВУЗы, и даже жили на противоположных концах города. Она старше на три года, но это не помешало нам начать дружить. Мне нравилась ее взрослость. Друзья. Умение смотреть на парней. Она звала меня к родителям на дачу, в кино, на дни рождения. Я и сама не заметила, как влилась в ее семью и компанию. Этакая младшая сестричка.

Подняла на нее взгляд. Теперь она смотрела, не шутя, сквозь белесый дымок, но в тоже время с добротой.

— Я знаю, ты прыгнула, — произнесла она, внимательно изучая, как я дергаюсь под пристальным взглядом и меняюсь в лице.

Порезы на ладонях за зудели и боль вернулась во все мышцы, на мгновение, перекрыв обезболивающее. Знает? Как знает? И Вадим знает? Они знакомы? Они заодно. Мысли путаются. До сего момента, я думала, что одна в курсе своего необъяснимого перемещения.

Отвожу взгляд и рассматриваю забинтованные руки, разглядываю их, отмечая, как на сердце становится тревожно и не по себе.

— Значит, я не сошла с ума?

— Ты телепорт. В фильмах видела?

Светка, сделала еще затяжку, стараясь выдохнуть дым в сторону натянутой на окне сетки.

— Я телепорт, а ты мне не подруга.

Я разглядываю улетающий, исчезающий дым. Мы все в какой-то степени подвержены иллюзиям. Кто-то большим, кто-то маленьким. Мои же похоже огромные, размером с динозавра.

— Почему? Подруга.

— А Вадим тогда кто?

— Сотрудник отдела восемьдесят один. Как и я. Мы работаем на правительство. Можешь спрашивать меня, о чем хочешь?

Спрашивать? О чем?! Он резал меня, чтобы спровоцировать. В воспоминаниях грохотал крик «Прыгай», почти, как приказ. Если организация позволяет себе такие вещи, то я с ней не хочу иметь никаких дел. В следующий раз, чтобы я снова прыгнула, он убьет меня? Или действительно зарежет. От этих размышлений буквально передернуло.

— Почему я раньше не пере, не телепортировалось.

Казалось, она ждала моего вопроса. Света открыла сетку и выбросила бычок на улицу, закрыла окно.

— Обычно одаренных замечают в первый же год садика. Либо родители начинают наводить справки, лечить, интересоваться, и тогда такие получают специальное предложение.

— Предложение?

— Есть закрытый город. Военная база. Там обучаются, такие. Но тебя обнаружили поздно. Дар не раскрывался.

— И мы стали подругами, — закончила я.

Наконец начав прозревать, почему девчонке казавшейся старше, так интересно дружить с малолеткой типа меня. Ведь ничего особенного во мне ровным счетом не наблюдалось. Я закусила нижнюю губу и обхватила себя руками, ощущая, как зябко в помещении.

— А если это от шока?

— Первый раз, безусловно. Но теперь тебе придется управлять этой способностью. Для мозга она стала такой же рядовой, возможной, как не знаю. Дыхание. Ты ведь не можешь не дышать?

Сначала показалось, что она шутит, но в следующую секунду, я поняла, не шутит. А спрашивает. Спрашивает, какие еще есть таланты.

— А если, я против, что тогда?

— Жизнь превратится в ад. В лучшем случае, ты сможешь прожить жизнь простого человека, но поверь, будут пасти до конца дней. И это весьма скромная жизнь на грани нищеты, Лиз. Зачем оно тебе? Функционалы не получившие развития, разрушают себя своей же энергией. Херня, а не жизнь.

Я сильнее закусила нижнюю губу, больше не смотря на нее. А причины у меня были. Что-что, а секреты я умела хранить. И не только я. Нас было шестеро, и ни один из нас ничего никому не рассказал. Машка, Витька, Аня, я, Тимур и Васька. Три пацана и три девчонки. И еще кое-кто.

— Энергии сверх, приводят к деполяризации организма. А отдел даст тебе все. Службу Родине. Дом. Профессию. Ты будешь работать с лучшими специалистами мира. Твои родители будут обеспечены до самой смерти. В твоем случае даже не будет изъятия их из стандартной среды. Навешай, живи, радуйся.

— Сколько же тебе на самом деле лет?

— Двадцать шесть.

Я молчала, вспоминая, что Вадиму столько же. Один выпуск, одна школа. Конечно, они хорошо знали друг друга, не могли не знать. И так меня развели вчера. И я клюнула. Маленькая, доверчивая дурочка.

— Вы тоже функционалы?

— Я иллюзионист. Внушаю людям эмоции, картинки, настроения. Судя потому, как наш спец ушел сегодня отсюда, ты тоже.

— А Вадим?

— Тайм-менеджер.

— ?

— В бою движется быстрее людей. Микро телепортируется. Видит реальность, как в замедленной съемке и способен менять условия.

Я обдумывала услышанное. Вот почему, в тупике, никак не смогла увернуться, уйти хотя бы в сторону, хоть на десять сантиметров. Вчера от ужаса показалось, он был повсюду. Решила, что у страха глаза велики. А нет, не велики. Но как выяснилось, могу внушать иллюзии, а я-то все удивлялась, как легко мне верили учителя в школе.

— Я не хочу иметь дело с вами, — произнесла медленно, почти по слогам, глядя бывшей подруге в глаза.

Светка в типичной для себя манере, когда слышала что-то, чего не хотела начала недовольно оглядывать себя, стряхивая с платья соринки. Сметая мои слова, не давая им проникнуть в сознание. Хмурясь. С ее точки зрения, я выбирала неверный ответ.

— А знаешь, тебя ведь могут и убить случайно. Таким даром не разбрасываются, конкуренты никому не нужны. Ты подумай. А заодно и вспомни, как вчера спасалась от ножа.

Она кивнула, убедившись, что я все верно услышала и поняла, вышла из палаты, оставив наедине с мыслями об отсутствии выбора.

Пару секунд я смотрела по сторонам, а затем зажмурилась. Сильно зажмурилась, представляя из-за всех сил родительскую квартиру. В деталях, в запахах, цветах. Открыла глаза. Ничего не произошло. Я в палате и никуда не телепортировалась. Тяжело вздохнула. Похоже, у меня выходит только под давлением.

Лиза

Наши дни

Энгельс остался таким, как я помнила. Тот же маленький вокзал, потрескавшийся асфальт, один дежурный таксист и лес. Сизый, густой, непролазный.

Даже численность населения все та же. И видимо, чтобы у меня случился полный аншлаг дежавю, стоило выйти на улицу, как подъехала машина Клода. Он вышел. Мы настороженно сплелись глазами. Годы коснулись его сединой на висках, на бороде, высеребрили облик. Сделали привлекательнее, чем запомнилось. Мужественный, хитрый, опасный хищник. Все в нем манит к себе.

Взгляд Клода оценивающе ложился на мою фигуру, по брючному костюму, шелково-кремовой рубашке, глубине выреза на груди, по туфелькам и большому чемодану.

— Ты не изменилась, Елизавета Петровна.

Мои губы изогнулись в усмешке. Значит у него, тоже никого до сих пор нет. Значит, не женат. Я знала, он рад меня видеть. Может быть, даже ждал. И потому, на глазах у стареющего Семеныча, не стала делать безразличный вид. Улыбнулась.

— Поехали?

Один тот факт, что он приехал, рассказывал о многом. Не хотел он чужих ушей, хотел встретить. Возможно, в дальнейшем, эта короткая поездка окажется единственной возможностью поговорить наедине. Мы тронулись.

— Как твои дела? — спросил, наблюдая, как я, погружаясь в воспоминания, смотрю на дорогу, на лес, растущий вдоль.

— Нормально.

— Как родители?

— Хорошо.

— Замуж не вышла?

Покачала головой. Нам придется поговорить. Наверное, придется. Повернулась к нему.

— Я здесь не сама.

Он не отвечал, смотрел на трассу. Только губы слегка поджал, пальцами руль крепко стиснул. Они у него правильные, большие, крестьянские будто.

— Позову на ужин, пойдешь?

Я знаю, предложение эксклюзивно, Клод по природе одиночка и однолюб. При всех его плюсах и способности правильно оценивать людей, он помешан на секретности и контроле. Мы люди государства. Штучный товар. Заманчивое предложение. Ужин с таким как он, может пройти и под восхитительным северным сиянием, где-нибудь в тайге. Или на песчаном берегу шипящего океана под пальмами. А закончится в любом роскошном отеле мира. С Клодом и секс обещал быть не скучным, и само свидание. Несколько часов свободы. Потрясающей возможности принадлежать самим себе. Соблазнительно.

— Нет. Лучше расскажи, что нового?

Конечно, не думала, что он начнет рассказывать, как обстоят дела у подразделения. У каждого вида вооруженных сил есть своя контрразведывательная служба. Задачи — защита

штабов, военных объектов и личного состава. Мы вне их. Над структура, подчиняющаяся напрямую сразу и службе государственной безопасности и военной разведке. И так как последние две всегда в противоборстве, в драке за власть, а доверяют априори первой больше, чем второй, функционалы работали и там и там. Разделены и засекречены. Мы с ним по разные стороны баррикад.

— Ничего, — отозвался он. — Чертовщина какая-то. Ты помнишь водопад и однокашников?

Мне и вопрос и ответ не понравились.

— Дело старое. Я в школе училась. К чему это?

Он глубоко вздохнул.

— Объявился, один. Потому тебя и вызвали.

Холодея в душе, я мрачно сглотнула. В то лето мы отдыхали в карельском школьном лагере. Повели наш поток в поход. Традиционная «Зарница», сбор ягод, цветочные веники, костер и песни, ночевка. Мы шестеро — я, Аня, Маша, Витька, Тимур и Васька непонятно каким образом сначала отбились от группы, а потом и вовсе заплутали. Воспоминания давние, события в тумане, скомканные.

— Я тогда подхватила заразу, еле выкарабкалась. Помню, как нашли нас полуживых. Мы не в ту сторону брели. Угодили в водопад.

Клод вел машину и молчал, затем сказал:

— Вы прошли две миграционные волчьих тропы. Как?

— Мы никого не видели. Вероятно, повезло.

Сама не уверена ни в чем. В моих воспоминаниях всегда, тенью присутствует человек. Кто-то кто вел. Школьный психолог работающий с нами, объяснил Машке, что это защитная реакция подсознательного. Вполне убедительно. Только вот молчали мы, как партизаны. На выпускном балу, глядя, как отплясывали одноклассники, мы сбились в углу танцпола. Маша спросила нас, тогда:

— Ребят, скажите, я же не одна с ума сошла, да? Был же. Он нас вывел? Я думаю, Ольга Валерьевна не права. Никакое, у меня не подсознательное. Кто-нибудь его помнит?

Все дружно открестились. Сослались, мол, выдумывает твое бессознательное. Я помнила. Про себя сомневаюсь, но как говорил персонаж из мультфильма про Простоквашино «С ума поодиночке сходят. Только гриппом все вместе болеют». А тогда нас стало двое. Значит, проводник был. И в общем-то, разве важно был или не был? Мелочь, ничего не значащая. Может какой лесничий или турист или здешний из деревни, разбирающийся в местности. Зачем дружно ввали? Зачем не говорили никому? Я и сейчас вру. Кажется, это правильно.

— Что с ним, не так?

Мимолетным взглядом, Клод оценил весь мой вид разом, покачал головой недовольный моей позой.

— Ты поговорку про волков знаешь?

— Про не овцы правят?

— Да, — снова бросил испытывающий взгляд. — Все трое ваших, волки.

Вот это новость. Поговорка-то не простая. Обычные люди, думают, что все одинаковые, что люди людьми правят. Только среди нас не только функционалы живут. Но и оборотни. Преимущественно волки. Есть другие. Но те, кому мы служили, волки. Отсюда и молва народная про оборотней в погонах и прочее и прочее.

— А девчонки? О господи, они функционалы...

Он кивнул, убедившись, что я не знала. Я переварила информацию, усвоила, снова посмотрела на Клода. Будто и не было разлуки, не было временного промежутка. Так бывает с важными людьми. Температура в отношениях остается на одном и том же градусе и сколько лет не пройдет — не меняется.

— И?

— И потому ты здесь, — он свернул машину к КПП базы. — На диспансеризации они Память у всех стерта. Потер, урод. Одним прикосновением, обнулil всех.

Я промолчала, наблюдая, как он показывает удостоверение, дает считать биометрику лица и рук. Одним прикосновением стереть человека!? Жуть какая!

— Новый вид функционала? Универсал?

— Нет, — мы поехали дальше. — Только этим пятерым. Ничего не помнят, никого не узнают. Полная десоциализация и деперсонализация.

— Вы поймали его?

— Поймали. Толку мало. Договорится, не выходит.

Понимаю. Верховные власти надеялись узнать побольше, да переманить на свою сторону. Он идеальное оружие для устранения противников. Стирание памяти через прикосновение, круто. Потом не докажешь ничего. Успех многих предприятий зависит от того насколько строго соблюдается секретность. А тут подходит к тебе такой кекс: *«Дай, пять»* и, нет человека. Сегодня, уровень шпионажа на высочайшем уровне и подбираться к противнику все сложнее. Функционалы невероятно дороги, редки и невосполнимы. Настолько, что их не убивают ни свои, ни чужие. Такой редкий талант невероятная удача для любого государства.

Я нахмурилась. Пять человек, и все с одной прогулки. Тут о многом задумаешься. Об очень многом.

Мы подъехали к зданию управления базой.

— Знать бы, как обернется.

Всегда хочется знать. Где соломки подстелить, а где и достаточно информации о наличии уязвимых мест противника. Для того нужны функционалы. Телепорт умеет и предметы и людей на себе перенести. Может прыгнуть в место, которое видел на фотографии. Может быть киллером, вором, агентов внедрения, да много кем.

Преимущество — отсутствие преград и скорость, с мгновенным перемещением. Как я это все ненавижу. На месте все вспоминалось болезненнее.

Тогда десять лет назад, первые три месяца шла физическая подготовка и общие образовательные предметы. Меня готовили с обычными агентами. Запрещалось говорить и рассказывать о себе. Мой круг функционалов ограничивался тремя людьми: Светой, Вадимом и Клодом.

Клод начал тренировать, но дело шло плохо. Выдери человека из обычной жизни, помести в стрессовую среду, первым делом сыпется личное «Я». В зависимости от свойств психики, от силы воли, от наличия поддержки, потом человек пересоздаст себя. При условии, что не сломается. А я не прыгала. Никак. Руководство приняло решение разрабатывать основной дар «иллюзии». В деле ведущий специалист указывала его, как базово-первичный.

Однажды Клод пришел в казарму до построения. Приказал быть готовой через пять минут. Я выкатилась под сонные бурчания сокурсников на летний плац, вытянулась в

линию, жмурясь от восходящего солнца.

Клод смотрел на меня не довольнo, будто не спал всю ночь, и теперь искал на ком бы выместить злость. Затем, бросил:

— Идем.

Мы шли к машинам. Сели в транспорт. Помню, как от страха сердце сжималось. Не убивать вез, конечно, но все равно, боязно. Непонятно, что надумал. Выбрал поляну почище, сухую, остановил машину, заглушил мотор.

Вокруг нас стоял утренний бор. Сырой с ночи, он дышал свирелями птиц, шумом ветра, над головой скрипели ветви и кора, стучали дробью дятлы, ухали тетерева. Я шла по траве, чуя, как нос чешется от всевозможных запахов. Ароматы тяжелые, вязкие от влаги, густо висящие невесомым облаком, запутавшимся в частых стволах и маслянистых мхах необъятного леса.

— Здесь.

Одет он был во все штатское. Я же в форму курсанта, без опознавательных знаков, штаны и футболка, сверху рубаха цвета хаки.

Клод встал на середину поляны и протянул руки. Я смотрела ему в лицо и обостренным внутренним чутьем ждала. Что он сделает? Это был первый раз, когда мы стояли так близко друг другу. Рядом. Настолько, что легко можно коснуться носом его подбородка, разглядеть все морщинки на не выпавшемся, небритом лице. Он взял меня за руки, глядя в глаза.

— Смотри на меня, — прошелестел сухо.

А затем, на секунду, я не удержалась и не выполнила приказ. Моргнула. В следующий миг, словно переключилась на другой канал. Мы стояли на Красной площади у мавзолея Ленина. Ошалела в раз и выдохнула с возгласом дури. Внутри не справилась с хлынувшим вовсю душу восхищением. Детским, радостным, сносящим напрочь, всякую серьезность. Потрясающее чувство свободы окатило тело с головы до ног. Чужая вседозволенность и всемогущество через край топила меня, как котенка в ведре с водой. Я захлебнулась. Попыталась вырваться, но его руки, вцепившись в запястья, не отпустили.

— Стоять, я сказал. Не дергайся. Смотри на меня. В глаза я сказал!

Следующий миг, мы на неизвестной улице в неизвестном городе. Это не я была, не я прыгала, а Клод со мной.

— Пойдем.

Улица узкая, старинная, камень и здания будто Питерские.

— Слышала, когда-нибудь о дельфийских оракулах?

— Что-то да, — отозвалась глухо, пока он сердито смотрел на меня, терпеливо ожидая, пока успокоюсь от восторгов.

— Изначально жрицы, что сидели на расщелине с ядовитыми газами были молодыми девушками, но затем их поменяли на старух. Знаешь почему?

Я сглотнула, леденея в душе.

— Нет.

— Потому, что становились объектом мужских домогательств. Имели их во всё. Мало получить совет, хочется выебать, — Клод кивнул на дверь. — Это называется бордель Ведьм.

Мы вошли в парадную, и прошли до лифта, поднялись на четвертый этаж. Внутри помещение старомодное, в лепнине, лифт добавили позже. Клод позвонил в массивную дверь без опознавательных знаков, отворил мужчина. По строгому черному пиджаку, по микрофону в ухе и по кобуре под мышкой, я решила, охранник.

Прошли в длинный коридор, покрытый красной дорожкой, белые стены украшали картины. В самом конце располагался стол администрации. За ним девушка. Она подняла голову, вопросительно взглянула.

— Покажи, — велел Клод.

Мы в ее сопровождении, пошли к первому номеру. Она открыла дверь. Там внутри в полумраке комнаты виднелась массивная кровать с балдахином, на полу ковер, сбоку диван, у зашторенного окна два кресла и столик. Напротив изножья кровати, кресло, в котором сидела женщина. Средних лет, обыкновенного телосложения. На ее голове широкополая шляпа, на руках перчатки, на длинных ногах черные шпильки. Это все что на ней одето.

Клод указал на кресло, я села, и попыталась рассмотреть лицо. И пока пыталась, поняла, номер наполняется водой. Будто не номер, а большой меблированный бассейн. Вода прибывала стремительно. Я вопросительно посмотрела на него, тот смотрел на женщину.

В следующее мгновение, когда все оказались по щиколотку в воде, нечто схватило за ногу. Я взвизгнула, завывала, так как оно походило на щупальца, тащило вниз. Руками я цеплялась в подлокотники. Не помогало.

Резкое движение и я под водой. Голая. Тонны воды сверху. Выхода нет. Паника в теле, в душе, в разуме, окутывает сумасбродностью отчаяния. И тишина. Мертвое безмолвие. Несколько ударов сердца, боль в легких от выгорания кислорода, и адреналина в венах, а затем давящий холод.

Дергаюсь, выпуская воздух пузырями. Закрывает глаза, перестала сопротивляться. Подумала, пусть будет, если это последний мой миг, фантазией. Пусть будет Клод. Его лицо я представляла лучше всего. И появился Клод, целующий меня между ног. И хотя в воде, удовольствия от этого мало, оно все равно ощущалось. Стало щекотно-приятно. Необычно хорошо, от того, как он посасывает там губами, двигает языком. Только после этого, сообразила, я в иллюзии. Напряженно за сопротивлялась реальности, силясь прекратить, вырваться из ненавистой. Вспомнила, что дышать нечем и отключилась.

Открыла глаза и поняла, что продолжаю сидеть в кресле. Клод сидит рядом и с любопытством смотрит на меня. Женщина тоже. Я вскочила, как ужаленная, выскользнула за дверь. Он вышел следом, положил руки на плечи, пока я сама себя обнимала, прижал к себе.

— Это иллюзии и только.

По моим щекам расплзались пятна стыда, тело трясет от случившегося. Все казалось реальным. Настоящим. Настолько, что в реале, даже сейчас меж ног все смущающие не правильно. И стыдно, безумно стыдно.

— Ты все видел, — подняла голову, ощущая, как невыносимо горит лицо.

— Это называется перекресток функционалов. Ты ее иллюзию перекрыла своей и меня втянула, — мужских губ коснулась насмешливая усмешка, пока я заглядывала в его бессовестные глаза.

Так значит целовал? Целовал туда, потому что хотел. От возмущения, зашатало. А Клод, на минуточку, наставник и старший по званию. И он знает, да что там знает, поучаствовал. Я же, как дура, сама подставилась, буквально.

— Пошли, посмотрим других, — велел он.

Мне хотелось выплюнуть лишь одно. Большое НЕТ. Нет, и все. Не хочу я ничего больше смотреть. Не хочу я видеть подобное. А уж как позорится не хочу, словами не выразить.

— С первого раза поняла, — пробормотала, рдяная как свекла, с бешено колотящимся

сердцем.

— Нужно, Лиза.

Было унинительно и познавательнo. Настолькo поучительнo, что когда мы сели в машину на опушке леса, мои щеки все уже не горели от стыда и непристойностей, а запеклись и подгорели в пирожок из фантазий, несуразностей и пошлостей.

Бордель ведьм полон чудес на любое извращенное желание клиента, любой каприз и вкус. В нем, точно под гипнозом, внушались разные выдумки. Но за этим стояли женщины. Иллюзионистки, день за днем реализующие чьи-то горячие вымыслы. Много ли в этом счастья? Бордели ведьм отличались по классам, по уровню мастерства. И в них тоже работали свои агенты, осведомители, шпионы. Для такой как я, неудачницы, поздно обнаруженной отделом 81, государство могло предоставить только это.

Клод

Я смотрел на ее костюм, блузку, на лицо, ставшее зрелым и еще более дорогим, и сожалел. Глаза зеркало души, ее стали осознанней, ныне не отражали, что внутри. А тогда, в глазах плескался девичий внутренний мир. Наивный, добрый, почти детский, полный страхов и ненависти. Все чувства разом, что рождались и умирали в ней. Она ненавидела быть функционалом.

Я сам в функционалы пришел поздно. Дар не проявлялся. Рос обычным деревенским мальчишкой, матери по хозяйству помогал. Когда отец уходил в плавание, знал, я за старшего. Больше нам не на кого положится. Мать вышла замуж против воли семьи и высокомерного папаши генерала. Мой дед ненавидел отца, драл глотку матерками, стоило заговорить о нем. Но тогда я не знал всего этого. Мечтал стать, как отец моряком-подводником. А в тринадцать лет детство закончилось, одним звонком. А потом посыпались новости из телевизионных передач. Подлодка, на которой служил отец, затонула. Некоторое время мать и я метались от надежды к горю, нам пришлось его похоронить. Тогда дар и проявился.

Лиза бесконечно напоминала мне себя. Птенец не знающий, что может летать, ей нужно было учиться.

— А как учиться, когда думаешь только, что прыгая, будешь неизвестно где. Эти доли секунд, мы где? — спрашивала она.

— Да, нигде. Ты двигаешься быстрее скорости света и только. Кончай вопросы задавать. Делай.

Девчонка не прыгала. И наседать, на нее запрещалось из-за ошибки Вадима. Хотя я не считал случившееся ошибкой. Если бы не надавил, быть ей простой иллюзионисткой. А это 97 процентов, всех функционалов. Хотя нас мало, а иллюзионисты хороши в своем деле. Терять жалко. Сорвался с катушек. Показал бордель Ведьм. Меня вело с этого момента. Я ощутил себя слепцом, идиотом, как пропустил момент, когда она влюбилась, когда девичьи фантазии наполнились моими образами? Романтичными, полными чувственных ласк. Вело от одного ее присутствия, от взгляда. Трудно смотреть на нее и не думать о поцелуях под водой, в кровати, в других местах. Ее иллюзии помноженные на иллюзии порочных ведьм, пылающее ощущение полной власти над ее телом и душой. Стоило протянуть руку, коснуться в реальности и по кончикам пальцев, в теле распускалось желание. Хотелось утащить в комнату и любить. Целовать в губы, гладить по спине, по крепкой попе, вдыхать аромат волос. Захотел так, что сил терпеть не было. Скоро в Энгельсе буду знать всех шлюх наперечет.

Девчонка тренировалась, окрепла физически, изучала матчасть, но не прыгала. А время поджимало, на осознанный прыжок отводилось 4 месяца. Так что, Лиза обязана была прыгнуть.

— А, давай, ее пугнем еще раз Вадимом, — предложил психолог Винник, на совете по поводу ее будущего.

Что бы Вадим снова ее ножом резал? Мне самому захотелось взять нож и приставить к горлу предложившего это придурка. Еще психолог называется.

— А если сломает? Или еще хуже, наоборот, и она его иллюзией грохнет — осведомился командир военной части Смольный. — Может она оттого и не прыгает, связывает прыжок с насилием. Вы мне вот что можете, сколь угодно байки травить, что у нее нет травмы. Я думаю по-своему.

— Извиняйте, сделал, что мог. Тесты говорят, что нет, — обиделся Винник. — Можно и без ножа.

Я смотрел в окно, как на плацу тренируются будущие агенты. Они разные. Их задача не в том, чтобы стать универсальными солдатами, а в умении войти в доверие к нужным людям, добыть информацию. Один такой в подготовке стоил не меньше миллиона рублей. Такие не будут рисковать глупо. Они будут руководить разведывательными локальными сетями, находить решения, которые в голову не придут обычному человеку. Но все они не могли того, что умеет функционал. Прыгнуть и сфотографировать, снять на видеокамеру бесценный материал. Оценить обстановку при захвате заложников, дать спецназу нужные наводки. Функционалы телепорты словно признаки могли проникать туда, где все ходы и выходы замурованы и закрыты. Это от них ставили химические защиты в сейфах и хранилищах, где хранились ценные предметы. Яд убивает живое. Что не под силу агенту, легко для телепорта. А главное, время. Скорость передачи вражеских сведений всегда бесценна. Чем быстрее, тем лучше. Лиза нужна, именно как телепорт, умеющий прыгнуть на дальние расстояния.

Отбой в десять. Я открыл дверь в ее комнату за полночь. Она давно спит, блаженная, безмятежная в футболке на голое тело. Ей жарко, во сне она выставила попу из под одеяла и та торчит, зовет насладиться, не только глазами. И от этого в груди разливается горячий импульс, член в штанах дергается и крепчает. Несколько секунд я смотрю на круглые идеальные сферы, и меня кружит от накатившего вожделения присесть и начать ее целовать оттуда.

Разделся, лег рядом, вытягиваясь в полный рост на узкой курсантской кровати. Она спит крепко, поэтому нежно бужу поцелуями, ласкаю гибкое тело, жадно вжимаясь в него, и схожу с ума. Член уже стальной, жесткий, пульсирующий требует своего. Яйца лопаются от напряжения. Дышу ароматом ее волос. Целую тонкую шею и взрываюсь на части от похоти и намерений. Лиза совсем юная, и во сне, она поворачивается ко мне и отвечает на поцелуй. Трется, тянется ко мне во сне бессознательно и открыто. Движение ее губ, мягкий ответ ломают мои первоначальные намерения. Хочу не только поцелуев, большего. Всю ее хочу.

Она открывает глаза. Просыпается и смотрит на меня. Мгновение узнавания. И мне хочется, чтобы она испугалась, сделала требуемое, но еще больше иного. Что в ней победит? Испуг или ее желания. В груди все застывает, жжется между мечтами и задуманным.

Она дернулась, затвердела мышцами тела. Окунулась в напряжение. В следующий миг, поняла, ощутила стояк, как мой член упирается в нее. Сильнее вжался, ощущая, как яйца раскалёнными углями обжигает. Нутро требует разрядки. Хочется раскрыть ее, попасть внутрь, заставить откликнуться и добиться ответа. А ее глаза большие круглые, словно блюдца. Она дышит испуганно, не ровно, в ужасе от реальности. И время работает против. Ей потребуется несколько секунд на адаптацию. Притягиваю ее к себе и впиваюсь в ее губы. В этот раз не нежно, а настойчиво, жадно, так чтобы она осознала, что будет дальше. Что я сделаю с ней. Хочу настолько сильно, что готов на все, абсолютно на все.

Лиза

Они хотели проверить, все ли у ребят стерто, до конца. Или все-таки они попали под действие внушения? Может, какая уловка. Ведь, если воспоминания есть, мне для этого достаточно радужки глаз объекта и некоторое время сосредоточения на себе. Поэтому, я так не люблю свой дар. Ненавижу так сильно, что с годами превратилась в затворницу. С нашими спецслужбами, тюрьмами, архивами и лабораториями стать такой легко.

Первым был Вася. Я помнила его, не слишком отчетливо. Лишь образ. Мелкий пс фигуре, блондинчик с голубыми глазами, часто играл на задней парте в фигурки животных. Учителя по-разному относились. Кто-то мешал, кто-то не трогал. Учился он средне и внимание не привлекал. Вот так посмотришь и не поверишь, что волк.

Обычно волки, здоровые мужики. Имеют большие лица, носы вытянутые. Фигуры, в значительной степени мощные, и быстрый темп движений. У них редко наблюдаются робкие или спокойные повадки. Силы много, и это вызывает в их телах перенапряжение. Спокойный волк, мертвый волк.

Василий же, как подросток-сигнальщик, subtilный, будто в выводке последним родился. Его привели в комнату для сеанса. Сказали, нужно проверить еще раз. Видео и звуковой контроль работали, по инструкции. За дверьми охрана.

— Что от меня требуется? — спросил совершенно без нервов.

— Смотрите мне в глаза, — попросила я, сосредоточенно вглядываясь в его синюю радужку. Она у него такая с края, а к зрачку становится серой. — Не отводи взгляда. Хорошо?

Одна минута. Ровно одна минута. Люди не знают, если долго смотреть человеку в глаза, элементарно смотреть, то приходит радость. Исчезает злость. Человек начинает видеть тебя. Дети обычно начинают хохотать. А я совершаю прыжок в прошлое и вижу событие чужими глазами. Есть предположение, что такой эффект на стыке двух функций телепортации и иллюзии дал лептоспироз. Воспоминание возникает в голове сами по себе, и я наблюдаю фильм.

По идеи, он должен с момента стирания памяти забыть всё. Но в действительности всё не так. Есть что-то глубже...

Пизда! О жизни наслажденье,

Пизда — вместилище утех!

Пизда — небес благословенье!

Пизде и кланяться не грех.

У женщин всех пизда — игрушка,

Мягка, просторна — хоть куда,

И, как мышиная ловушка,

Для нас открытая всегда.

Я одергиваюсь, оглядываясь в поисках тех, кто поет похабно-непотребную песню. Ищу слухом и взором множественные мужские голоса.

Вокруг меня деревня. Рубленые дома с зелеными палисадниками, с покосившимися заборчиками. Окна в кружевных окладах, горшки на завалинках. А на самой улице, столбы в

земляной пыли вбитые, похожи на виселицы. На них торчат крюки, и по малодушию становится страшновато от его воспоминаний. На самом деле это детские качели, на одного. На скамьях у ворот пастила сушится. На солнце вялится. Судя по цвету яблочная, а рядом ягодная. Тут же у другого дома, погребальная колода стоит. И я вздрагиваю от ее вида. Суровые люди в этих краях живут. Хоронят мертвецов в гробах, вытесанных из целого дерева. Песенный гул весел, но голоса угрюмы, низкие, шероховатые. Я делаю опасливые шаги по улице на звучание песни и упираюсь за углом в широченный тупик. Замираю, от увиденного зрелища.

В конце длинного, размашистого и просторного двора установлено маховое колесо, вокруг которого вышагивает слепая лошадь. С колеса сведена на поставленную недалеко деревянную стойку струна, которая захватывает и вертит желобчатые, быстрые в поворотах шкивы. По шкивной бородке ходит колесная снасть и вертит железный крюк, вбитый в саму шкиву. А кругом прядильщики. Мужики обмотанные сырцовой пенькой плотно по всему телу от низа живота до самой шеи. Они то и цепляются к крюку. А те, что не ходят песни поют. Припускают с груди прядку пенькового локона и перехватив руками начинают отпускать и пятиться. И тут же начинает закручиваться веревка.

И крутиться быстро, торопливо, так что нельзя отвлекаться. У всех мужиков стеганные рукавицы или голицы, иначе обожжет быстрая грудь или руки. Я столько тросов, вантов и корабельных канатов никогда не видела. А все начинается с простой бечевки. Только теперь я замечаю, таких колес несколько и вокруг них эти молодцы пятятся спинами, следят за всем. И нет на этой улице больше ничего. Пахнет пенькой, потным, мужским духом, лошадьми, сеном. Горячий ветер, брезгуя, слизывает лениво с их тел запахи и никуда не уносит в тупике. Кружит, смешивает, путает все.

Ко мне поворачивается один. Мужик крупный, крепкой слаженности.

— Подсоби хлопец, — просит он (меня) Василия.

Веревки так много, словно лабиринт, ведь другие тоже к крюкам вбитые, на своих нитях раскручиваются и скручиваются. Сразу и не разберешься, хотя и видишь, что к каждой привязано по живому человеку, а концы других повисли на крючках виселиц. Людей, нитей по бокам и над головами столько навешено, что глаза разбегаются.

Он берется помогать, хватает веревку и пятиться назад. Сбоку какой-то лиходея, на выкрике «Да, что ж ты поперек его в рот тащишь! Разъебай с приебом!». И верно беда. понесся какой-то дурак поперек прядильни и за ним путаясь, потянулся весь веревочный стан. Запричитали в мат мужики, заохали, а лошадки махи вертят. И все пространство от прядильных колес до саней снуется и сучится и закручивается.

Баба, что дурака спугнула, заголосила в голос, заорала не по-людски: «Убийца! Убил Ваню». Я вижу, как в моих руках (Василия) веревка к мужику задушенному ведет. Прошло несколько секунд, а все так быстро случилось. Оборвались маты, крики, больше никто не пел, не ругался. Толпа морем заволновалась, загудела. «Ох, Степан, что ж ты натворил-то!» обращаются они ко мне.

Мужика не откачать, лежит замертво, словно для него, я колоду недавно видела. А дальше Василия на руки, да на привязь, как пса. Так что его натруженной груди тяжело, больно становится, выдыхается он уныло, горько, что уже не песни петь, а только богу молиться. Баба убиваясь голосит на заднем фоне, а я очумело оцениваю их одежды, босые сбитые огрубевшие ноги, топорно скроенные лица. И вижу человека, кажется очень знакомого. Чернобрового, кучерявого, поджарого юношу, что смотрит на нас темным

взглядом, наблюдает далече. Я его точно знаю, но не могу вспомнить, где именно видела. Затем удар по голове. Боль вытаскивает меня из его прошлого.

Мы снова в комнате допросов и проведения следственных мероприятий. Хлопаю глазами и смотрю на Василия. Такого в моей практике за десять лет ни разу не было. Я даже не понимаю, что увидела. Воспоминание, его прошлую жизнь? Что? Не может это быть моей фантазией.

— Как твое имя? — спрашиваю сходу, зная, что мой прыжок в его разуме не проходит незамеченным. Воспринимается, как головокружение или солнечный удар.

— Степан, — отвечает тот, пока плохо соображая.

— Ты уверен?

Он передумывает и отрицательно качает головой.

— Нет.

Я смотрю на него теперь иначе. Мне кажется, врет. Кошусь по датчикам, что идут к полиграфу.

— Кто тот человек?

Он молчит, окончательно приходит в себя, глубоко вдыхает.

— Знаешь, хорошо быть самим собой. Свободно это. Думаю, вы тут все, как собаки на привязи. Острог, он и есть острог.

Я молчу, ничего не понимаю. Выходит ему стерли память, так сильно, что он не помнит себя прежнего, но помнит прошлого. Или он с ума сошел? Его воспоминание яркое, красочное, настоящее. Я уверена, оно реальное. Я не знаю, что думать, в груди ноет тревожно, не по себе как-то. Особенно от того молодого мужчины, что смотрел недалеко от тупика. Смотрел он на Василия/Степана. Въедливо, пристально, словно знал, кто он. У самой впечатление осталось, что я его знаю. Вспомнить никак не могу.

Вторым ко мне привели Тимура. Его я помнила лучше. Лицо у него треугольное, глаза большие, улыбка, как у звезды, только хищная. В то, что он волк верится легко. Брюнет даже без памяти выглядит опасным и непредсказуемым.

— Начинай, — разрешил он, словно хозяин он, а не мы.

Я и начала. И снова воспоминания за темно карей радужкой глаз: после обнуления пусто, а потом...

Поле пространное, на возвышении у реки, причудливой своими изгибами и поворотами, по берегам раскинулась большая деревня. На пригорке, будто кто линию прочертил, собралась одна сторона деревни на другую. Снег уже лег, мягкой пушиной на землю и не тает. А мужики полуобнаженные, разгоряченные, лихие. Все грудины широкие, крепкие цветные и серые, белые, желтые и синеватые. Шеи и морды, сквозь бороды красные, словно кипятком вываренные. Глаза злые, к бою готовые. Изо рта пар у всех валит. На ногах у кого что: лапти, сапоги, валенки. Постегивали сибирки, рубахи с кафтанами побросали. Рожи у всех докучливо обиженные, надоело двум берегам ютиться бок о бок, нужду делить, ссоры накопились. Словно домашних дрызг им мало, хотелось богатырям плечи порасправить, кулачищами поиграть.

Я смотрю в сторону и вижу рядом с собой того же незнакомца, что и на Василия смотрящего в прошлом воспоминании. Рассматриваю его дуже. Он высокий, не худой. Тело крепкое, мускулистое. Он глубоко дышит. Сам загорелый, с лета бронзовый загар на коже остался. А борода черная, хотя и коротко стриженная. Глаза яростью налитые, безумием предстоящей битвы. На лице суровая решительность и твердость.

Кто же ты?

Мелкие пацаны, так и выются у мужицких ног, сквозь ляхи, локтями дорогу прокладывают. Пискляво подначивают.

— Дай ему. Дай!

— Я тебе сейчас дам, мало не покажется. Топай к мамке домой, сиську ищи, — отправляют мальцов из толпы, хоть с той, хоть с этой стороны.

— Не тупой, — обижаются те, губы обижено крутят. — Козодой.

А сами в толпу. Их старшие выгоняют. Большие и могучие силачи вперед выступают, ухмыляются, мышцами поигрывают, ждут своего часа, вспоминая соседские прегрешения. И в какой-то миг срывается иступленный ярый идиот, и стена на стенку смыкается, сходится волной на волну, как по одному общему сигналу. Закипает махач, под молодецкий гул. Счеты каждый с каждым сводит.

А после, Тимур уже на снегу лежит и вверх смотрит. Все в крови, сам разбитый до синяков, не собранный.

— Илья, — просит слабо, едва слышно, сам в небо глазами мечется. — Матери скажи, я сам.

Теперь я знаю, как его зовут.

— Вань, ты держись. Давай, поднимайся. Нам до лесу дойти. Там, легши, будет.

Поднимает его, как тулуп овчинный, тот виснет, не держит ни спину, ни голову. Кровь с него капает по снегу, оставляя за собой яростные, багровые росчерки. Кашляет сипло, с кровью. Никак скоро помрет. Незнакомец его тащит упорно, сам хромает. Тимур теряет сознание.

Я вынырываю из воспоминания, смотрю на Тимура в ужасе, пока он приходит в себя. Молчит, затем зло улыбнулся.

— Все увидела? Поняла?

Не понимаю. Не понимаю, как это? Выходит, он знает, что он не он. А тот Ваня, кто в той драке толи умер, толи нет.

— Я хочу знать, кто тот человек?

— Какой?

— Из твоего воспоминания.

Он смотрит на меня с предубеждением, молчит.

— А бог его знает.

Опять показывает полиграф, что врет. Врет, как Василий. Он помнит, знает и врет. Я растерянная, в растрепанных чувствах. Смотрю, как его уводят из помещения, на пустой стул и не в курсе, что думать и что писать в отчете.

Клод

— Клод, поговорить бы, — сообщает она, после всех «бесед» с бывшими одноклассниками.

Я дергаюсь внутренне от звучания ее голоса, от внимания к себе. В душе разливается отзвук, насыщает дурацкой надеждой на что-то большее, чем ее незаинтересованное «нет». Перед глазами пляшут непристойные картинки. Мечтаю сделать все тоже самое с ней.

На базе устав, расписание четко соблюдается, встреча возможна, только если графики отдыха совпадают. А моя занятость учениками, поверх основной работы телепортом, предполагает время лишь на сон. Я смотрю на адептов, усердно выполняющих упражнения, затем на Лизу. Она ходит в военной форме. Ее статус засекречен, как и мой, только ранг, и ее ниже моего.

— У меня нет времени, — отвечаю честно, и немного обиженно.

Хочу ее, хочу встречи, не на пять минут, не короткий разговор, а намного-намного больше.

Она все понимает, отводит глаза, пока разглядываю ее светлые волосы убранные в пучок. Натуральные, пушистые, и к сожалению, обрезаны по плечи. Легко представляю, как будет красиво, когда она распустит их. Как локоны будут колыхаться в такт моим ударам и движениям.

— Что ты хочешь, — спрашивает серьезно.

В самом деле, что-то случилось? Я смотрю ей в глаза, она не отводит свои лишь первые пару секунд, уводит взгляд в сторону, смотрит на адептов, на плац, на лес растущий кругом по периметру. Кусает губы и снова переводит взгляд на меня.

— Когда?

Умница моя. Всегда была интуитивной, догадливой, не то, что я, словно большой слепой кот, ни черта не понимающий в эмоциях других. От ее вопроса на лицо рвется улыбка, трудно сдержаться, не вдохнуть глубже, чем нужно от воодушевления воздух в легкие. Я стараюсь, но не знаю, получается ли?

— Завтра в десять.

Она сдержанно кивает, и уходит. Я же возвращаюсь с трудом в повседневную реальность, в задачи, которые требуется решить. Запихиваю на дальний слой сознания ее согласие, и держу тело в узде. В солнечном сплетении салют. В груди праздник от эндорфинов и предвкушения. В паху революция и бунт. В мозгах бьется мыслью один вопрос: «Не уже ли?».

Тогда десять лет назад, в постели, она была такой близкой, испуганной и скованной, я не нашел другого варианта. Сжал ее посильнее в руках. Она умудрилась вывернуться, пронзительно до боли глянула в глаза. В ее собственных, кричит непонимание, за что я с ней так?

Я прыгнул.

Только прыгнул не на песчаный пляж островка в Карибском море. А оказались мы на глубине десятка метров у затонувшей подлодки. Ни хрена не понял. Что случилось? Дернулся, как бешенный и пьяный.

Смотрю на заржавевший корпус. Таким был мой первый прыжок. Тело отца среди поднятых вверх моряков не отыскиали. Команда большая, больше ста человек. И четверых из них не нашли.

Я тринадцатилетний пацан, не знающий кому верить. Первый раз, прыгнул в пространстве прямо из собственной постели. Хотел все увидеть. Найти тело. Верил, что смогу.

В Баренцево вода жутко ледяная. Бьет наповал шоковой болью. Течение сильное, темно, кругом мутная мгла, хоть глаз выколи. Ломота и резь от холода не выразить словами — адская.

Нежданно пятно грязного света, мутного, как моча. Мои глаза выхватывают пробойину в носу подлодки. Огромную. Никто не знал, что толком произошло у них. Почему случилась беда. Все вместе заняло одну минуту, но тогда та показалась вечностью.

Отпрянул, метнувшись в сторону, глаза открыл уже дома. В постели, весь мокрый, оледенелый, изумленный. Ангина у меня была ядреная. С температурой, с воспалением легких, с проблемами мочевого пузыря, с гноем в горле.

Воспоминание застало врасплох, на золотом, прогретым за палящий день островке с девушкой в руках, что никак не хотела прыгать. Я уставился на нее, а Лиза в шоке, даже не сопротивлялась. Вытаращила глаза, смотрит в потрясении.

— Что это было? Ты в воде? Я видела.

Вот тогда и разобрались, что к чему. Она прыгала под давлением и внешней угрозой, а сознательно перемещалась в воспоминаниях людей. Мы проговорили несколько часов. Я не тронул ее. Помог подтвердить подозрения. Она видела мою мать, дом, еще живого отца. А это личное и роднит с тем, кого пускаешь в душу. Так что в моей, она могла чувствовать себя целиком, как дома. И вот ирония судьбы, могу подарить ей весь мир, прыгнуть с ней в любую точку планеты, могу показать, все, что в душе, а ей не нужно. Я не нужен! Не тот, кого она хотела. Я знаю, других-то тоже нет, никого, кому она бы доверилась. Я сделал так, чтобы пока жив, никого и не было. Мне хотелось одного, если не ответного чувства, то хотя бы тела.

Она пришла, как договорились. Без слов, сняла одежду с датчиками слежения и встала напротив. Пялится и смущать я не стал, жарко обнял. Мгновение, и нас в этом месте нет.

Мы на берегу океана.

— Ты подготовился, — Лиза смотрит на матрас, на корзину с закусками и вином и на дрова сложенные для костра. — Мы уже тут были.

— Очень давно.

Теперь мне хотелось, чтобы все получилось. Я вновь обнял ее и поцеловал в губы. За поцелуем последовало все остальное. То самое, чего нет ни с одной шлюхой. Понимание — женщина, что со страстью стонет под тобой, извивается и выдыхает твое имя — твоя и только твоя. Единственная, другой не будет. Этого стоило ждать и сто лет. Затем разожгли костер, откупорили бутылку, и, слушая морской прибой, смотрели на горизонт. Океан укачивал нас, баюкал вечными песнями о непостижимости жизни, зародившейся в нем.

— О чем ты хотела поговорить?

Я ведь не юнец и прекрасно понимаю, она согласилась на сделку. Нет, я вовсе не жалею о случившемся, смакую каждое мгновение. Лиза укутавшись в полотенце жевала дыню и потягивала шампанское. Ее любимое, я помнил.

— Стерта память. У них у всех, — она бросила на меня сидящего рядом осторожный

взгляд. — Начисто. Понимаешь? Но! За этой пустотой, стоят другие воспоминания, как из прошлой жизни. Будто бы они уже жили в другом раннем времени. У Васьки воспоминание о прядильне и убийстве человека, которое тот не совершал. У Тимура о кулачных боях. У Виктора о лапте и слепых мошенниках. Аня травница, а Маша девка в публичном доме. Я не знаю, что думать. Сказать, что они помнят свою прошлую реинкарнацию, нет. Потому что воспоминание только последнее и одно. Ничего больше нет. Совсем нет. Если бы они помнили прошлое, были бы и другие воспоминания.

Я думал.

— Клод, ты хоть что-нибудь знаешь, с чем это связано? У всех в этих событиях есть общий элемент. Человек, который наблюдает за ними.

Я бросил на Лизу взгляд, отвел. Вот это-то и беспокоило, ее последний вопрос.

— Урод, потерявший память открыл на вас охоту, — вздохнул. — Вычислил каждого и потер. Если бы можно было списать психозом, он мог бы смело претендовать на звание первого психа функционала. Но почему те пятеро и ты, — я посмотрел на Лизу пытливо, вопрошая.

— Я?

— Тебя он не успел найти, либо не смог. Твой статус секретности — высший.

— Вот это я и хотела узнать, Клод. Могу ли я с ним пообщаться? Пусть будет защитное стекло. Хочу разобраться в ситуации и понять, что происходит. Зачем ему это? С какой стати мы?

Я смотрел и не верил. Нутром ощущал, как Лиза что-то скрывает, прячет. И сам хочу знать, что связывает всех шестерых. С виду обычная беда, заплутали ребяташки в лесу. А потом раз, и у девчонок дар функционала, а мальчишки в оборотни. Не много ли совпадений?

— Ты не договариваешь, — сказал ей глядя прямо в глаза.

Она отвела взгляд, закусил верхнюю губу и даже сделала обиженный вид.

— Что там случилось, рассказывай, — я очень ждал этих объяснений и довольно давно. — Две волчьих тропы и гон, а не много ли везения и удачи?

— Я все тебе сказала, — она встала на ноги, зашла по щиколотку в воду, разглядывая, как океан ласкает ее ступни, покачивает на волнах. — Мы заблудились, прошли водопад, прошли лес, а потом вышли на проводника. Что ты хочешь услышать от меня?

— Что там был он, — я смотрел на нее и находил ее прекрасной, маняще обворожительной. Моей. Никогда никому больше не отдам.

— Почему ты так решил?

— Потому что между вами есть связь.

Она сглотнула, отворачиваясь к океану. И все что мне хочется, подойти к ней, опустить на колени и заставить ее взять в рот. Достучаться до нее, доказать, объяснить, уразуметь, у нее никого не будет кроме меня. Никогда. Стоит доверять мне, подчиняться, принимать меня всецело, таким, какой я есть.

— Клод, я не знаю, был ли кто еще или не был. Элементарно не помню. Но я хочу в этом разобраться. Так ты дашь возможность заглянуть в него? Кто он вообще такой? Что говорит?

— Говорит, что он из будущего. Несет треп, приправленный кучей терминов, финслерово пространство, геометрия Минковского. Вы нужны, как проводники, для его великих целей.

— Только мы?

— Остальным он память не тер.

Псих, казался обычным человеком. Он не был типичным функционалом. Но память-то затер а, это говорило о способностях.

— Дай заглянуть в него, и я скажу тебе, псих он или нет.

Звучало предложение разумно, даже предсказуемо. У всех пятерых есть воспоминания не связанные с этой жизнью, возникал вопрос — они вложенные или настоящие? И ответ мог дать только псих или Лиза.

— Стекло будет мешать тебе, заглянуть в него, а значит, будет риск контакта. Не известно, как он тер память. Прикосновением или как? — я покачал головой.

Изучение функционалов дело целого научно исследовательского института, пока те не ответят, как он тер память, Лизу не подпущу, даже через стекло.

— Я знаю таких. Упоротый, не действует на него ничего. Идейный фанатик, а ты потеряешь время, — отказал я. — Когда будет возможно, тогда и заглянешь. А теперь иди ко мне.

Лиза

— Договорились?

Вадим глядя куда-то в пол, со стороны кажется рассеянно, в действительности расстроено, помотал головой. Испуганно метнул взгляд в лицо, в надежде, что передумаю, и снова спрятал. Боится, погружения в себя. Многие боялись. Из тех, кто знал обо мне, даже бывало, носили очки.

— Если что-то сорвется, мне конец. Знаешь? — его голос слышался не достаточно обреченно и тихо.

— За все отвечает Клод, так что под его ответственность.

Если встреча закончится плохо, конечно, снимут голову Клоду, как куратору и конкурирующему телепорту. Его затаскают по комиссиям, проверяя на наличие злого умысла. Его будут делать козлом отпущения за потерю ценного кадра. А не такую мелкую сошку, как обычный таймер.

В камерах, коридорах, допросных везде стоят видео камеры. Их нет только в душевой. Считается, что в этом помещении люди имеют право на уединение.

Уговорить Вадима не составило труда. Во-первых, он не в курсе происходящего, знает, только что заключенный опасен. Во-вторых, он мне должен и когда-то принося извинения, пообещал вернуть должок. Время пришло, я попросила об услуге. Просьба пустяковая, пять минут «беседы» с заключенным.

— Не смущает, что он будет голым?

Я умоляюще улыбнулась его. Что я девочка? Работать приходилось в весьма разнообразных условиях, первое чему учат не стесняться ногаты, плевать на гендерное различие, пользоваться имеющимися преимуществами при выполнении заданий, не говоря уже о подчинении противника.

— Ты ему не только руки к трубам, но и ноги заблокируй. Для надежности, — попросила я. — Вдруг он оскорбится.

Вадима порадовала просьба. Мы хлопнули по рукам и на этом расстались до назначенного ночного часа, когда база погружалась в относительную фазу спокойствия. Достать комбинезон персонала уборщиков, оказалось тоже просто. А дальше кепку на лицо, бейджик на грудь, швабру и перчатки в подрагивающие руки. Все-таки волнительно. За несколько дней я увидела, то, что сложно игнорировать. Я и сама находила Илью очень знакомым, но память отказывалась сказать откуда. Все пятеро бывших одноклассников молчали.

Когда вошла в душевую изоляционного блока, поразила количество пара. Помещение не большое двадцать пять квадратов, отделанное белой плиткой. На полу лежат черные резиновые коврики. А форточка с решеткой наглухо задраена. Духота с влагой, хоть вешайся. Видимо, Вадим перестраховался. Форма уборщика мгновенно потяжелела, а я упарилась.

В глубине, прикованный по ногам и рукам стоит голый мужчина. Приближаясь, я разглядывала его со странным трепетом. Ощущая, как по коже вьется страх, сковывающий сердце. Дыхание перехватило от ужасного предчувствия.

Я остановилась перед ним. Высокий, достаточно молодой мужчина, брюнет. На вид

может даже и смазливый. Но я видела его в чужих воспоминаниях, и выглядел он там по-разному. Чаще небрито, заросшее, не мыто. А сейчас в клубах пара, чисто выбритый, обнаженный. Так вот ты какой — стирающий жизни функционал.

Мужчина поднял взгляд, впился в меня карими, почти черными радужками глаз. И от этого движения животный страх побежал по спине, поднимаясь пульсирующим комом в горло. Потерялся на секунду-другую контроль над эмоциями. Трепет вывернул меня наизнанку, до стука зубов и исступленного сердцебиения. Меня тут же бросило в жар, а потом в липкий пот. Инстинктивно я опустила глаза в пол и отступила назад. Усилием воли, взяла чувства под контроль.

— Такой страшный? — голос глухой, басовитый.

Несколько секунд я молчала. Это чисто моя реакция на него. Странная. Слишком нервная. Подняла вздрагивающий взгляд.

— Ты стер память пятерым людям, — голос мой упал до хрипоты. — Как?

На его лице проскользнула ухмылка, дернулся уголок рта.

— Они не подошли.

— Как ты это сделал?

— А ты уверена, что сделал? — взгляд поменялся, сверкнул странно, мне показалось как-то пугающе не по-человечески, внутренне я отшатнулась и едва удержалась, чтобы не попятиться.

— Да. Тебя ведь Илья зовут.

Он оценивающе прошелся взглядом по мне, ухмыльнулся.

— Умеешь заглядывать в душу. Боишься, что я тоже умею?

Скрывать то, как я дрожу, как по коже бегут мурашки, а тело трясет от напряжения не возможно. Тело, само по себе, я сама по себе.

— Боюсь.

Еще один оскал.

— Не умею. Я стою прикованный, весь перед тобой, — заглянул-таки в мои глаза. — Тебе нечего бояться, чтец времени.

Я поверила ему. И это плохо. Очень плохо. Верить не с чего. Если он маньяк и псих, то способен буквально на все. Но вера успокаивает меня, и я начинаю дышать в тяжелом избыточно-влажном паре немного уверенней, ощущая, как необъяснимая дрожь в теле снижается.

— Тогда объясни зачем?

Он молчит, выжидательно смотрит на меня. Ему в душевой голым отлично, это мне в одежде душно.

— Я уже рассказывал вашим. Ты ничего не прочтешь. Измерения разные, понимаешь?

Теперь время мне молчать, думать.

— Предположим, ты не врешь. Зачем стер память, тем пятерым. Почему им?

Он смотрит на меня серьезно.

— Людям твоего времени трудно поверить в иные миры и измерения. Но они есть. Ваша наука только допускает подобное. Мир совсем не так устроен, как думаете вы.

Я молчу.

— Мне нужен проводник в нижележащий мир. Не в ад. А в другое измерение.

— Почему сам не пройдешь?

— Потому что я из более сложного. Всегда нужен проводник из соседнего. Кто откроет

его.

— Его?

— Портал.

Я тяжело вздыхаю от пара и от уверенности, Клод прав, передо мною первый псих функционал. По крайней мере, звучит он так.

— И чем, не подошли другие? — все же спрашиваю я.

— Они забыли. У них из прошлого, осталось лишь одно воспоминание.

— Понятно, — киваю, соглашаясь, и верно всего по одному, я сама видела. — А должно быть?

— Всё, — он смотрит на меня спокойнее, но в глазах так и искриться что-то буйное, посверкивает.

— А почему эти пятеро?

— Шестеро, — наши взгляды сталкиваются, как две молнии и я вздрагиваю от удара и звона в ушах от дополнительного импульса жути. Я шестая.

— Вас шестерых я перевел через Алатырь-камень. Вспоминай!

Последнее слово, как приказ, как потрясение от того, что с тебя сдирают кожу заживо, как могучий рывок распахивающий миг перед головокружительным полетом. Срыв и мертвая петля, отрыв от земли и падение вниз. Дух захватывает. Неужели он воздействует на волю голосом? С меня струятся ручьи пота от волевых потуг. Хочу послушаться, от ярости на приказ бьет крупная дрожь, от тяжести с трудом поднимаемых век, будто на них вылили горы воды, и пригибает к полу.

— Я, — произношу с усилием, дрожа и сотрясаясь всем телом. — Не по-м-ню!

Мой заторможенный взгляд упирается в мужчину, и мне сложно отвести взор назад.

— Ты Руна, — он с яростью бешено глядит в глаза, срывая с моего разума страховочные тросы безопасного существования. — И это не реинкарнация. Лиза давно умерла. Осталось только тело, оболочка.

Ведь я знаю, он не врет. Я видела все пять воспоминаний. И его слова, каждый слог омерзительны, безобразно гадостливы, возмущающие мой внутренний предел до кричащей головокружительной злобы, до животной жестокости, до свирепого буйства.

— Я Лиза, — не могу отвести взгляда от его сверкающих глаз, срываюсь на крик.

— Ты волчица.

— Нет, — думаю, что шепчу про себя, но в реальности кричу во все легкие.

Бросаюсь к нему, рычу и хватаюсь руками за горло. Хочу одного. Задушить урода. Скрыть от всех правду, перекроить и переписать реальность навсегда. Уничтожить носитель знаний навеки. Никто не узнает, что я Руна, не Лиза. Ведь Руне все равно, она давно жила А Лизе нет. Лиза жить хочет. Пусть и ценой забвения урода.

— Это был их выбор, — произносит, краснея он. — Они сами выбрали себя настоящих. Вспоминай!

Как удар хлыстом по самому нежному месту. Больно! Оторвать плоть от места не возможно. Жжется! Нестерпимо горячо.

— Руна, — хрипит Илья, поднимает на меня полный ненависти испепеляющий взгляд.

Нежное место горит, щипает раздраженное ударом, требует успокоения. В душевую вламываются люди. Вбегает Клод, пытаюсь оттащить меня с разбега, отдирает от почти задушенного функционала-психа. Я вою дикой кошкой.

— Не-на-ви-жу!

— Не трогай! Нельзя прикасаться.

Голос Клода тонет в потоке моей ярости, жажде крови уроды.

— Вспоминай! — орет тот.

Я выпускаю из пальцев чужое горло. Клод отпихивает меня в другую сторону, так что за клубами пара не видать ничего. Убью! Клод говорил, что нельзя. Я прикоснулась. Поднимаю на него глаза и сама не понимаю, как текут слезы из глаз, пока цепляюсь за его сильные и надежные руки.

— Клод...

Душа выворачивается наружу, несносно досадно стонет, ни охнуть, ни вздохнуть. Полнится воспоминаниями. Играет страхами с такой страстью, что искры из глаз. Я ложусь на пол, на резиновый коврик, кричу в голос от яркости топящих меня образов, чужих образов, погружаюсь в отчаянье. Слышу удары, топот ног, вой сирены, но уже все равно. Поздно. Лизы больше нет.

Часть 3. Клод. Космопорт

Через 500 лет после описанных событий с Лизой Зверевой

Космопорт в Сингапуре встречал сотую весну традиционным праздником воды.

Ансамбль из десяти величественных куполов и двух башней эллипсов с прозрачными стенами из новейших материалов последних нанотехнологий гостеприимно распахивал двери для ста миллионов туристов, ежегодно.

Из трех космопортов: два других находились в Нью-Мехико и Рас-Эль-Хайме, Сингапурский отличался тем, что более половины его рейсов приходились на бизнес-полеты.

Казалось бы, о каких бизнес-полетах идет речь, когда все правительственные заказы, на поставку гелия 3 и других ценных ресурсов, обслуживались военными космопортами: те же Байконур и Канаверал.

Но кое-какие заказы были. В эпоху белого золота, на планете, где главным ценным ресурсом становилась пресная вода, а ее нехватка уносила ежегодно по 15–18 миллионов жизней человеческих, ее поиск на других планетах был самым распространенным правительственным заказом, у частных космических компаний, занимающихся в большинстве своем туристическим промыслом.

Компании, перевозящие туристов на базы на Луну, Марс, изредка занимающиеся исследовательскими работами, с радостью брались за них, если перехватывали у более вертких извозчиков.

Последних было не много, услуги не дешевы, но все же спрос оставался широк. Ведь brave капитаны частных кораблей имели опыт высоко опасных заказов и не боялись рисковать ни металлом, ни жизнью.

Одним из таких кораблей была «Мечта».

Корабль с типовым вооружением базы космодрома Плесецк (квантового компьютера с термоядерным электротехническим двигателем) прошедшим серьезную модернизацию и имевший в своем арсенале защитный модуль обитый спецкожухом защищающий пассажиров находящихся в криокапсулах от любой самой сильной радиации. Кроме этого в хвостовой части он имел еще один защитный модуль.

Одним словом, корабль класса «клипер», рассчитанный на шесть пассажиров, предназначенный для разведывательных целей был оснащен по последнему слову космонавигации и занимался исследовательскими миссиями и разведкой по частным заказам.

Владельцем «Мечты» являлся сорокапятилетний бывший военный Клод Арнольдович Горцев.

Среднего роста, спортивного телосложения капитан с пронизывающим взглядом карих глаз и волевым подбородком с момента приобретения «Мечты» бравший заказы в Космопорте Сингапура или Канаверала, на исследования на околосолнечных орбитах и ядовитых Венерианских термосферах, сколотил за пять лет не малое состояние.

Половина, из которого уходила на бесконечные ремонты бота, доставляющий

оборудование и команду с космопорта на орбиту к кораблю и обратно. А также диагностику систем «Мечты», аренду небольшого офиса и жалование экипажа.

В постоянный состав входило три человека: он сам, первый и второй пилоты. Три других временных членов команды или пассажиров, добирались при получении очередного заказа.

В Сингапурском Космопорте объединенным с другими портами была своя биржа труда, в которой были отобраны специалисты, военные, ученые и другие желающие полететь в космическую экспедицию практически даром.

Все что требовалось от соискателя — пройти платные курсы специальной подготовки и здоровье, в отличие от туристов, которые кроме курсов приходилось отваливать кругленькую сумму денег за возможность «покататься на Луне».

Нужно сказать, что космос при всей фантастической романтике требовал, как от тех, так и от других соблюдения строжайших норм безопасности и полного подчинения капитанам кораблей.

Никаких «роскошностей» типа удобных пассажирских кресел, шикарных салонов и тюбиков с шампанским так здорово рекламируемых компаниями продающими путевки не предполагалось в открытом космосе.

Даже открытие антигравитаторов, дающих ощущение силы тяжести на борту космического корабля и магнумчастиц, которые под воздействием гравитационных полей обладали уникальным диапазоном частоты колебания, что позволяло разбить объемное пространство Вселенной на кубические квадраты, никак не перечеркивало суровой реальности непредсказуемого Космоса.

И поэтому, космические путешествия, будь то туризм или научные экспедиции или что-то еще, например уборка орбит, доставка грузов, разведка — любой вид деятельности в космосе оставался рискованным и самым дорогим видом бизнеса в мировой экономике человеческой цивилизации, впрочем, и высокооплачиваемой.

И поэтому, отбоя от желающих подзаработать денег на космических биржах труда не было никогда.

В эту сотую весну космопорта Сингапура, вокруг наблюдался наплыв богатых туристов предвкушающих пышные празднества, шикарного космического представления из наночастиц воды окрашенных в серебристые и золотые цвета на главном фонтане ансамбля, открытие двухсотметровых стел героям космонавтики и розыгрыша источника родниковой воды, а Горцев шестой месяц сидел без заказа.

Оптимальным для извозчиков как он, была частота экспедиций два раза в год. Поэтому ни готовящиеся празднества, не пышность торжеств не трогали капитана. Он уже готов был рассмотреть предложения по дорогому, но малоприбыльному туризму и слетать на Марс и обратно, как неожиданно пришел заказ.

Компания, разославшая оферту, славилась дурной репутацией заказчика, не всегда легально оформляющих бумаги. Рынок заказов на космическую разведку космических пространств или исследований был сравнительно не велик, и крайне засекречен. Те заказы, которые заказчики поручали извозчикам, прежде чем дойти до стадии договора, проходили кучу инстанций, обрастая спецификациями и лицензиями.

ВОЭП (Всемирная организация экологии планеты), как движущая сила экологической отрасли мировой экономики весьма придирчиво относилась к космическим исследованиям имеющим в своем основании — неэффективное грязное производство, бактериологическое

заражение и тепловое воздействие на климат Земли. И так как, ВОЭП не охотно выдавал разрешения с печатью министерства охраны природы, то большинству компаний приходилось весьма изворачиваться для получения подобных бумаг.

Заказ пришел из Европы, а не от обычных заказчиков Горцева — китайцев или русских. Обычно европейские компании охотнее доверялись американским. И Горцев не относящий себя к белоручкам, доверяющий своей интуиции сформировавшейся за пятнадцать лет службы в войсках РФ и пяти годах космических полетов склонялся отказаться от выполнения заказа.

Но прежде чем отказываться от работы, ему хотелось убедиться, что интуиция не обманывает его.

Оферта содержала задание конвоировать двух заключенных в крио капсулах до квадрата 5718, передать в руки федеральных офицеров и отбыть на Землю, для получения оплаты заказа.

Квадрат 5718 содержал в себе ровно ничего. Ноль. Глубокая космическая пустота, наполненная газами, пылью, без природных объектов, станций или хотя бы звезд. Если все произойдет без осложнений будет оплата бонусной части, именуемой среди капитанов «пилоткой удачи».

Оставалось предположить, что «груз» доставляется на другой космический корабль, а оттуда направлен по неизвестному назначению.

Горцев, не нашел к чему придрататься. А сомнения не прекращали грызть. Нутро вопило, и умоляло отказаться от заказа, жизненная же необходимость кормить себя, свое дело и платить двум членам экипажа, требовали другого. Так что, скрепя сердцем пришлось согласиться.

Он сообщил новость членам экипажа, не вдаваясь особенно в подробности, отдал приказ готовить «Мечту» к старту, сам же занялся подбором трех временных членов команды.

Второй и третий пилоты-навигаторы были обязательным условием существования бизнеса Горцева. И хотя он являлся владельцем корабля, по уставу требовалось два симбиозных пилота, способных работать синхронно с высокой точностью дополняя друг друга, поднимая сложную машину в космос и сажая во всевозможных условиях. Его пара пилотом высокая и пышногрудая азиатка Зоя и низенький и сухонький бурят Тумэн составляли на первый взгляд нелепую диаду.

Самыми лучшими и дорогими априори считались близнецы. Дешевле стоили пары братьев, сестер. И совсем дешево супружеские. Но именно в последних Горцев верил значительно больше, чем в пары с родственно-кровными узами. И пока пять лет успешного получения пилотов, убеждал его коллег, что в вере есть что-то от истины. Они до сих пор живы.

Он заметил их, когда парочка работала мусоровозами, расчищая загаженные орбитальные коридоры не столько для экологии планеты. Сколько для возможности взлета и посадки многочисленной армады кораблей. Конечно, случалось, что ВОЭП принуждал компании к чистке готового вот-вот рухнуть на головы землян мусора, но, как правило, такие мероприятия рассчитывались заранее и козлов отпущения назначали тоже заранее.

Пилоты-мусорщики класс пилотов работающих на свой страх и риск относились к самой низшей касте, не потому что были неприкасаемые, а потому что умирали, чаще, чем успевали совершить с десятков полетов. Компании экономили на всем. У ботов

транспортируемых мусор с орбит хватало топлива только на полет до точки захвата, планировали же вниз они по своей естественной орбите. После чего боты перехватывались на земле транспортными самолетами и отбуксировались на один из мусоросжигательных заводов, в зависимости от марки груза. Понятное дело, если пилот не смог достичь корректно точки назначения, произвести захват объекта или вывести на орбиту на последних крохах топлива бот с грузом, то его не перехватили (без груза, их никто не прихватывал, не выгодно), все это было чревато непредсказуемыми смертельными последствиями. ВОЭП закрывала глаза. Выбор не велик, либо на вас рухнет радиационный спутник, либо погибнет всего лишь один пилот и один механик.

Официально в прессе мусорщиков именовали героями, истинными экологами планеты. В реальности, это были люди желающие сорвать куш. Обеспечить свои семьи радостями жизни, будто абонемент к питьевой воде, крыша над головой или образование. Встречались среди мусорщиков и лихие пилоты. Они как ни странно имели самый высокий процент выживания и являлись возвращенцами, людьми у которых кончались кредиты, были тоже они. Но сколько раз может человеку улыбаться удача?

Легенды, как и в любом деле, росли снежным комом о парочке совершившей двадцать захватов давно бродили среди пилотов. Когда Горцев заинтересовался четой Доржиевых, те практически расплатившись с непомерными долгами большого рода. Им оставалось заработать для себя. Поэтому они согласились на его предложение, считая, что лучше десять лет работать с Горцевым, чем еще раз смотаться на боте на орбиту. Они ударили по рукам и стали семьей для бравого капитана.

Часть 4. Руна и Илья

Вновь 1903 год...

Дойти до избы она не спела, оттуда толкаемый кулаками в морду вылетел солдат. Лупил его конвойный.

— Куда метил!? Штраф за всех платить будешь? А?

— Я ж не думал, что они бежать, — солдат был самым молоденьким, на первый конвой повел по этапу в сопровождении.

А тут такая беда. Руна остановилась, наблюдая, как они сцепились и один готов убить другого. Из караульной избы вышел полуодетый офицер.

— Команда равняйся. Доложите обстановку.

Двое вытянулись и тот, что бил, отчеканил:

— Докладываю, у нас заключенные бежали, через запруду.

По лицу офицера стало понятно, что достанется всем.

— Всю партию в цепи! — рявкнул он, на весь двор. — Много?

— Трое. В лес ушли, пока бабы голосили.

Мужики греющиеся у костра зароптали, заверещали бабы в избе. Оно и понятно. Наложит цепи, а в них тяжело, летом цепи суставы ломают, а зимой от них все кости ноют. С осенним холодом, когда не выдали еще кафтаны, положенные по этапу и так не жарко.

— Ох, горе-то! Что б тебя, беда за бедой, — шептались заключенные.

Руна поймала взгляд старосты на себе. А ведь это и его промах. Его беда. А ведь все по тому, что ее спасал. А значит и она виновата. Илья подошел к офицеру.

— Ваше благородие. Сделай милость, пусти на поиски! Мы вам беглых сыщем, чтобы вам со счета не сбиваться и перед начальством не отвечать. Ответственность, коли не выдам, будет на мне.

Призадумался.

Мужики радостно зароптали. Так делали артели, что в хороших отношениях шли с конвойной командой. Тогда наказания никакого не будет остальным. Значит, не прогадали они со старостой.

— Ладно, — кивнул тот.

Офицер в годах был, дело свое знал, также как и каторжного брата, и на варнацкое слово чуйку имел.

— Ступай.

Илья не сошел с места. Ему начальнику ведь все равно, кого он приведет, главное чтобы счёт был верен, а там справки наводи, на чьем этапе смена лица состоялась.

— Кого-нибудь взять, намерен в помощь? — догадался он о причине задержки.

— Вот эту, — кивнул Илья на Руну.

На лице офицера проскочила ирония, затем ехидная усмешка.

— Шутить изволишь? Мало тебе там?

Илья оскалился, смотря с ним вслед на баню, пожалел плечами. Мол, видит меня ваше благородие с потрохами.

А Руна в душе замерла. Ее рука все еще сжимала деньги, а живот урчал от голода. Зачем это старосте?

— Добрый человек всегда найдет, как провести время с пользой и выгодой.

Офицер смотрел на Руну с большим сомнением. Оголодавшая, шатающаяся без сил девка поможет мужику в поиске трех беглых? Как? Ну может и правда, разделит приятное с полезным? Далеко все равно не уйдет доходяжная, разве сама станет жертвой трех преступников.

— Пс-м, бери-и, — протянул он, отворачиваясь.

Илья подошел к Руне, взял из рук тряпки и деньги, отдал их Косолапову, что стоял у избы вместе с остальными заключенными.

— Сбереги. Утром или днем вернемся, заберем, — велел он.

Тот взял, хмуро пялясь на них, не понимая и соглашаясь.

У Руны сердце живой струей радости окрасило, разогнало несущуюся так стремительно по венам кровь, в жар бросило. Внутри все громило новостью, ведь она желала больше всего этого, но и боялась пуще смерти.

Она не оборачивалась в волка, еще. Пока еще нет. Никогда не была тем, кем ей велено быть природой. Лес манил ее, звал, шептал сказками с самого детства, где ее место и в чем значение. И вот он порог, вот калитка, за которой чистая запруда. Люди в нее выходят и входят легко, запросто, не делят его на два мира, свой и чужой.

Илья остановился и смотрит на нее, ждет.

— Пойдем.

Она сглотнула, и перешагнула, сделала первый шаг на волю. Задохнулась от адреналина в крови и от страха и вовсе не перед лесом, а перед самой собою.

Илья шел с девушкой по кромке леса, сжимая веревку. Спустя час повернул в его глубину, особо не прислушиваясь и совсем не приняв к следам и запахам тех, кто ушел раньше. Руна молчала. Они двигались быстро, так что она успела и согреться и обсохнуть. Отойдя за пару верст, Илья остановился. Ночь выдалась лунной. Белый свет заливал пригорок. Несколько секунд он стоял, внимательно смотрел на девчонку.

— Почему мы не пошли по следу?

— Потому-что, я хочу сначала поговорить. О нас.

— О чем?

Руна, не поняла.

— Как так вышло, что ты ни разу не оборачивалась?

Она пожала плечами, отвела взгляд.

— В городе негде, да и как-то не хотелось.

— А здесь зов, — закончил Илья. — Это случается в нескольких случаях. Когда есть подходящая пара, когда опасность угрожает и когда душа человеческая не желает больше жить в теле людском. Какой вариант твой?

Руна косилась на деревья, утонувшую во мраке листву и думала о том, что становится свобода нужна, когда нет её. У нее до беды нынешней и мыслей таких не возникало. Все с утра до ночи дела какие-то. Принеси то, подай это, сходи туда-то, узнай что-то. Руна никогда и не думала в волка оборачиваться. Из прошлой жизни она только и помнила, что лес, запахи и маму. Очень смутно. До каторги, ей даже думать ни разу не думалось, что она может обернуться в волка и уйти жить в лес с теми, кто ей близок по рождению.

— Кто же ты такой? — уязвленно спросила она. — Ты же не волк. А живешь среди людей.

— А что ты знаешь об этом? — Илья вскинул вопросительно бровь. — Я контролирую свой силы, и отрочество уже давно прожил. А ты только живешь и не знаешь, как все устроено.

— И как?

— Как я сказал до этого. Ты здесь, — он вскинул руку, провел полукруг. — И тебе плохо. Если оборотишься, назад можешь и не вернуться. Ты знала об этом?

Она не знала, пялилась на него во все зеленные глазища, словно не верила.

— Что вообще никогда?

Он кивнул.

— Оборот вспять сложнее. Ты должна быть спокойной и хотеть жить человеком. У зверя сознания грубое, оно вот тут.

Он протянул руку и коснулся затылка Руны.

— Его нужно уметь поймать, направить и удержать. С каждым разом все будет передаваться проще.

— А у людей, вот здесь, — ткнул пальцем ей в лоб, Руна его потерла. — И оно тонкое, свободное. Его легко потерять. Видела когда-нибудь, какой корове или кошке дурно делалось, и та лишалась сознания? Нет такого у животных, потому что сознание иное. Ты этого желаешь? Прожить зверем всю жизнь?

Руну закусила нижней губу, отвернулась, растерянно глядя на звезды над головой. Кто бы ей рассказал о подобном? Наверное, поэтому члены стаи обернувшегося ребенка удерживают. Не дают повернуть сознанию вспять, пока не закрепится личина человеческая, пока не научится жить и любить новый облик. А она? Она, в общем-то, любит людей. Не знает иной жизни, и жить по-волчьи не умеет.

Но там же, там лес! Запахи эдакие вкусные, богатые дивными оттенками и благоуханиями. Она и не думала о том, что лучше? Как то естественно считала, что быть хорошо и волком и человеком. В животе тянуще заурчало.

— И ты не знаешь, примет ли тебя стая, — заявил Илья, наблюдая смесь сомнений на хорошеньком личике. — Сейчас весенний гон, не до спаривания, не до тебя. А если нет? Ты умеешь обходить капканы, от погони, охотиться? Выглядеть будешь, как взрослая сука, а уметь, как щенок. Как думаешь, сколько ты протянешь в лесу?

Руне было все равно сколько, хотелось и все тут. Если думать о плохом, то ничего хорошего и не случится. Думалось, «Хочу и всё». И, Руна отпустила внутри себя зверя. Вдохнула от души запахи, что подстегивали ее физический голод. Она живо представила мясо, дичь то что, можно оторвать от плоти клыками и съесть! Сожрать! Разорвать! Насытится!

Оборот начался сам по себе.

Посреди груди, где-то от середины живота задрожало нутро, заходили ходуном органы. Она мельком усмехнулась тому, как расширились зрачки ее спутника. Тело хотело трансформации, зверь хотел и Руна хотела.

Илья схватил ее и прижал к себе, словно опасался, что она убежит прямо вовремя оборота. Впился в губы. Раздвинул их языком, целуя с напором, больно. Он не особо церемонился. В следующий миг, повалил ее на сырую землю, на ходу задирая юбку. Мужские пальцы повелительно накрыли холмик между девичьих ног, суясь самым крупным сквозь тряпки вовнутрь и не один раз.

Руну выкинуло из ощущений превращения, болезненно, напряженно, так вроде они снова в бане. Она замычала ему в губы, задержалась, сопротивляясь и отбиваясь от него.

— На-си-льни-к. Душе-губ. Про-кля-тый.

Поздно она спохватилась. Он уже весь на нее забрался, давя сверху всем телом, вбивая в землю. Властно руки над головой перехватил, чтобы не царапалась. А затем замер.

Руна трудно дышала под ним, едва не задыхаясь.

— Ты специально, — прохрипела, красная.

— У меня имеется к тебе предложение, — произнес он, коснулся ее губ плотную. — Руна, так же тебя все зовут?

Она выбившаяся из сил, с трудом вдохнула. Два попытки оборота за вечер, кого угодно ослабят. Тело повело от бессилия и натуги, мышцы коллапсом сбросили напряжение, так что она задрожала под невыносимой тяжестью. И мигом рухнула в немоющее расслабление. А сама задохнулась, удивляясь собственной бесчувственности.

— Отпусти, — заплакала она, пытаясь трепыхаться, но ничего не получалось. — Отпусти! Дай уйти! Вл-е-е-ес...

Следующий миг, она голосила. Вывернула голову подальше от него, отвернулась к лесу и выла.

— Руна, выслушай меня, — рявкнул над ухом басовитый голос. — Я помогу тебе! Слышишь?!

— Как!? — резко повернулась к нему, глядясь откровенно в глаза Ильи. — Как!!!?

— Я дам тебе свободу. Я проведу тебя через Алатырь камень. Соглашайся. Научу обороту. Будешь, как я жить и зверем и человеком.

Она перестала дышать, только сипела под ним. Илья смотрел на нее сверху вниз, тоже переводил дыхание.

— Зачем я тебе?

Она не поверила ему, и верно. А кто бы поверил в подобное? Она каторжанка, он тоже. И оба они оборотни.

— Я офицер и ты знаешь об этом, — произнес он, наконец. — Я сниму тебя с этапа. Ты будешь подчиняться только мне. В случае успеха нашего предприятия, ты получишь свободу.

— Слезь ты с меня, наконец, — взорвалась она. — Мне дышать нечем и слушать твой бред тоже нечем. Слезь!

Илья уступчиво приподнялся на локти и Руна, с облегчением, задышала полной грудью, восстанавливая дыхание. Но ног и живота он не сдвинул. И то что, у него налилось ниже живота, ею ощущалось забористо и горячо.

— Я не каторжный, как ты. Но нужно, чтобы так думали все остальные, до места назначения. Я знаю, что ты была на побегушках у Чашкина. Ты отлично справлялась.

Он замолчал, давая ей обдумать.

Руна понимала, будучи любовником Данишевской, конечно, он слышал о Тимофее Викторовиче, но не о ней же. Поди, разбери этих господ, князей и барынь!

— Откуда тебе известно?

— Ознакомлен был с личным делом. Твои деликатные поручения, наделали много шуму в городе.

Руна ушам своим не поверила. Она же была только по мелочи, на подхвате.

— Какие поручения? О чем ты говоришь?

— А не ты ли записки таскала от Марии? — он красноречиво посмотрел ей в глаза, смущая убежденностью.

— Ну, носила, — согласилась она. — Что тут такого?

Илья неожиданно приподнялся, встал, помогая и ей подняться. Оба отряхивались.

— Пропали важные бумаги. И в этом замешана Мария, ты, твой Чашкин.

— Он не мой.

— Он тебе выдавал поручения, так что твой. Документы весьма значимые.

— И что?

Руна окончательно пришла в себя, и теперь приводила волосы в порядок, сплетая их в косу. Те кудрявые растрепались, ее пальцы дрожали и не особо слушались.

— Мне вверено найти их. Думаю, твои навыки пригодятся. Все лучше, чем в одного искать. А там, как бог даст.

— Почему оборот остановился?

— Потому что страх отличный хлыст. Он не только умеет подталкивать, но и останавливать. А ты боишься меня.

Руна недовольно покачала головой, отвела глаза.

— Не тебя.

— Главное, что работает. Ну, так что согласна?

Она кивнула. А что тут думать? Конечно, согласна. Других шансов, возможностей и перспектив на горизонте не маячило. Нет их! И до конца зверем быть тоже, как-то страшно

ей показалось. А Илья хоть что-то предложил, и пусть это что-то авантюрное и хлипкое, разве выбор у нее имелся?

— Хорошо. Давай поедим, и за дело. И еще, — он окинул ее твердым взглядом. — Ты волк, и ты слушаешься отныне меня, во всем. Ты поняла?

— Поняла.

Она бы сейчас что угодно поняла, лишь бы ей дали в руки что-нибудь съестное.

— Ладно, — Илья принялся раздеваться догола. — Сначала ужин, потом дураков поймаем.

Он вернулся спустя полчаса. Они разведи костер, пожарили кроликов. Руна отвела душу, наелась. Жизнь перестала казаться худой.

— Не мори себя голодом, впредь, — посоветовал он. — Голодание провоцирует оборот. Приготовь веревки. Я буду приводить по одному, а ты вязать их к дереву. Затем отведем назад.

— Что будет с ними?

Он бросил на нее не добрый взгляд, зло улыбнулся.

— Паршиво им будет, и не от конвойных. От своих. Ты не жалея дураков. За такие выходки, весь арестантский этап обыкновенно мучается. Всех куют в цепи и все одно, что металл холодом запястья ломает, болезни на долгие годы создает. Лучше эти трое пострадают, чем все остальные. Жди, и никуда не уходи.

Они вошли в Омск по дуге через Тобольск. Разница в четыреста пятьдесят верст. Для лошадиных не большая, а для пешего вечность. Вот она каторга. Острог, куда завели партию, оказался таким же, как и все остальное... темным, замызганным, тонущим в грязище и лужах. У главного кирпичного управления верхние этажи и окна выглядели чистыми. Но туда арестанты не поднимали голов. На лицах у них проступала горечь. Поменялась их поступь с храброй на упавшую духом. Все они пришли без денег, полуголодные, в рванной одежде. У каждого на челе печать безнадеги, отчаянной потерянности. Еще за двести верст до пункта назначения по толпе разлилась черная тоска. Топила она горемычных гнетущим дыханьем, вымораживала души.

— Приформиться, — покрикивали офицеры, за несколько верст до входа на территории к месту.

Никто не двигался быстрее, дружно оттягивали неизбежное, прятали головы за котомками, лишь гремели жёстче кандалами, да выдыхали.

Вышло местное начальство, во двор, начался прием по спискам.

— Спешите господа? — обращались местные к конвойному начальству, зная, что требуется снять с партии кандалы, вернуть их назад, а здесь на новом месте на арестантов свои надеты будут. — Может завтра, уважаемые? Это ж, сколько всех-то, не успеем за сегодня засветло всех очистить, потом де заново перепаивать.

Только этапный офицер уже ни раз ходивший этой дорогой, знал, что чтобы не лишиться годового жалования в награду за отсутствием беглых, для радости его сердца требовалось, как можно быстрее партию сбить с рук.

— Нет, нет, — он много смекавший знал, что к чему. — Партию расковырять не долго, за два-три часа одним махом управимся!

Многоопытный, он прекрасно понимал, что арестанты снимают кандалы, как сапоги. Он де разумеет, что на каждый замок существует своя отмычка, а на каждое стеснение и строгость свое сопротивление. Так что как отдал приказ, так за два часа, вся партия уже без кандалов стояла. Эка малая радость на этапе большая, а на каторге горькая.

Илья подал свой приказ к спискам. Местное начальство не обрадовалось, оглядело его бородатого с ног до макушки, выругалось в усы, ушел солдат докладывать более высокому начальству.

Руна все это время смотрела на решительный базар. Здесь в последних заключительных этапных казармах, на небольшом тесном дворе сидели люди. Среди собравшихся, солдаты, бабки, девки и девочки. Перед каждым из них лежал товар. В основном съестное. Творога, молоко, квас, щи, каши, пироги, конфеты, изюм и даже пряники. Была и бытовая дешевка, типа мыла, пуговиц, нитей. Всего хватало.

— Все это покупают пришлые? — спросила она удивленно Илью, тот кивнул.

— Эти мало. В основном поселенцы своим детям.

— Но ведь, как дорого, — заметила она, наблюдая, как один из мужиков с этапа покупает ковшик с квасом и шаньгу за три копейки серебром. А бабы-торговки за чашку купоросных щей, так вообще драли по двадцать пять или тридцать копеек. А за полтора фунта вареного мяса, весьма сомнительного с виду, и вовсе пятьдесят копеек.

— Куда им деваться? Сама видишь, последние дни Святой недели идут. От казны поселенцы получают четыре копейки, иногда меньше, от цен на хлеб в губернии зависят. Продавцу до чужих кормовых дела нет. Все равно такой харч много дешевле по Сибири, чем еще где.

Их слышал конвойный, улыбнулся им.

— Да, о чем толкуете, милые? От казны на этап ничего не полагается. Раньше, хоть тепла и света на целую ночь давали. А теперь свечи только до зари.

Про тепло он промолчал. Руна и сама знала, как обстоят дела с этапными избами. Холодно там, а часто откровенно мороз стоит. После того уговора в лесу, Илья взял над ней заботу, и из виду уже не упускал. Как Иванна не приближалась, не подкрадывалась. Руна считала, что завидно той весьма, ведь она сама на него глаз положила. Хотела с ним идти и любовь крутить.

Они шли по пятьсот верст в месяц, не разбирая никакой погоды. В духоте, в зловонии, большинство этапных зданий построены на болотной гнили. От гнуса летом рассказывали конвойные, хоть щи вари. Сытнее будут, чем казенные! Часть пути они ехали на поезде, потому не попали в половодье и распутицу. Успели выскочить, бог миловал.

— Э, арестант? Велено идти к начальству, — вернулся посланный солдат.

Илья нахмурился, бросил взгляд на Руну, мол, следуй за мною. Они прошли вход, охрану, вошли в кабинет Коменданта острога простой, беленный, без лоска, меблированный топорной мебелью. Сам Комендант одет был в темный вицмундир, седовласый с усами, как у моржа. Взгляд его был суров, но спокоен.

— Ваше сиятельство, рад приветствовать вас, — произнес он, вставая и приближаясь к ним, протягивая руку для рукопожатия. — Позвольте представится Алексей Федорович де Граве, к вашим услугам.

У Руны так челюсть и отвисла. Они целый год шли по этапу. Конечно, выход из России и прибытие сюда, за такой срок невероятно скор, но она успела привыкнуть к тому, что Илья просто арестант. Прав у него меньше, чем у каморника-сторожа присматривающего за зданием этапа. А тут все по этикету и по чину.

Они пожали друг другу руки.

— Приказ императорского величества будет исполнен в точности. Я сегодня же распоряжусь передать арестантские списки до Иркутска. Дам указ о подготовке надлежащих документов. Чем сможем, тем поможем. Мы близко знакомы с трудностями жандармерии и ваше дело у нас будет стоять в первоочередных. Если имеются просьбы какие, уважьте.

Илья достал другую бумагу, передал.

— Мне требуется помощник. Хочу освободить из обязанностей наказания арестантку. Руну Волкову. Ее, — произнес он, наблюдая, как комендант читает бумагу. — Дело секретное и важное, подробности предъявить не могу.

Тот поднял глаза, разглядывая Руну, затем отвел. Завизировал на бумаге подпись и дату, кивнул:

— Забирайте. Я отдам все нужные распоряжения. Дайте знать, когда определитесь с местом жительства, где будет проживать ваша подопечная. Бумаги перешлю к Басаргину.

Они вышли из кабинета.

— Что это за бумага, — не утерпела она, чувствуя странные ощущения от радости и от волнения.

— Распоряжение императора, о предоставлении людей мне в оборот и помощь.

— Значит, я теперь свободна, — попытайся тут сообразить.

— Значит, я отвечаю ныне за тебя головой, — отозвался Илья, остановившись и ища кого-то на тюремном двореке. — Егор!

Они подошли к мужику в зимнем кожаном с шапкой из бараньей шерсти. Тот улыбнулся, обнял Илью без чинов и этикетов.

— Знакомьтесь, — сказал Илья. — Это Егор. Сегодня переночуем у него. А завтра найдем себе жилье по статусу. Займемся делами разными.

Руна забыла об усталости, о том, что вечно хочется кушать, о конвое и арестантах, она видела, как Иванна выходит за ворота острога.

— Она тоже?

Илья проводил ее взгляд, прищурил глаза, затем перевел на Руну.

— Особе покровительство, — пояснил он. — Ее сюда сослали.

— За убийство отца, я помню.

Руна вымолвила тихо, думая, что ее тоже сослали за убийство. То, что Иванна шипела в бане, было не правдой, точнее смешанной ложью с полуправдой. Илья рассказывал, за Иванной жандармы Питера давно вели слежку. У той кроме напористого характера и красивой внешности, имелся изворотливый ум. Она хватко уходила от надзора. Так ловко притворялась девицами разных сословий, входила в роль и натурально выглядела, что сомнений в актёрских способностях, ни у кого не вызывала.

— Почему же отпустили?

Илья смотрел, как девушка выходит за ворота в сопровождении солдата. Садиться в бричку с извозчиком, оборачивается на них. Взгляды на секунду пересеклись. Брюнетка смотрела только на Илью, Руну она принципиально последнее время не замечала. Хотя по началу попыток подкараулить ее, да хорошенько вправить мозги предпринимала множество.

— Пока не знаю, но выясню. У нее сразу в списках стояло указание на поселение и отметки у коменданта каждую неделю.

— Почему?

— Не нашли прямых доказательств её вины.

— То есть она этого не делала?

— Делала, — уголок рта Ильи криво изогнулся. — Знаешь, есть люди бессердечные. Нет, в них души, омертвела за барыши.

Руна кивнула. Обычно так о купцах говорили или о торговцах. Император даже выпустил указ о возможности таким людям брать отпуск по болезням души. А по-простому из-за запоя. А вот причиной духовники называли капитал мертвящий душу, пожирал тот живое внутри. Вот купец и пьет, упивается, только душа от этого не воскресает. За барыши значит, за деньги?

— Сколько нужно денег человеку, чтобы убить отца?

Ей сироте сложно понять, как это? У нее родителей не было никогда. Мать помнилась смутно. Все ее ласки от хозяев, да баб прикухонных. У тех что, отродясь, своих детей не имелось. Мадам Данишевская тоже не имела отпрысков. Ездилась лечить на минеральные воды, по заграничным врачам, но Бог никак не давал им со светлейшим Князем наследников.

— Пошли, — велел Илья.

Они двинулись в сторону ворот, где ждал Егор на козлах повозки. В руках у них было по котомке. Что хранил Илья в своей, Руне не было известно. У нее личные вещи: щетка для

волос, пара лент, смена исподнего, одно платье и ночная рубаха, которую она перевела на бабские дни.

— А скажи, — остановилась она, понимая, что пока шли по этапу все их за любовников почитали. Так было легче им самим. Никто из арестантов не хотел связываться со старостой, а сама Руна после истории в бане вызывала опасения. Как говорили мужики, не буди лихо, пока тихо. — Мы кем представляться будем?

Ей ведь нужно спросить, вон Комендант его, как аристократа встречал, как Князя. Илья задумался, разглядывая ее в молчании, затем усмехнулся:

— Не решил пока. Надо решить на досуге. А что разве быть любовницей светлейшего Князя так уж плохо?

Она молчала, краснея и думая задним умом, а не вернет ли после уточнений он ее обратно, в кандалы? Руна закусила раздосадовано губу, за собственную глупость. Еще острог не покинула, а вопросы уже задает, и права качает.

Илья сел в пролетку, протянул ей руку, помог подняться и сесть совсем рядом, заглянул с жаром в глаза и процедил сквозь зубы:

— Личный секретарь сойдет, возможно. А возможно и нет. Езжай!

Велел он Егору, а Руне он невнятно улыбнулся.

После московских булыжных дорог и прибранных парадных, город казался широким в улицах. Место здесь не экономили, дома не жались друг другу. Словно тучная молодка, город тянулся, увязал в весенней коричневой слякоти. Ни каменных мостовых, ни газовых фонарей, ни кирпичных тротуаров не было. Местами на центральных улицах вдоль новых кирпичных домов тянулись деревянные настилы.

Егор вез их по Черниговскому проспекту, по мосту, а за ним мимо нескольких церквей, мимо дома Генерал-Губернатора по Атаманской улице к Никольской церкви. За ней ближе к Кузнецкой они свернули, и катили далеко вперед вдоль деревянных домов, пока не уперлись в край улицы, подпираемой с южного направления лесом.

— Тру-пру! — остановил он лошадей у неказистой избы. — Ну, вот и дома.

Они прожили у Егора и Варвары пару дней, требуемых Илье для явки на службу, получение казенных бумаг и формы, а также поиска жилья.

Руна большую часть времени гуляла. Илья, когда узнал, удивился.

— Ты не нагулялась? Почти год мерила шагами землю русскую.

Она пожала плечами.

— Так ведь разница какая!?

Разве сложно не понимать? Теперь Руна шла туда, куда сама хотела, как глаза глядят, а ноги ведут. Идти без цепей, смешиваться с жителями, смотреть на город не тоской заключенной, а свободным человеком, дорогого стоило.

— Хотя, нынешнее все другое, — заметила она. — Тихое, густое. Как кисель! Все ползают неторопливо туда-сюда.

Илья усмехнулся, соглашаясь с ней. Их жизнь раскололась надвое. Там в далекой Москве всё чувствовалось быстрым, стремительным, буйным, даже воздух вдыхался живей. Здесь все иначе.

Дом купца Ковалева стоял у Никольского собора. Указала его на предмет съема Варвара. Не нравилось ей проживание непрошенных жильцов. И хотя гости столовались недаром (*сколько нужно после этапов-то, раз в день и только*) и платили, та выглядела не довольной. Она лучше знала, кто в городе что делает и кому что сдает. Вот и предложила дом, в котором работала полумойкой.

Анна Леопольдовна слыла ухоженной, хозяйственной, но до чрезвычайности напыщенной дамой. Глядя на Илью в новом пальто жандарма серой шерсти, под которым скрывался синий мундир, ее глаза, начинали гореть от перспектив, а кружева черного чепца и цветные ленты подрагивать в такт движению темноволосой головы. Но при виде рыжей девицы при нем, взгляд изменился и приобрел строгое выражение. Ее тонкие губы то и дело скорчивались в линию.

Илья улыбался хозяйке, и Руна думала, что за год, даже больше, она успела позабыть, какой он настоящий. Сегодня утром, он сходил к цирюльнику. И Руна вынуждена была признаться самой себе, выглядел Илья неотразимо. Он умел улыбаться такой соблазнительной улыбкой, в то время, как вид у него становился невинным, как у младенца. Исчезала ярость во взгляде, черные волосы аккуратно стрижены, челка по-мальчишески задорно падала на его лоб. Длинные и неприлично пушистые ресницы отбрасывали тени, и

его карие глаза становились влажными, играющими. Видно было, как у арендодательницы захватило дух.

— У нас в съём одна комната, большая, светлая. Все как положено. Она хорошо меблирована. Уверяю вас, — сообщила она, когда приглашенные в дом на чай потенциальные жильцы уселись на софу и после знакомства озвучили просьбу-с. — Для прислуги, комнат наверху не имеется. Так уж заведено. Есть каморка, рядом с печной комнатой. Если сойдемся в цене, я согласна.

Анна Леопольдовна перевела дух. Цену озвучила Варвара ранее. И не плохую. По Петербургским расценкам барские апартаменты или квартира могли стоить от трехсот до шестисот рублей, каморка пять. А здесь одна комната, так что цена в двадцать рублей, была хорошей. С каморкой Руны выходило в двадцать пять.

— Очень жаль, — изрек Илья, и у Руны на лоб полезли брови, а дыхание и вовсе перехватило.

Почему жаль-то? Что он ответит, да неужели откажется? Ну, так ведь она всегда жила у Данишевских рядом с кухней.

— Знаете, — Илья почесал бровь, отвел глаза в сторону, заставляя хозяйку напрячься и бросить испуганный взгляд в сторону Руны. — Извините нас, мы можем поговорить с моей, — он запнулся. — Наедине. Нам бы посоветоваться.

— Конечно, конечно, — нервно улыбнулась Анна Леопольдовна, а затем прикусила нижнюю губу. — Давайте я покажу комнату, и вы сможете все обсудить.

Они поднялись на третий этаж, где была всего одна комната. Действительно большая, мансардная, имелся небольшой балкон в торце крыши и высокое окно. На втором этаже располагались хозяйские комнаты, рабочий кабинет, а на первом зала для просителей и приемов, музыкальная, большая столовая, кухня и подсобные помещения.

— Вот, — произнесла она, давая им рассмотреть мебель. — Я буду ждать внизу.

Кровать была двуспальной, в углу у окна стоял письменный стол, в другом углу вписали комод для вещей, стул и шкаф, у входа умывальник с тазом и кувшином. Под кроватью ночной горшок. Руна покраснела и вовсе не от стыда. После прожитого не было у нее никакого стеснения и срама. Как только хозяйка дома вышла из комнаты, Руна испепелила взглядом Илью.

— Ты предлагаешь мне пожить с тобой?

Тот широко улыбнулся.

— Да, совершенно верно.

Она задохнулась от возмущения.

— Я не могу. Все вокруг решат, что мы. Что ты!

— Что именно? — Илья будто издевался, задавая вопрос.

Руна нервно сглотнула, стараясь смотреть прямо в его влажные карие глаза, мысленно мечась. Он же шутит? Шутит?

— Что я твоя любовница!

— А знаешь, что я подумал, дорогая! М? После года мытарств в смешанном конвое, у тебя, что безупречная репутация? Проживание со мной очернит ее? Это правда, как-то повредит тебе?

Он перестал ухмыляться, теперь Илья смотрел на девушку внимательно, взгляд приобрел напряженность. А Руна готова была взорваться. Ее раздирало на части от злости, и безвыходности. Выбор-то небольшой. Либо назад в цепи, либо вот так. Она задрожала,

сжимаемая кулачки, кусая губы, начиная ненавидеть его по-настоящему. Как он мог, вот так? И не честно, и без вариантов и так, так по-мужски. Благородства в этом не было нисколько. Но и она не из благородных дам. Она смотрела на него, словно видела впервые, а сама императорских кровей. Но ведь все не так, далеко не так. Сердце Руны в груди билось, как птица.

— Мне думалось, ты захочешь быть благодарной, — Илья развернулся и собрался выйти из комнаты, всем своим видом показывая разочарование.

— Я благодарна, — отозвалась она ему в спину. Илья держал слово и не трогал ее, пока они были в дороге, но теперь... Что будет теперь? — Жить с тобой под одной крышей действительно навредит моей репутации. Но... Илья?

Он остановился, но продолжил стоять к ней спиной.

— Ты впервые меня назвала по имени, — заметил он, затем слыша, как Руна молчит, подтолкнул: — Что?

— Я согласна.

* * *

Илья ухмыльнулся, стоя спиной к юной волчице. Все оказалось просто и так сладко, так многообещающе. Она не хотела жить с ним, он это понял давно. А вовсе не сейчас по интонациям в ее расстроенном голосе. О, нет. Девушка была в ужасе. Она злилась, сгорала от ярости, ведь губились последние крохи, видимость ее репутации честной барышни. С того самого момента, как они встретились в спальне мадам Данишевской, он только этим и занимался. И, все же, как легко он получил желаемое. Всего, одна бумага от императора, которую он просил на всякий случай.

Илья повернулся, делая вид, что расстроен ее строптивостью и неблагодарностью.

— Согласна на что? Жить со мною под одной крышей и быть моей любовницей?

Девчонка взвилась, проглатывая оскорбительные слова, пряча их за вздернутым острым подбородком, за задранным горделиво носом. Определенно волчье сознание сквозило в каждом ее жесте. Но она была слишком наивной и молодой. Илья понимал, они возвращаются в цивилизацию, здесь все иное. Провинциальное городишко не имело столичного лоска, зато нравы похлеще московских. Нет здесь закона с большой буквы и морали нет. А Руна красивая, не сорванный цветок, после случившегося в бане, он был в этом уверен. И почему бы не соблазнить ее? И хотя ему по вкусу иной типаж женщин. Более взрослых, более искушенных и намного благородней. Руна притягивала невинностью. Она не пыталась его соблазнить, не старалась заручиться благосклонностью, одаривать телом или манить кокетством. Нет, девчонка, прятала женскую прелесть, свой шарм и интерес к мужскому за многочисленным тряпьем и серыми платками. Конечно, с дороги она истощена, кожа да кости, но пройдет несколько месяцев и Руна расцветет, округлятся формы, появится свежесть лица и рыжий волос приобретет яркий оттенок.

Ее неопытность и незаинтересованность раздражала его. Но странное дело и притягивала. Он долго размышлял, наблюдая за ней день за днем, стоит ли связываться или все же найти любовницу, которая не вздумает брыкаться, наоборот, с радостью упадет в объятия и будет благодарна за все, что Илья сможет предложить. Но глаза Руны! Зеленные, лесные, живые, в них скрывалась глубина бездны, и Илья тонул в них. Ее взгляд мог быть

мягким, как зелёный бархат, свежим, как весенняя трава, а мог быть переменчиво бирюзовым, как морская вода. И каждый раз, когда он смотрел в них, они казались ему разными. Глядя в них Илья вспоминал о собственной матери, о своем детстве, о тех местах, где он рос, пока любвеобильный отец не решил разлучить их.

— Последнее, — выдохнула Руна, не пряча светлеющих гневом глаз. — Я останусь с тобой и сделаю, как ты просишь. Но запомни, только потому, что ты обещал мне свободу!

Илья разглядывал на девичьем лице бунт и откровенное желание уколоть его.

— Я не красивый такой!?

— Краше, только в гроб кладут!

Он рассмеялся.

— Я не обещал тебе свободы.

— Обещал!

— А сказал, что сниму тебя с каторги и если мы найдем нужные бумаги. Ты найдешь! Я смогу просить Императора о помиловании. И тебе придется постараться.

Лицо Руны залила, затопила краснота, глаза запылали дерзким блеском. Илья, глядя на ее эмоции, ощутил прилив желания.

— Буду думать об этом, как о работе.

— М-м-м, каторжный труд. Я понимаю! Ты уверена?

Он шагнул к ней, проверяя, как она будет реагировать. Реальна ли дерзость и серьезность ее намерений? В конце концов, живя с ним и деля постель, они перейдут на новые отношения. Готова ли она к ним?

— Уверена! Светлейший князь неразборчив в выборе дам, вероятно, это божье наказание. Но разве я могу судить иначе, если суть не человечья!

— Руна, у нас она с тобой общая.

Он стоял к ней совсем тесно. Лица разделяло крошечное расстояние, такое, что оба чувствовали близость. Девушка замолчала, храбро разглядывая его в ответ. Кажется начала понимать, почему он выбрал ее. Ее губы задрожали, и Руна поджала их, выпятив подбородок.

— И мне помнится, ты звала меня еще день назад Старостой. Теперь это. Зови меня по имени.

— Илья, — произнесла она жестким голосом. — Весь город будет думать, что мы любовники, а может быть и вся губерния. Все равно! Мне важно, одно. Чтобы дальше это не пошло. Дай мне слово, когда отыщутся бумаги, и если меня помилует Император, ты сохранишь это в тайне.

— Если, — повторил Илья, понимая, что любой мужчина на его месте отступил бы. Право же, девушка не скрывала своей позиции, она будет жить с ним по принуждению, а вовсе не по своей воли. Она теряет честь и репутацию, которую он грубо разрушает. Более того, ему будет принадлежать ее невинность. И возможно, если все обернется плохо, она выберет жизнь в обличии зверя. И это будет целиком на его совести.

— Дай слово! И я найду тебе бумаги.

— Не много ли для маленькой Руны?

Илья холодно улыбнулся. Простая служка, каторжанка, убийца князя и она требует с него обещание, и ставит условия? Руна сузила глаза, но промолчала.

— Даю слово, — произнес он, но в голосе сквозила издевка.

Девушка выдохнула и немного расслабилась. Ей явно не нравилась колкость в голосе, но в целом его слову она верила.

— Хорошо, но буду лежать бревном. Если тебе нравятся насиловать бревна, я потерплю.

Илья с любопытством посмотрел на нее. Интересно, куда она клонит? Что он последний негодяй? Или кто похуже. И он прочел на ее лице ответ. Все, что она думала о нем.

— Важное, выяснили, — отозвался он ледяным тоном, открывая дверь комнаты и направляясь вниз.

Местный отдел был единственным на весь город. Конечно, по всем центральным улицам и местам скопления населения стояли будочки, но отделение имелось одно. Оно находилось в самом сердце города и служило напоминанием о власти и о законе всем его жителям.

Как это часто бывает в провинциальных городах, Омск имел четкую и отлаженную систему общественной иерархии, в котором начальник полиции подчинялся только градоначальнику и потому Басаргин имел высокий статус в социуме городка.

— К вам офицер из Москвы, — доложилась дежурный и Илья слышал, как Басаргин после некоторой паузы отозвался «Проси. Проси».

Дежурный вышел, а Илья вошел в кабинет начальства, разглядывая Басаргина. То был муж в годах, плечистый, седовласый, чье лицо украшали бакенбарды. Мундир его был опрятен и отглажен. Он встал и вышел из-за стола.

— Олейников Илья Алексеевич, — представился Илья и пожал руку.

— Басаргин Порфирий Андреевич. Рад видеть. Прошу садиться, — сказал Басаргин разглядывая его. Басаргин был впечатлен его дорожным видом. Так, что высказал изумление, как сильно одежда имеет восприятие о людях. Очевидно, ожидая увидеть человека видом и запахом похожего на каторжного, а перед ним стоял офицер.

— Я получил письмо о вашем прибытии. Готов оказать содействие в выполнении вашей, так сказать миссии.

Да, — Илья кивнул, отводя глаза. — Миссия государственной важности.

Он ощутил, как приятно сидеть в кабинете начальника, закинув ногу на ногу и разговаривать с человеком на равных. Ни как каторжанин с конвойным, ни как староста с барыгами и арестантами, хотя люди разного толка и среди них попадались. А как достойный, честный человек при своем деле.

— Разумеется, — отозвался Басаргин. — С чего желаете начать?

— С установления слежки за поселенкой по моему делу. Мне нужно несколько дней до выявления обстоятельств по делу о краже бумаг. Есть у вас успехи по поиску местного связного?

— Да-с, — отрицательно покачал головой Басаргин. — К сожалению не имеем. Работаем, поиски ведутся днем и ночью.

— Нужно бросить все силы. В Москве озабочены тем, что именно в вашем городе завелись предатели. Дело сложное. И важно на месте пресечь разрастание подобной заразы здесь у границы. Дело не только в бумагах, хотя есть уверенность, что они еще в Омске. Подозреваемая подала прошение именно сюда, а значит, здесь есть человек или хуже шпион, или сеть, работающая против наших интересов. И это прискорбно.

С каждым сказанным словом, Басаргин мрачнел. Это в его вотчине проблемы, ему и отвечать придется позже перед вышестоящим начальством.

— Весьма, весьма прискорбно. А что с подозреваемой?

Илья вздохнул. Подозреваемая...

Иванна Китежская не была несчастной сиротой. Она выросла в семье тайного чиновника, не знала ни бедности, ни нужды. Более того, училась в специальном пансионе

для девочек, которые часто становились женами иностранных дипломатов. Кроме отличного образования и языков, в ней выражали горячую преданность к Отечеству и Императору. Как вышло, что она убила отца? Бумаги, о которых говорил Илья, являлись изысканиями рудокопных и геологических исследований о ценных породах руды в Сибири. Готовил отчет для высших чинов министерства Финансов отец Иванны.

— Она очень опасна, — сообщил он. — Есть подозрение, что на стороне сельджуков имеются сильные покровители. И раз уж я здесь, мне поручено курировать и этот вопрос.

— А вторая девушка, — поинтересовался Басаргин, не скрывая озабоченности и выглядящий, как хозяйка только что обнаружившая в своем доме полчища таракан.

— Вторая?

— Да, девица Волкова. Тоже этапная. Она же проходила по делу, как свидетельница?

Руна и в самом деле проходила, как свидетель. Это она носила записки Марии в дом Китежских, а также еще в несколько десятков домов. Басаргин чуть наклонился вперед и, понизив голос спросил:

— Прошу меня извинить, но не могу ни спросить, почему она живет в вашем доме? Она тоже подозреваемая?

— Уверен, что нет, — сухо отозвался Илья. — Девушка всего лишь носила записки. Бывала в доме Китежских, но дальше черного входа не проходила. Нужно было проверить версию ее знакомства с подозреваемой. Она не подтвердилась.

— Тогда, зачем вы ее сняли с острога?

Илья с холодом посмотрел на Басаргина, сжав желваки под скулами, но все же ответил:

— У девушки имеется редкий талант. Она умеет искать то, что пропускает жандармерия.

А, кроме того, подумал Илья она волчица, и если учесть обстоятельства их знакомства, в том что Руна здесь присутствовала есть и его вина. Которой, он впрочем, не ощущал. Это был выбор девушки. Но интерес он к ней личный все же имел, и знать об этом никому не следовало.

— Право же, — Басаргин готов был возмутиться, но утерпел. — Вы отказываете в способностях всей местной жандармерии?

— Нет. Но я веду дело и распоряжаюсь имеющимися у меня ресурсами по своему усмотрению. Девушка нужна мне. Документы по ней в порядке.

Басаргин несколько секунд смотрел на Илью крайне внимательно, очевидно не постигая, это Илья такой жестокий или он все-таки чего-то не понимает.

— А вы подумали, что будет с девушкой, когда дело закроют? Ей придется вернуться в острог.

Минуту Илья молчал, глядя вперед, а затем вздохнул, бросил недовольный взгляд на Басаргина. — Об этом не беспокойтесь. Думаю, выйдет замуж, за кого-нибудь на подселении. Никто не откажется от щедрого приданного.

Басаргин кивнул, обдумывая услышанное. Слух о том, что сразу две девицы ушли из острога, уже гулял по улицам города. Суток не прошло. Но если с первой все и так было ясно. Иванна ушла сразу же на подселение, ждали ее тут. С Руной ходили сплетни самого разного толка.

— То есть вы ее в Москву забирать не станете?

Илья выбесился, и окинув сокрушающим взглядом начальника жандармерии, процедил:

— Нет.

— Хорошо, прояснили этот вопрос. Начальник острога будет ждать вашей отмашки, когда все закончится. С завтрашнего дня, здесь будет стоять ваш стол, и все соответствующие бумаги и люди будут в вашем распоряжении.

— Честь имею, — отозвался Илья и встав, вышел из кабинета, который теперь был и его местом работы.

С того разговора прошло три недели. Каждое утро наблюдался строгий распорядок дня. Казалось, он забыл о намерениях. Кровать служила ему и Руне, лишь для сна. Спрашивать Руна не решалась, похоже, её вполне радовало, что она вообще спала на самой настоящей кровати.

Она вставала с Ильей, помогала умыться. Они завтракали, и затем он уходил на службу. Руна же, когда становилось светло, шла на главный проспект.

Там мальчишки-зазывалы продавали газеты Сибири и омские. Целый ворох. Омское слово, Иртыш, Голос Сибири, Степная речь, Белый цветок, Струны и много других.

Руна тщательно изучала содержимое, составляла списки необычных и каверзных событий. После шла на главный Почтамт и за небольшую плату справлялась у сортировщика о посылках из Москвы.

Позже занималась поручениями по хозяйству. Она забирала рубашки у прачки, его письма на почте, заказанные мелочи у того или иного ремесленника или мастера. В самом конце заходила в бакалейные лавки и покупала продукты к вечернему чаю или фрукты.

Вечером они садились в их комнате и, Руна рассказывала о том, что узнала. После Илья уезжал на званый вечер или бал, смотря какие имелись приглашения. Руна же становилась свободной.

Но даже на приемах, в новом окружении его мысли вертелись о службе и маленькой рыжей Руне. Они из разных миров в человеческом обществе, но, в волчьем одинаковые. Илья не мог решить, эти три мира их разъединяли или объединяли? Он видел, как она часто вертит в руках рубль. Тот, что выиграла у Косолапова. О чем она думала в том момент? Как она могла помочь ему в поисках бумаг? У нее нет ни сыскных, ни жандармских способностей. Одно дело визнавать дамские секреты, а другое преступные.

Так или иначе, в один из вечеров, когда они только сели, разбирать газеты, к ним в комнату поднялась горничная Фаня и сказала:

— Вас желает видеть хозяйка. Она просила спуститься прямо сейчас. У нее к вам срочное дело и серьезный разговор.

Девушка вышла, а Руна тревожась посмотрела в сторону Ильи. И о чем таком могла захотеть поговорить Анна Леопольдовна, крайне гордящаяся своими добродетельными и благотворительными начинаниями? Ведь давеча, как вчера к ним заходил отец Александр, местный батюшка и беседовал с Руной о том, как позорно жить девице с барином вне брака. Грех-то это какой большой... Огромный!

Анна Леопольдов сидела на софе и что-то вышивала. Когда вниз спустились Илья и Руна, она некоторое время делала вид, что не замечает их. Илья кашлянул, смерил ее недовольным взглядом и справился:

— Доброго вечера, вы хотели нам что-то сообщить?

Хозяйка дома подняла взгляд, состроила на лице удивление, сделав вид, будто что-то вспомнила и улыбнулась ему. Она проигнорировала нервничающую Руну, которая чтобы хоть как-то защититься от возможных обвинений, так и спустилась с газетой в руках.

— Ах, да, я посылала за вами Фаню, но она так медленно ходит, что легко можно забыть о просьбе. Присаживайтесь.

Руна машинально села на софу напротив, а Илья остался стоять. Было видно, что ему не хочется долго беседовать. Вечер в компании хозяйки дома в его планы не входит.

— Я скажу сразу, зачем я вас позвала, — она взглянула на Руну в домашнем платье.

Та ожидавшая чего угодно, уже перестала дышать, представляя страшное.

— Я позвала вас, — Анна Леопольдовна обратилась к Илье. — Потому что я хочу, чтобы вы нашли мне Варвару. Она ушла в понедельник в обед и с тех пор не возвращалась, а сегодня уже пятница. И некому в доме даже полы помыть!

Руна постаралась спрятать улыбку, опустила голову и наклонила ее вниз. Затем не удержалась и бросила косой взгляд на Илью. Тот стоял, весь напрягшись, вероятно ожидал не то, что услышал. Но услышанное задело его. Он покраснел слегка, и сдержанно отозвался:

— К сожалению, уважаемая, я не занимаюсь подобными делами.

Руна едва не засмеялась. Великий князь на побегушках у купчихи! Просто анекдот и только. Анна Леопольдовна, вероятно, не отдает себе отчета, кто на самом деле снимает у нее комнату.

— Обратитесь в местную жандармерию, — Илья строго посмотрел на Руну, давая понять, что они возвращаются к себе. — Я специальный служащий, и не занимаюсь местными расследованиями.

— Я знаю, именно поэтому я и прошу вас, — последовал невозмутимый ответ. — Найти ее. Еще мне не хватало сплетен, что от меня сбежала моя собственная поломойка.

Похоже, она была расстроена и озабоченна.

— Вынужден вам отказать, — глухо отозвался Илья, начиная раздражаться.

— Значит так, — хозяйка дома встала на ноги и окинула Илью возмущенным взглядом. — Это не достойно вас, верно? Вы занимаетесь государственными тайнами и дворянскими секретами. Позвольте заметить, мистер высокомерие, господин Кадуций, хорошая прислуга в доме большая ценность. Тем более в таком маленьком городе, как наш. А прислуга умеющая держать язык за зубами еще и редкость!

Затем она отшатнулась от тяжёлого взгляда Ильи и замолчала, сглатывая невысказанное. Руна посмотрела на него, полагая, что еще один такой выпад Анны Леопольдовны и тот вскипит. Она встала и подошла к нему, протягивая газету, раскрытой на странице, сообщающей о происшествиях. Первые несколько мгновений, Илья возмущенно испепелял девушку взглядом, затем перевел его на страницу, а затем замер. Прочитав новость, он трудно и шумно выдохнул, сурово и не добро посмотрел на Руну, а затем на расстроенную

всем случившимся Анну Леопольдовну.

— Мадам, вы правы, — произнес он сухим тоном. — А я нет. Ваше замечание справедливо, попробуем помочь вашей беде. Может быть, это не проблема государственной важности, но быть благодарным за кров и репутацию дома, мы можем.

Он посмотрел на Руну, и та спрятала усмешку. Руна уже научилась понимать, когда Илья говорит серьезно, а когда ерничал. В отличие от хозяйки дома, та заулыбалась довольная и почти счастливая.

— Итак, расскажите все по порядку.

— В понедельник она убралась, все как обычно, а затем должна была прийти в четверг. Два других дня она убирается в других домах. Но она не пришла. Сегодня пятница, а от нее ни слуху, ни духу.

— Вы не думали мадам, что она могла заболеть или с ней могло что-то случиться?

— В четверг, когда она не пришла я так и подумала. Что возможно с ней что-то случилось. Но сегодня утром она прислала за своими вещами!

— Вещами?

— Верно, — повторила Анна Леопольдовна. — У нее свои щетки, ведра, метла и швабра. Она пользовалась только нашими тряпками и содой с мылом. Ну, конечно, мастика у всех своя. Паркетный пол такая головная боль. Бывает так трудно вывести пятна.

— Вы отдали? — вернул ее Илья в русло беседы.

— Конечно. Она хранила все вещи в одном ящике. Очень аккуратная и ответственная поломойка. Она давно работает у нас. Мне кажется лет двенадцать или одиннадцать. И за все годы ни одного случая нарекания. Я уже молчу об ее способности держать язык за зубами. Она не пришла и все. Я бы поняла, если бы между нами было какое-то непонимание, или что-то еще. Но, видит бог, все было как обычно.

— А Фани, ничего о ней не известно?

— Фани? Нет. Не думаю. Фани работает на кухне и редко общается с другими дворовыми.

— Может быть, Варвара с кем ссорилась? У нее склочный характер, — заметил Илья, наблюдая, как Руна слушая их разговор, безучастно смотрит в окно. Думает о чем-то, о своем.

— Нет. Не думаю.

— Я хочу поговорить с Фани. Но без вас. Я уверен, при вашем присутствии, она будет сбита с толку.

— Что вы имеет в виду?

— Только то, что нам стоит с ней пообщаться без вас.

Они побеседовали с Фани, но она толком ничего не рассказала. Фактически она повторила слово в слово слова барыни. Возможно ею же и наказанные. Затем Илья и Руна поднялись к себе.

— Что скажешь, — спросила она, не совсем понимая, его мотивов. — Это из-за Егора?

Илья покачал головой, собираясь немного почитать и лечь спать.

— Я подумала, что это из-за его смерти. Вы же были, — она не нашла подходящего слова. Сказать друзьями, у них были слишком разные социальные позиции. Сказать приятелями, будет оскорбительно для статуса Ильи. У него вообще сложные отношения с людьми, заметила Руна, осознав, что и свои отношения с ним может описать только, как служебные или по найму. Но разве ей кто поверит?

— Думаешь, его зарезали по глупости?

Илья подошел к столику с графином и стаканами налил воды, глядя как солнце садиться за горизонт и тонет в тумане дыма от печных труб. Весна в Сибири холодная долгая, иногда до лета лежал снег, так что дома топили чуть ли не восемь-девять месяцев в году.

— Да, мало ли кто его зарубил, — отозвался он, насыщаясь прохладной влагой. — Лихой он был человек. Бедовый. Давай спать.

Он стащил с себя рубашку, обнажаясь по пояс. Руна несколько секунд разглядывала его торс, крест на обычной нитке и шрамы, полагая, что получил он их давно. Их взгляды встретились, и несколько секунд Илья красноречиво смотрел в замершую Руну, не отрываясь, затем резко отвернулся.

— Пустое это, — отозвался глухо он. — Но если тебе интересно можешь полюбопытствовать, скажешься, от моего имени.

— Как кто? — сглотнула Руна, удивляясь, как разволновалась и вовсе не от его предложения. Смотрел он уж больно горячо, с потаенным жаром, что ли.

— Как моя поверенная.

— Угу, — кивнула она, вставая на вдруг отяжелевшие ноги и беря в руки кувшин. — Пойду, воды принесу на утро.

Она вышла за дверь и пробыла внизу достаточно времени, чтобы Илья лег спать. Сидела за столом с чашкой чая и прокручивала в голове случившееся. Станным все вместе казалось. Не убивают людей топором в лесу просто так, а поломойки бросающие своих хозяек с которыми были дружны много лет, уходят сразу с вещами. Опосля редко зачем присылают. Странно было это все и только.

Она поднялась в комнату, когда Илья уже лег. Разделась тихо, переодевшись в ночную рубашку, и легла рядом. Он не спал, скорее дремал. Руна знала все ритмы дыхания Ильи, за год выучила. Ей хотелось спросить его, но не тут ни в кровати. Здесь достаточно было одного вопроса, чтобы все повернулось в сторону страсти. И от этих мыслей о влечении, об Илье дыхание у самой Руны спутывалось. Взбивалось, становясь похожим на облака. Воздушные, легкие, пушистые. Ведь он мог повернуться, нависнуть над ее лицом и поцеловать... Она ощутила, как жар согревает ей щеки. Он уже целовал ее. Жарко, больно, несдержанно со страстью, по-всякому. А она не отвечала. Да, что они только не делали, стыдно вспомнить. Только все это было не настоящим, не взаправдашним. Ложным. Но разве от этого не горячим, не сладким, не нежным? Она закрыла глаза, стараясь дышать глубже и успокоить дыхание. Разогнать все облака, с неба. Нет, она не будет его провоцировать, не будет спрашивать, потому что сама не находит себе места, и сильно. Потому что облака всегда появляются не откуда, плывут себе, куда ветер страсти их гонит. Они затмевают солнце. Волнуют диковинной хандрой ум, тенья душу.

А плакать, потом ей придется.

— Три недели прошло, — прошептала она, разглядывая мужскую спину и затылок.

Ей казалось, что Илья спит. К ней же сон не шел. Мысли крутились и крутились вокруг исчезновения Варвары. Не мог же он обидеться? Но так ведь и Руна не крепостная. Руна впервые с грустью осознала, что чистая постель и хорошая жизнь у нее есть лишь до момента, пока Илья не уедет. А когда? Что будет с ней потом? Сегодня, он так на нее посмотрел, что внутри все оборвалось. Почему же до этого Илья так не смотрел? Что же изменилось?

Неожиданно для Руны, Илья повернулся к ней и открыл глаза. Она замерла, понимая, что тот не спит вовсе и совершенно не дремлет.

— Знаешь, что это значит? — спросил он тихо, подняв руку и убирая локоны с шеи Руны. Его мягкий бас с низкими тонами хрипа, вытолкнул из нее все вопросы разом. — Не знаешь?

Рука Ильи на обнажении шеи не остановилась, а легла на голову Руны, погладила ее. Так ласково, успокаивающе. Следуя неизвестному курсу его пальцы обогнули ее плечо в ночной рубаше, прошлись книзу и сдвинули тяжелое одеяло ей на живот и бедра. Руна растерялась, не понимая, что он делает?

Он собирался с ней переспать. Даже Руне повидавшей много чего на этапе, но не имевшей подобного опыта в кровати, стало это очевидным. Три недели!? Ей казалось, что время лучшее доказательство того, что он передумал. И первоначальное предложение, на которое она согласилась, настолько оскорбило его, что она стала противна. Руна чуть не засмеялась нервным смехом. А она и в самом деле, дура. То, что мужчина чего-то ждет, ничего не доказывает!

— Я, — начала она, пытаясь подобрать слова, с трепетом понимая, одеяло лежит где-то в районе коленей, а Илья рядом, практически голый и готовый взять ее. — Подожди! Три недели, и что? Я думала, ты передумал!

Последнюю фразу она почти пролепетала, чувствуя его руку всей кожей бедра, то как он намеренно сжимает пальцы. И это первое прикосновение, прошло её ужасом предстоящего. Она со страхом, схватилась за его руку, пытаясь остановить.

Илья приподнялся и навис на ней, прожигая горячим взглядом, намереваясь продолжить, не собираясь ничего убирать.

— Ты и в самом деле глупая? — он так близко и неотвратно смотрел. — Весенний гон, Руна. Ты хотела, чтобы я создал с тобой пару?

Так вот оно что! Гон, весенний гон, когда волки создают пары. Он ждал окончания периода. Февраль и март сложное время, животное начало сильнее человеческого. Два месяца в году, когда подобные ей срываются, слышат зов природы сильнее обычного. И даже в волчьей природе, он смотрел на нее свысока. В человеческом мире она ему не ровня, но в мире волков они равны. Это она, так думала. Руна открыла рот и закрыла. В его глазах она годится лишь для постельных утех. Больше не для чего. Там ей место!

— Дошло верно? — руки сбросили одеяло и задрали край ночнушки.

Она все это время думала, что он благородный человек. Понял. Осознал, что она не вещь, живая, у нее есть чувства.

— Раздвинь ноги, — Руна едва слышала приказ, ощущая себя полным ничтожеством, тем, что она для него есть. Он берег ее для себя. Решил, видимо в самом начале этапа, что возьмет в услужение. Ведь он читал ее дело! А коли так, не было смысла делить ее с другими. Но зачем тогда в бане, он не стал ее брать, и в лесу на поляне? Он хотел, чтобы она дала согласие. Сама шагнула в силки, сама легла с ним в одну кровать. И она дала. И легла. А затем наивно полагала, что достучалась до него.

— Руна!

Руна смотрела на него пустым взглядом, так словно не она. Почти безучастно наблюдая, как он задирает еще выше край ткани и теперь смотрит вовсе не на лицо. А туда. В треугольник между ног. И ей некуда от этого не деться. Едва дыша, она медленно выполнила приказ, ощущая, как нечем дышать.

Илья впился взглядом и рассматривал. Он навис над ней, устроился между ее бедер, и Руна смогла с удушающей тщательностью рассмотреть его черты. Одурманенные желанием глаза, светлые волосы, частое возбужденное дыхание, выражение страсти на лице. На ее чувства ему, очевидно плевать. Он медленно начал входить в нее. Вот так, без всего. Без ласки, без потехи, без поцелуя!?

Руне захотелось кричать. Расцарапать ему лицо, вырваться, убежать. Сделать, хоть что-нибудь против его действий. Она дернулась, пытаясь вскочить, прекратить проникновение горячего внутрь. Остановить вторжение. Илья читая с лица, резко перехватил ее руки, завел их над головой, прижался к ней всем собой. Так что выбил из нее остатки дыхания, заполняя легкие бурлящим отчаяньем.

Она должна была сопротивляться. В следующий миг он заглянул Руне в глаза, выпуская агрессивное не человеческое нутро наружу, зарычал на нее. И она зарыдала. Вскликнула жалобно. Это было не честно. Если как человек она могла дать сдачи, то, как волчица она реагировала на него, как на возможную пару. Ей хотелось уступать, ей нужно было ему подчиняться.

Илья сделал следующий толчок, заставляя ее вскрикнуть. Низ живота Руны пронзила тупая боль.

— Т-sss, терпи малышка, — прошептал он, вглядываясь в полные слез девичьи глаза.

Он крепко удерживал девушку, но сам не двигался. Ждал, пока она справится с волной боли и немного придет в себя. Только когда та поутихла, мужчина начал двигаться. Руна чувственно ощутила новый толчок, точный, медленный. Он так крепко держал руки, что ломота в них перекрывала резь между ног. Но не могла сравниться с болью от душевных страданий.

Теперь, когда черта пройдена, началось ее падение. Она обрела новый статус «порченная девка». Руна отвернулась, задирая голову, как можно выше. Она больше не пряталась от собственных чувств, не держала текущие потоком слезы. Закусив губы, и сжав ладони в кулаки, она терпела нарастающие толчки. Пронзительные, горячие, ненавистные толчки, причиняющие приглушенную болезненность и поругание. Больше всего корбило ощущение использованности. Точно она нужник, ночной горшок, ведро, в которое ходят по нужде. И она мирится. Будет терпеть подобную связь, потому что никакого другого выхода нет.

Илья целовал и мямл ее грудь, трогал соски, и даже коснулся ее там в самом чувствительном сокровенном месте, но облегчения как недавно в бане Варвары это не принесло. Хуже того, с каждым движением и касанием в Руне, будто что рушилось, умирало.

Что-то светлое, хорошее, обнадеживающее. Каждый удар ставил на место. Она каторжанка, она убийца, она падшая женщина, она подстилка. В какой-то момент Илья сделал последний глубокий, напирющий шлепок, и ударный импульс заставил его тело яростно содрогнуться. Он весь задрожал, мышцы пришли в твердое напряжение, горячее натужное дыхание выдыхалось в рык полу хрип. Он кончал в Руну. Замер над ней, тяжело дыша, прижимаясь и изливаясь. Она видела, как напряжение покидает его лицо и оно становится довольным, а он сам испытывает явное облегчение и наслаждение, тогда как она в горьких слезах и муках. Мужчина скатился с нее, переворачиваясь на спину, тяжело дыша.

Руна же выдохнула, переживая себя разваленной и выжатой, не в состоянии пошевелиться, собрать себя воедино, стать целой. Она так и лежала в той же позе, без желания сделать хотя бы движение.

Ведь не долго все было, но кажется вечность. Она обреченно прикрыла глаза.

Илья встал, приблизился к тазу, и налил из кувшина воды. Подошел к лежащей девушке, просунув под спину руки. Руне показалось, что он издевается над ней, и она слабо завывала, заскулила, удивляясь, откуда силы на протест.

— Тише, малышка, — произнес он, ей на ухо, беря на руки. — Я только хочу смыть кровь и переодеть.

— Нет, — ей хотелось сказать, чтобы он не трогал, отстал. Ведь он получил, что хотел. Пусть уходит. Проваливает. Все что угодно, но не беспокоит.

— Да, — голос его слышался холодным и грубым.

— Ненавижу.

Илья резко поставил Руна на пол, на приготовленную тряпку. Взял ее лицо в руки и потряхнул, заставляя посмотреть в глаза. Последняя фраза его несомненно разозлила.

— Не делай из меня насильника. Все через это проходят. Ты не первая и не последняя. В следующие разы будет легче. Ты пока маленькая для меня.

У нее задрожали губы, затем плечи, руки и затем дрожь охватила все тело. «Следующие разы»? Будет легче!? У него не первая и не последняя! Да, она едва перенесла этот раз. С таким органом, как у него, только разработанных хабалок, типа Данишевкой брать! На той клейма негде ставить. А Руна еле вытерпела. Как такое может быть по душе женщинам. Как терпеть? Живот скрутило от протестующей судороги. Она захлопала ресницами, давась слезами, не в состоянии сдерживать их. Пока Илья намочил чистую тряпку, положил на край, потянул рубаху в крови кверху.

— Не трогай, — запротестовала она, с ужасом осознавая, что он снова начнет ее немедленно мять и касаться. Сильные руки стащили ткань, обнажая фигуру. Она, уже бывала перед ним голой, но после случившегося, стоять и перехлестываться своим падением, было невыносимо.

— Стой, — велел он, проводя тряпкой по плечам, опускаясь вниз, туда, где было больно, где все опухшее и пульсирующее.

— Я сама, — хотелось куда-нибудь деться.

В момент, когда прохладная ткань коснулась там, Руна взвизгнула. Илья нажал сильнее, а затем притянул ее к себе. Пугая ее свежим стояком и новыми ожиданиями. Ее зрачки расширились от мысли, что возможно он прямо стоя сделает это с ней, еще раз. И она не выдержит боли, не перенесет стыда и сломается. Не от физического давления, а от душевного.

— Ты моя, — выговорил он, и Руна угадала хриплые нотки в голосе. — Стой спокойно. Чем быстрее я тебя вытру и одену, тем лучше для тебя.

У Руны случился ступор, голова отказывалась понять, что значит «она его». Что это значит? Но одно она поняла, Илье нравилось ее купать. И тогда в бане и сейчас, он вытирал ее осторожно, настойчиво, не пропуская ни единого участка кожи. Он смотрел на ее тело, возбуждался, прижимал к себе, придерживая, не давал упасть. А Руна смотрела по сторонам, молясь всем подряд, чтобы он снова ничего с ней такого не делал. Ноги итак онемели, а между них свербит столбенеющим покалыванием. Князь одел на нее свою рубашку. Подхватил на руки и отнес в постель. Укрыл одеялом. Сам лег рядом.

Руна всю ночь слушала его дыхание сна, разглядывая тени на потолке. Пытаясь понять, как теперь ей жить-то дальше. Как смириться с фактом, что такое место у неё в жизни? Как? А может быть в волка, обернуться и в лес? Если бы не было страшно потерять себя, она бы не раздумывая так и сделала. Словно почувствовав направление ее мыслей, Ильа во сне заворочался и, перевернувшись, положил руку ей на живот, прижал к кровати.

— Спи, — в полусне потребовал он. — Завтра много дел. Поедешь со мной на дознание.

Руна смахнула слезы. Она бы с радостью еще накануне поехала бы куда угодно. Но после случившегося не то, что ехать, видеть ничего не хотелось. И ведь никуда не денешься. Не убежишь.

Утренние сумерки застали ее без сна. Она смотрела, как полутени ложатся тонами на лицо ее любовника. Теперь Ильа был кем-то более конкретным. Она решила не дожидаться, когда он проснется. Встала тихонько с кровати, она оделась, отмечая, как болят не только бедра и между ног, но и спина и живот. Однако кроме ошалелости от бессонной ночи, ощущала она себя не плохо.

— Куда собралась?

Руна застыла, не зная, как теперь вести себя с ним.

— Мне нужно, — замешкалась, решая сказать правду или соврать.

Ильа приподнялся, разглядывая девушку недовольным взглядом. Руна смотрелась осунувшийся, не выспавшейся и изведенной. А глядела так, что даже если он позовет к себе, она не за что этого не сделает.

— С этой минуты, ты не отходишь от меня ни на шаг. Поняла?

Она захлопала глазами, с удивлением подняла взгляд. В его глазах было нечто новое. Нечто собственническое, сокрушительное, некая уверенность, которой ранее она не замечала. Она фыркнула:

— С чего вдруг? Не понимаю.

Ильа круто вскочил и в два шага оказался перед ней, так что Руна успела только добраться до ручки двери и запора.

— А ты не понимаешь?

Нет, она определенно не понимала. Она даже дышать рядом с ним не могла нормально. А понимать тем более. Тело бросало в пот и дрожь от мыслей, что же он будет делать дальше. Мысли хаотично метались от предположений, что он хочет еще раз взять ее, или до того, что он догадался, она собирается обернуться волком.

— Нет, — выдохнула, оценивая его сближение и взгляд, как катастрофически опасные.

Руна сглотнула, прижимаясь всей собой, спиной, ногами, затылком к двери, желая увеличить дистанцию.

— Если ты будешь помогать мне в расследовании, то должна быть защищена. В поиске убийц мало хорошего, Руна. Тебе ли не знать, какой здесь люд.

Руна почти с облегчением выдохнула.

— А кроме этого, отныне ты моя, — он не договорил, а у Руны закрутились в голове определения. Кто? Любовница, содержанка, наложница, шлюха? — Пассия. И значит, находишься под моей властью.

— Не бывать этому, — она покачала головой. — Я никогда не буду официально твоей любовницей. Я лучше вернусь в острог, чем дам повод.

То как он набросился на нее, лишило ее устойчивости. В один миг, Илья схватил девушку за талию и легко приподнял, припечатал к двери. Их лица оказались на одном уровне. Перехватил удобнее под попу, чувственно вторгаясь между ее ног талией, мощно прижался. И все без усилия, без натуги или без сопротивления. Руна в опасении охнула.

— Слушай меня очень внимательно, малышка, — прошипел он, почти касаясь губами губ Руны. Глаза его горели чудовищной яростью, черной необузданностью. Казалось, он способен абсолютно на любой поступок, на всякий. Ей стало страшно.

Она покорно кивнула, полагая, что не желает быть придушенной или избитой. Сердце у нее колотилось, как безумное. Она и раньше видела в его глазах бесноватость, что-то звериное, разъяренное, но оно всегда направлялось на других. Не на нее. Не против нее. Илья редко давил повелительностью, силой духа, на этапе этого не нужно. Там было достаточно силы взгляда и кулака.

— Я буду брать тебя, столько сколько захочу! Я могу взять любую пизду в этом сраном городе, и любая будет рада. Но мне не нужны болячки. Не люблю грязь. Я проявил к тебе благодушие, даю шанс вернуться домой. От тебя требуется сказать спасибо и ждать, когда я найду гребанные бумаги и ту суку, что украла их. Твое дело, держать свою игрушку при себе и слушаться меня. Во всем, я сказал! Считаю, я купил тебя за твою свободу. Ты поняла?

Руна словно язык проглотила, дышала часто, встревоженно. Совершенно очевидно, человек, которого она знала, идя в кандалах, весьма сильно отличался от того, что держал ее в руках. Обескураживал. Казался злым. Бесчеловечным. И от него зависела ее свобода! Чашкин, ее предыдущий покровитель тоже был злым, но никогда он не лез к ней под юбку. Позаманчивее были претендентки. А здесь, в Сибири, все иначе. К тому же, Илья больше не каторжанин. И хотя он не афишировал личный статус, это вопрос времени. Рано или поздно вспыхнет сплетня о том, что Руна не подходит ему по рангу.

— Ты опозоришь себя, живя со мной. А мне потом здесь не будет жизни, — выдавила она, понимая, что права, вызывая к его чувству разума. — Прощу тебя, пожалей. Кому нужна потом любовница князя.

Он пару секунд буравил Руку сердитым взглядом обдумывая услышанное, испепеляя ее. Выискивая уловку, хитрость. Хватку ослабил, но не отпустил. Она выдохнула. Неужели внял словам?

— Тогда условие, — выговорил он, разглядывая ее. — Ты не будешь лежать бревном. И я сохраню все в тайне.

— Отпусти меня, — медленно попросила Руна, понимая, что она только что начала с ним торговаться, а он с ней.

Илья насупился, но выполнил просьбу, поставил на ноги, оставшись стоять вплотную,

так что теперь лицом Руна упиралась ему грудь, так же как его орган упирался в ее бедра. Внутренне она взмолилась, чтобы он отступил. Сделал хотя бы шаг назад.

— Как часто?

В ответ последовал взрыв и рык, и кулак опустился на дверь не далеко от головы Руны.

— Так как я скажу!!! Я не услышал ответа.

— Ты предлагаешь мне стать шлюхой, — она металась взглядом в почти безвольном умалении к его требованиям.

— Свободной шлюхой.

— Ты не можешь за это поручиться.

— Я твой единственный шанс.

Руна выпрямилась, разглядывая Илью, пытаюсь понять, почему же он так себя ведет. Ведь очевидно, что сама по себе она для него не интересна. Неужели трудно найти кого-то, кто будет увлекательнее? Или что? Ведь она продает себя в обмен на возможное помилование. Она и так согласилась, и теперь это. Секретность за еще одну уступку. Куда это приведет? Отчаянье захлестнуло ее безвыходностью.

— А, давай напишем Данишевской. Она тотчас примчится, — предложила Руна, наблюдая как эмоции, словно картинки в книжке, которую быстро пролистывают, на лице Ильи меняются, уходят на новые витки ярости, злости и раздражения.

— Ты не шутишь?

— Да, — она ответила очень искренне, от открывшейся возможности даже наморщила лоб. — Про вас с мадам прислуга стихи сочиняет, вот послушай.

Она зажмурилась и начала лепетать:

— Хочу сосать! — она сказала,

И вмиг легла к Илюше ниц.

Платочком хуй перевязала

Для безопасности у яиц.

Чтоб не засунул хуй свой в горло,

И связок ей не повредил...

Как давеча дыханье сперло,

Когда он в жопу засадил!

От дальнейшей декламации ее остановил неистовый, буйный хохот. Руна испуганно открыла глаза. Илья, согнувшись пополам не в силах остановиться, смеялся, отойдя от Руны на несколько шагов. С трудом просмеявшись, он весело уставился на нее, непотребно улыбаясь.

— И много ты, подобных шедевров знаешь? — наконец смог спросить, сквозь неугасающую улыбку, наблюдая, как покрасневшая барышня лихо открывает дверь и готова ломануться, как ретивая кобылка, из комнаты вон. Толи от стыда, толи от смущения.

— Знаю.

— Вечером расскажешь, — приказал он и жестом велел ей убираться.

Большого Руна и не желала, потому что уже прокляла себя за этот непристойный поступок и за то, что с отчаянья совершенно не подумала о том, что только что поведала. Нашла что рассказать! Прямо гений убеждения и аргументации. Истинно прирожденный дипломат!

Илья назвал адрес извозчику и коляска покатила.

Что на нее нашло? Как вообще можно было такое выдать? Руна сидела на месте пассажира и старалась не сгорать от стыда и не дымиться от собственной пошлости. Когда с ней рядом уселся Илья, ей смотреть в его сторону не захотелось. Не будет она ничего вечером рассказывать. Утонченная натура требовала возмездия, и пальцы сами свернулись в кукиш в кармане пальто. Пусть вон дворовых слушает, а она ничего не скажет, даже если похожих стишков знает воз и малую тележку.

— А куда мы?

— Поговорим с другими хозяйками, — отозвался Илья, разглядывая Руну с усмешкой в глазах. — И... надо бы приодеть тебя.

Руна отпрянула, дернула плечом. Приодеть? Она, что кукла? Видимо для Ильи, да. Руна так и не поняла, почему он передумал, решил озаботится поисками Варвары. При свете дня случившееся ночью, не казалось настолько ужасным и кошмарным, скорее мерзким. Руна никак не могла отделаться от чувства, что теперь она примитивная дешевка. Порченная девка. Уцененный товар. И вроде верно, кто он и кто она, но почему так плохо на душе. Он нравился ей больше там, на промозглых каторжных дорогах, в грязных и вонючих избах, в самое голодное и трудное время.

Они подъехали к доходному дому на Атаманской. Его целиком снимали две молодых девушки, имеющих очевидно не плохое приданное. О визите и цели Ильи сообщил горничной, и девушка провела их в небольшую гостиную в сине-коричневых тонах.

К ним вышла блондинка с потрясающей белоснежной кожей и яркими синими глазами. В красивом платье, из последнего сезона мод, она смотрелась словно с картинки.

— Чем могу быть любезной, — протянула она руку Илье, кивая Руне, которая тут же в своем наряде почувствовала себя неуместно. — Я Ася Каретникова.

— Илья Алексеевич Кадущий, специальный уполномоченный по финансовым делам, — представился Илья без уточнений. — А это мой секретарь. Руна Волкова.

Девушка мгновение оценивала платье Руны, затем перевела взгляд на Илью.

— Вы не платите секретарям? Или женщины не могут получать жалование? Впервые слышу, чтобы в жандармерии работали дамы? У нас, что перевелись мужчины?

Она подошла к небольшому столику и по-западному, как суфражистка достала заграничный мундштук,插入了 него папиросу.

— Хотите?

— С удовольствием, — согласился Илья.

Он не курил, Руна точно знала. В комнате начали распускаться белые полосы дыма.

— Так чем могу быть полезна? — ее рука с папиросой указала на Руну. — Весь город судачит о том, что вы ищете царские драгоценности и для этого привлекли дочь известного мастера. Знаете, на каторге много людей на тонкие умения.

— Так и есть, — улыбнулся Илья. — Вот как раз по этому делу и зашли. Ищем полумойку Варвару, которая работает по вторникам у вас, верно? Нужна, как свидетель.

Губы девушки дернулись в недовольной усмешке.

— Значит, не только к нам не ходит?

— Не ходит. Ее уже неделю никто не видел. Говорят, пропала, — продолжил Илья.

Руна сидела в кресле и думала, что не плохо бы сначала навеститься к ней домой. Почему он зашел сразу сюда?

— Хм, не удивительно, — девушка передернула плечами.

— А ваша подруга, она сейчас дома?

— Катя? — Ася, уставилась на платье Руны с новым досмотром, а затем выдохнула с высокомерным разочарованием. — Ее нет в городе. Уехала навестить родителей, в Тару. Так что ее не будет еще несколько дней. Вы может спросить меня.

— А вы что думаете? — Илья так очаровательно улыбнулся, что та, несмотря на напускную суровость, не смогла не улыбнуться в ответ. — Вы можете объяснить, неожиданное исчезновение Варвары?

Руна приподняла бровь, замечая, как они стоят ближе, чем положено в обществе. Между их переглядываниями и прелестными взглядами шел безмолвный разговор. Милые, романтические гляделки, лирично намекающих на что-то еще... отчего потом больно бывает, как в аду!

— Думаю, — голос девушки приобрел елейность, и пальчиком она прикоснулась к краю этажерки, у которой они курили, шаловливо повела по ребру в сторону Ильи. — Ну-у-у, ее могли украсть торговцы с черного рынка.

Она подняла нескромный взгляд на Илью, важно продолжив:

— Здесь рядом граница и сельджуки крадут красивых девиц без сопровождения. У нас очень-очень опасный город.

Руна закатила глаза. Ага, Варваре опасности угрожают на каждом шагу! Она весом в семь пудов, с черной моно бровью как шлем богатыря, и вечно перекошенным от злости лицом, однозначно писаная красавица. Только если сельджукам нравятся женские усы. А они у неё имелись.

— Черный рынок?

Ася кокетливо хихикнула.

— Моя мама всегда предупреждала меня. Никогда. Никогда не ходить без сопровождения. И если торговец предлагает взглянуть на товар, который не на прилавке, никуда с ним не ходить. Даже если они выглядят очень прилично!

Она с сожалением выдохнула, всей собой обозначая изнеженную смятенность:

— Наши края полны необразованного народа. Встретить настоящего джентльмена, задача почти не выполнимая.

— О боже, — вырвалось ехидное у Руны. Ей подумалось, конечно, черный рынок существует исключительно в Омске и кража женщин только здесь.

— Мы об этом, как-то не подумали, — манерно согласился Илья, бросив строгий взгляд на Руну. — Но если ее украли, разве она прислала бы за своими вещами?

Ася смутилась, нахмурилась и почти обиделась.

— За какими вещами?

— За щетками, вениками и прочими инструментами.

— Понятия не имею. Но может быть, она уговорила тех, кто ее украл, что она может быть им полезной. Даже в чужой стране! Там тоже наверняка нужны поломойки.

Руна наклонила голову не в силах скрыть ухмылку, пока Илья прилагал большие усилия, чтобы спрятать свою. Ася приняла блеск в темнеющих глазах не за искорки смеха, а за флирт.

— Так она к вам посылала за своими вещами? — спросил он, наклоняясь вперед, и туша окурок в пепельнице.

— Нет, не присылала, — блондинка надула губки, рассматривая его сквозь белесый дым. — Мы повздорили и она ушла.

— Почему?

— Она совсем потеряла совесть и не желала сознаваться в содеянном.

Илья взял свободную руку девушку в свои пальцы, поигрывая ею, придвинулся ближе. Ася сразу же поплыла, тая в мужских кокетливых прикосновениях. Эти же руки удерживали Руну сегодня ночью в кровати и держали крепко до боли. Они не были ни нежными, ни романтичными. Руна отвернулась, ощущая, как ее бросило в жар от неприятных воспоминаний.

— Сразу видно, что вы очень умная и очаровательная девушка. И так строги. Можно узнать, что произошло?

— Ко мне приезжала сестра. Издалека, — Ася хмурилась, затушила папиросу. — И они не ладили.

— Кто они?

— Моя двоюродная сестра и Варвара.

— Интересно, — произнес задумчиво Илья, почти делая массаж руки, разглядывая пальчики и кожу. — А до этого у вас не случалось конфликтов?

— Нет, что вы. Все обычно, как всегда. Она приходила, мыла и убирала, а затем уходила. А в этот вторник, когда у меня гостила Ивочка, вдруг выяснилось, что пропал ее ручной секретер.

— Секретер?

— Да, такой маленький письменный стол, как шкатулка. Ивочка сказала, что не может ее найти, а Варвара, как раз убиралась в тот день. Мы обыскали весь дом, и ничего не нашли. Так что стало понятно, что взяла она.

— А почему не горничная?

— Ее не было. Она навещала свою маму в деревни и отпрашивалась у меня на три дня.

— А где теперь ваша сестра?

— Уехала.

— Скажите мне, Ася, что именно сказала вам Варвара, прежде чем ушла?

Илья почти закрыл девушку от Руны, мягко дотрагиваясь до плеча той, убирая с него невидимую пылинку. Заставляя «заботливым» движением дышать блондиночку глубже.

— Вспомните ее слова дословно.

— Аааа, — Ася не могла сосредоточиться, мялась. Казалось, она потеряла опору под ногами. — Варвара сказала, что по моей сестре плачет острог. И что она больше никогда к нам не придет убираться. Я не расстроилась, потому что она все равно не нравится моему жениху.

— М-м-м, — Илья отклонился и отпустил девушку. — Примите мои поздравления. Значит, сыскался приличный джентльмен в ваших краях.

— Ох, спасибо, — отозвалась раскрасневшаяся невеста. — Мы рады будем видеть вас на нашей свадьбе, после Успенского поста. Если вы, разумеется, еще будете в городе.

— Очень любезно с вашей стороны. Спасибо большое за ответы. Мы покинем вас и не будем больше беспокоить.

Они вышли на улицу и Руна ахнула:

— Торговцы женщинами, царские украшения, что за бред!?

Илья зло усмехнулся.

— Ты даже не представляешь, с чем нам приходится сталкиваться при допросах.

— Допросах, — Руна слегка побледнела, отшатнувшись от него, она отлично помнила свои.

Илья пожал плечами, протягивая ей руку, помог сесть в коляску. Отчего Руна дернулась, прикосновения ощущались телом, как нежелательные. Илье откровенно было все равно, как она реагирует на него. Он сел совсем близко, накрыл ей колени теплым пледом и приобнял.

— Теперь куда, — спросила она, сдерживаясь.

— В лес, — приказал он извозчику. — Очевидно, что Варвара забрала бумаги у них. Теперь я сам их найду без тебя.

— Но что это за бумаги, — Руна с трудом выдохнула, ощущая глухое бешенство.

— Это реликвии моего рода. Очень ценные. И не совсем бумаги. Скорее вещи изготовленные из... неважно чего. Для вас они похожи на перегородчатую эмаль, очень тонкой работы. Они бесценны для таких...как я.

Часть 5. Лика, Илья и Дьявол

Будущее. Через 500 лет после описанных событий с Лизой Зверевой

Собора Парижской Богоматери, я стою на самом краю крыши. Ливень заливает Париж. Сверкают молнии. Небо затянуто грозовыми тучами. Они гремят, мрачно предзнаменую, обещая новые жертвы.

Уже сегодня. Сейчас.

Жители Парижа бегут. Голуби жмутся к стенам и испуганно таращатся глазами бусинами. Я же смотрю вниз. На Сену и дорожную развязку в свете уличных фонарей. Несмотря на то, что льет, как из ведра, жизнь в этих местах никогда не замирает. Люди гуляют, идут с работы, встречаются... Те, что не под зонтами, спешат укрыться от пронизывающей холодом влаги. Им невдомёк, что мы наблюдаем за ними. Только наблюдаем...

Мы выслеживаем двоих. Один из сигнальщиков подтвердил, два демона оборотня пятый раз проходят этой дорогой. Только люди ходят одними тропами. У них есть причины. Экономия времени, автоматизм, желание стабильности, у людей есть, а у нас нет. Для нас все это не причины. Что в ней такого особенного? Информация настораживает и наводит на мысли о ловушке. О чем-то противоестественном, крайне необычном, даже не нормальном. Пять раз пройти по одной тропе, чрезвычайно подозрительно.

— Илья? — спрашивает Кайл.

— Готов, — отзываюсь негромко.

По сигналу прыгаем. Законы гравитации и силы притяжения написаны для нас условно. Наши возможности по сравнению с людскими несоизмеримы.

Кайл задерживается, делает несколько снимков сверху с квадракоптора, и теперь снимает с земли. Его задача фиксирование передвижений чужих. Моя отследить путь и обнаружить ловушки. Мы подвигаемся за оборотнями на расстоянии, двигаемся вместе с потоком изливающего с неба, словно потоп воды. Следуем за людьми спешащими укрыться в метро, там сухо, тепло и, конечно, из-за дождя в такой поздний час многолюдно.

В несколько секунд настигает мысль, что оборотни сами следуют за кем-то. Неужели следят. За кем? Внутреннее чутье подсказывает мне, что кроме людей идущих впереди, у них никого нет. Никого из иных. Ни ангелов, ни бесов, только люди, люди, люди... безликий строй. Кто может быть так интересен, там в толпе?

Мой взгляд выхватывает тонкую фигурку. Очевидно, она спешит спрятаться, потому что при ней нет ни зонта, ни дождевика. Худенькая блондинка, по сравнению с оборотнями кажется маленькой. Длинный волос и одежда чересчур мокрые. С них капает вода. Будь у нее рюкзак за спиной, легко сошла бы за студентку. Одета подозреваемая в темные брюки и в ветровку с капюшоном. Через шею практически виснет небольшая сумка. Хм, она точно знакома с парижскими щепочами. Девушка проскакивает между рядами людьми легко, как сквозь сито. Пронырливо, сноровисто лавирует. Элегантно скользит. Двум широкоплечим уродам трудно за ней успевать. Они толкают людей. Те падают кеглями, как в боулинге.

У рельсов дует теплый сухой воздух с примесью мазут. Запах кажется специфическим. Слышится, как приближается поезд. Кайл отстает, я крадусь аккуратно, чтобы оставаться

незамеченным.

Девушка то ли испытывает беспокойство, то ли чувствует слезку, в какой-то момент она оборачивается и идет назад. Демонов поблизости пока нет, они растворились за колоннами, или, также как и я затесались в толпе. Наши с ней взгляды сталкиваются. И по моему телу дергает электрический разряд, пробегает острой сладостью по нервам. Мгновенно отзывается в паху. Вау!

Я знаю, какое произвожу впечатление на женщин. Я им нравлюсь. Но эта глядит на меня не с праздным любопытством, а в напряжении, сосредоточенно. Она смотрит в поиске источника угрозы, который пока не выявлен, но в душе ее сотрясает все внутренности.

Я знаю ее! Озарения от этой мысли захватывает врасплох. Еще один разряд! Бах! Очень сладко. Пытаюсь вспомнить откуда знаю? Разглядываю её пристальнее. У блондиочки правильные черты лица, красивые губы и глаза. Во взгляде таится серьезность. Она не похожа на наивных, романтических особ своей возрастной группы. Я решаю, что тревожная.

Блондинка отводит взгляд, так как за спиной у нее проносится поезд. Он останавливается и открывает двери. Шум отвлекает, когда она снова смотрит в мою сторону, я уже отступил, и мы больше не видим друг друга.

Зато я вижу двух демонов. Они сносят людей, топают, как среди падали. Бандитская надменность просвечивает в каждом движении. Для окружающих они так и выглядят. Криминальная братва, у которой по какой-то причине закончились все тачки и они снизошли в метро до уровня примитивных смертных. Оба в кожанках, в джинсах, обувь у них на очень тяжелой и толстой подошве. Оно и понятно, трудно с копытами ходить в легкой обуви. Один из них резко останавливается на платформе, замирает, как будто ждет, пока люди зайдут в вагоны и места. Я пытаюсь понять, что с девушкой не так? Пытаюсь вспомнить ее, но не могу. Мне показалось, или они и в самом деле идут за ней?

— Будьте про-кля-ты!!!

По платформе разносится вопль одного из уродов, настолько рупорно и могуче, что те, кто стоят рядом вполне могли оглохнуть. Ситуация поясняется. Второй демон, что поменьше, увидел Кайла. Отреагировал он, как и положено демону. Вполне с яростным бешенством. В следующее мгновение в руках у них появляется полуавтоматическое оружие. Начинается пальба и паника.

Люди бегут, кто-куда падают на пол, жмутся за колонны и под сиденье в поезде, так как осколки стекла и плитки со штукатуркой, летящей во все стороны создают в помещении хаос и ранят, рикошетят по несчастным телам.

Кайл успевает укрыться, за колонной, но его настигают пули первого оборотня. Меня они не видят, зато я вижу напарника. И то, что я наблюдаю, напрягает до самого основания нутра. Я много раз лицезрел, как умирают ангелы от пуль демонов. Их кровь сворачивается, это вызывает агонию, а затем происходит почернение всего кожного покрова. Но только спустя несколько часов, иногда даже дней. Кайл почернел за минуту. Минуту мать его! Будто под кожу вкатили литр чернил каракатицы.

Я выскочил из-за колонны, начав ответную стрельбу. Мы ангелы двигаемся быстрее демонов, пока те в человеческом облики, поэтому, неожиданность дает несколько секунд превосходства. К тому же кто-то перезаряжал обойму. Что означает, начал он стрелять с полупустыми магазинами, и в его планы не входила огнестрельная разборка. Они не ждали нас, а значит это вовсе не ловушка.

Мы обменивались очередями выстрелов, прячась за колоннами. На полу платформы

появились раненные и убитые люди. Я на миг потерял из виду девушку, но когда один из демонов заскочил к ней в поезд, стало ясно, что все-таки девушка при чем. Хотя я до сих пор ни в чем не уверен.

В последнюю секунду происходит нечто неожиданное. Девушка, не из трусливого десятка, выскакивает обратно на платформу, буквально прошмыгивает по полу, и на четвереньках кидается к раненному мужчине, что лежит за колонной у лавки с урной. Она скидывает свою сумку и пытается помочь. К ним подлетает второй демон и хватает ее за шиворот, в то время, как она вцепилась мертвой хваткой в лежащего на полу.

Одна из моих очередей настигла его. Он падает рядом с ними, корчась в предсмертных судорогах. Наш огонь убивает тварей, подобно пуле со смещенным центром. Свет внутри плоти мечется, и демон вопит благим матом от трещин в костях, а затем умирает. Лишь высшие, способны терпеть подобное, и даже не страдать сильно от этого.

Нужно нагнать другого. Решаю, что с девушкой разберусь позже. Я и демон бежим по вагонам, распахивая двери и снося людей, пока он не выскакивает из последнего, хватисто нырнув за нос поезда, убегает в темноту туннеля.

Я устремляюсь во мрак за ним. Очень скоро демон останавливается, поспешно скидывает с себя обувь и одежду, он начинает превращаться в черта. Зрелище не для слабонервных.

Демоны при этом стремительно нагреваются, черты становятся безобразными, кожа меняет цвет из розового в черно-фиолетовый, на руках появляются когти, зубные клыки удлиняются, на ногах образуются удобные широкие копыта. Вся осанка демона становится звероподобной. Мы же остаемся такими, как есть, но в случае опасности можем игнорировать и законы притяжения и гравитации. Мне приходится его убить. Слышно в шелестящей черноте туннеля, поезд тронулся и уехал к следующей станции.

Я двигаюсь дальше. Важно понять, что там еще есть?

В метрах ста от места, где демон трансформировался, спряталась ниша с уходящим вглубь коридором. Похоже технические помещения. Я тщательно прислушиваюсь к звукам. Ангелам не место в крошечной тьме и под землей, но если не идти туда, то ничего не узнаешь. Я готов повернуть назад, но в этот момент мимо меня по тоннелю проносится следующий метropоезд. Он освещает нишу, и на полу я вижу пулю и следы похожие на кровь. Беру ее в руки, разглядывая, пока поезд несется мимо. Пуля похожа на наши. Значит, кровь, скорее всего демона. Я не слышал за последнее время, ни о каких столкновениях с ними, ни в отчетах, ни в разговорах, никто ничего не рассказывал. Спустя мгновения я снова оказываюсь в крошечной тьме.

Память услужливо подсказывает, что там, в глубине есть вентиляционная шахта. Зажимаю в одной руке оружие, в другой фонарик. Шарю им по полу. Да, вот решетка, которая ведет вниз, еще глубже. По лучу, очевидно, глубина колодца метра два, не больше. Решетка не на замке. Стаскиваю ее пальцами в сторону и прыгаю внутрь.

Ну, кто в теремочке живет? Кто в невысоком живет?

Оказавшись на ногах, несколько секунд прислушиваюсь к звукам вокруг себя. Внутри не шахта, а лабиринт. В лужах в самом дальнем углу, отражается лунный свет. Судя по всему это воздушный карман, для отвода воздуха в туннелях метро и для вентилирования. Такого света мне достаточно, чтобы видеть, как видит человек в полумраке. С виду все тихо и спокойно. Слушаю звуки. Ничего не обычного. Может, демон хотел выбраться здесь наружу. Может быть?

Шагаю вперед, пока не замечаю лежащий на бетоне, в закутке, труп. Освещаю его фонариком. Вероятно, его кровь я видел на стенах туннеля. Осмотр показывает, что я ошибаюсь. Это ангел. Еще больше удивляет то, что я не знаю его. Он не из наших краев и не принадлежит к моему Роду. Он такой же почерневший, как Кайл. Что ты тут делал братец? Почему тебя никто не хватился? Осторожно обшариваю его карманы и одежду. Он лежит тут очень давно. Под спиной, я нахожу пистолет, открываю магазин и удивленно разглядываю. Патроны внутри светятся, как у нас, только цвет их не белый, а красный. Кто же, ты такой? Делаю пару снимков на сотовый для архива и отчета, забираю трофей и двигаюсь дальше.

Рык с яростным ревом говорит о том, что убитый мной демон в метро тоннеле обнаружен другим демоном. Значит, мне пока бежать. Плохо, что я не знаю окружения. По инструкции мы обязаны спускаться в такие замкнутые, ограниченные места парами, но что поделать Кайл убит. Я бегу со всех ног, куда глаза глядят, стараясь полагаться на внутреннее чутье. Кто-то преследует меня, но затем отстает.

Я осматриваюсь по сторонам, пытаюсь оценить, куда меня занесла нелегкая. Хорошо, что в выбранном тоннеле, лампы с датчиками загораются на движение. Напрягаю из последних сил все органы чувств, прислушиваюсь, принимаю и ощущаю кожей пространство. Слышатся рычание и вой. Пахнет, как и должно пахнуть под землей затхлым зловонием и канализацией. Воздух больше не теплый и не сухой, как в метро, а прохладный и влажный, напитанный сыростью из-за ливня идущего снаружи. Закрываю глаза и двигаюсь по интуиции. Она приводит к люку, который расположен еще глубже. Туда вниз я не полезу. Слишком опасно, но зато звуки слышны намного отчетливее.

На уровень ниже находится не меньше пяти десятков демонов. Судя по звукам у них спарринги. Обычное развлечение для таких тварей, как они. Все лучше, пусть убивают друг друга, чем нас. Я слышу, как они подначивают, кричат что-то типа «Наподдай ему! Врежь! Бей». Меня напрягает, не то, что они готовы убивать и калечить друг друга, а то, что их много. Слишком много. А что если это не единственное место обитания, не единственное логово? Мы Ангелы не любим, спускаться под землю. Силы уменьшаются, а наши возможности ограничены. Мы дети Солнца и не любим могилу. Вот мы сюда не суемся. Похоже зря не суемся. Ксавье сотню лет назад, как наложил запрет. И судя по всему наши все его соблюдали.

Я решил, что увидел и услышал достаточно, поэтому повернул свои стопы домой. На сегодня смена закончена, пора возвращаться в Родовой замок, писать отчет и подумать о том, кто та девушка? У меня нет доказательств. То, что я увидел в метро не определено. Есть лишь подозрение на уровне ощущений и догадка. Но что если я прав? Что если два убитых демона охотились за ней? Безусловно, всё это крайне странно и необычно, но все же,

я готов проверить свою теорию, потому что пятьдесят демонов это уже слишком.

* * *

Родовые замки Ангелов большие. Нас мало и с каждым столетием численность уменьшается. Мы не умеем размножаться, как люди, животные или растения. Мы другие. Каждый Род селится в одном замке и на определенной территории, и чаще всего за городом. Наши дома похожи на малые государства, где есть все. От армии до налогов и конечно Главы государства или Рода.

Войдя внутрь, я прошел залу, где по обычаю собираются представители Рода, предпочитающие отдых в кругу себе подобных. Когда живешь много столетий, знаешь членов Рода, как облупленных. С одной стороны это надоедает и бесит, с другой, когда хочется стабильности и предсказуемости успокаивает. Я вошел на территорию, где мы тренируемся и храним оружие. Там у самого входа находился приемник оружия и главный оружейник. Я давно дружу с Франком, и потому нам не нужна наносная учтивость, существующая между людьми всего несколько столетий. Язык торговцев для ангелов чужд. Сходу, я выложил перед ним найденный пистолет и патроны.

— Нашел сегодня, в тоннелях метро, — произнес я, видя, как тот пододвигается к столу и рассматривает находки, оценивает красные пули.

— Они похожи на наши, — заключает он, рассматривая жидкость. — Нужен лабораторный анализ.

Хочу рассказать ему о трупe и о девушке, но не успеваю. Вслед за мной, в оружейную вваливается Ксавье со своей свитой. За его спиной всегда маячат несколько крылолизов и подружек. Ксавье красавчик, оставлен Хранителями главным над нашим и еще двумя Родами. В Европе три ангельских рода, которыми испокон века управляет один древний Хранитель (а всего их семь) и два Главных двух Родов. Раз в сто лет, Хранители меняются местами. Это важная Традиция соблюдающаяся с древних Времен. Связана она вовсе не с нуждой бессмертных отдыхать, а с потребностью соблюсти Традицию и Порядок, подчинение которому блюдетсЯ также свято, как наши Основы.

— Что у вас?

Я рассказал ему подробно, все как было, а он, выслушал и отреагировал, как обычно с большим скепсисом и пренебрежением.

— Я проведу химический анализ, — пообещал Франк. — Но и без него очевидно, что жидкость состоит из света и крови.

Это-то и удивительно.

— Хм, они обратили наше оружие против нас, — высказываю я предположение.

Франк кивает, соглашаясь с тем что, скорее всего моя догадка верна.

— Что вы хотите сказать? Что несколько тварей могут перевоссоздать наше оружие против нас? Что они способны создавать оружие! — Ксавье, как всегда само недоверие.

— Нет, оружие уже готовое. Они только переделывают пули, используя наши технологии, — предположил Франк. — И эти пули, учитывая, что свет наш, очень опасны.

— Не то слово, — выдохнул я. — Подобной, сегодня убили Кайла. Он почернел в буквальном смысле слова за полминуты. Как будто начал трансформироваться в Демона.

— Откуда ты их взял?

— В одном из туннелей нашел труп ангела, а под ним оружие, и их. Этот ангел не из нашего рода, его убили очень давно. Он иссох. А на одежде не было никаких опознавательных символов. Я хочу собрать ангелов Смерти и вернуться!

— Ни в коем случае. Никакой самодеятельности, Илья, — возразил сурово Ксавье, выводя меня из себя. — Никаких истреблений и охоты! До смены Хранителей у нас совсем немного времени.

— Сегодня два демона, которых мы проверяли по данным информатора напали на нас, прямо на платформе! В метро! На глазах у людей. Игнорируя видеокамеры. Вообще все! Кайл убит!

Ксавье слушал мои слова со все большим нарастающим раздражением. Конечно, его можно понять, смена Хранителей, означает, что трон под ним зашатается. Все что его сейчас волнует, Хранители и его власть.

— Я слышал в туннелях, как они там дерутся. Устраивают от нечего делать бои. И они явно чего-то ждут. Может быть чьего-нибудь приказа?

— Где доказательств, Илья, — возразил Ксавье, зная наши правила.

Ангелы никому не верят на слово, даже своим. Хочешь, чтобы тебе помогли, предъяви доказательства. Слишком много в наших родах случалось воин из-за власти. Я сжал челюсти и разжал их.

— Послушай, я знаю, что слышал. Я доверяю своей интуиции. Их там не меньше полусотни! А что если это не единственное логово, что если их намного больше. Мы уже сотню лет не спускались вниз и не знаем, что внизу творится.

— Хочешь сказать, Хранители лгут? Да, Илья!? И мы их не истребили? Не выиграли войну. И Явал не убит, не погиб? Это бред! Их с каждым годом все меньше и меньше. Сколько в год случается инцидентов удачной охоты? Ты сам знаешь не больше пяти-шести случаев. Откуда полсотни? С чего вдруг?

Мы смотрели друг другу в глаза и каждый думал о том, какой же он ублюдок. Но он главный, а я лишь ангел Смерти.

— Пятьдесят демонов, очень много. Они не способны собираться в большие стаи. Также, как и не способны на творчество, — заметил Франк примеряющим тоном. — С тех пор, как мы скинули Дьявола в преисподнюю, они от столетия к столетию только вырождаются. Вторая мировая расставила все по своим местам. Разве нет?

Я шумно выдохнул, фыркая, от того что, Ксавье, как и его прихвостни смотрят на меня с презрением.

— Все это очень подозрительно, — заметил Франк.

— Знаю, — отозвался я, понимая, что не смогу ничего доказать, пока на руках не будет реальных фото или видеоматериалов. — Но ведь мы все равно должны проверить, прав я или нет?

Ксавье пожал плечами.

— Пусть будет по-твоему. Я велю Луке собрать группу. Пускай проверят тоннель и привезут труп ангела. А заодно посмотрят, что да как, — решил он, а затем с осуждением посмотрел на меня. — И не перечь мне, брат, а иди и собирайся. Мы оба должны быть готовы к приезду Сорена.

Я молча, покинул оружейную, зная, что вслед за мной по следам прискачет Фрея, намеренная выполнить любой наказ брата. Мелкая шлюха всегда готова залезть в штаны, не только Ксавье, но и мои. И она даже не догадывалась, с какой брезгливостью я отношусь к

ней.

Наш ангельский Род один из самых сильных и мощных. Нам доверено хранить одного из Хранителей. В глубине в основании дома, под тоннами монолитного бетона и арматуры, находится хранилище. Особе место, охраняемое с необычной тщательностью. Оно не похоже на склепы или усыпальницы, скорее на храмы людей.

Я стою за толстой бронированной дверью, больше похожей на сейф, и когда охрана открывает ее, я все равно не смогу попасть внутрь. Смотреть можно через слой стекла. Место темное. Потолки в сводах и росписях рассказывают на давно забытых языках историю сотворения мира. Здесь всегда тихо и очень спокойно.

За стеклом просторная квадратная зала, с мозаичным кругом в центре, по краям по трем сторонам стоят «Образы». Зеркала, в центре которых инкрустирован облик костяными пластинами наполненной высохшей плотью Хранителя. Похоже на перегородчатую эмаль. Только Главные, знают, где настоящий образ, а что подделка.

Семь великих Хранителей создали несколько тысячелетий назад свод Основ. Законы, по которым живут все рода. Правила, которым подчиняются неукоснительно. Только это позволило Ангелам сбросить Дьявола в преисподнюю. Пока мы их соблюдаем, он будет находиться там. А когда исчезнет последний Демон на Земле, исчезнет и он. Хранители не обличают себя и хотя мы знаем образы всех семерых, в живую я видел только троих из них. Сорена, Адама и Ноя. Других за долгие столетия моей жизни, я так и не встречал. Хотя несколько сотен лет назад вернул одно из таких зеркал домой.

Мне кажется девушка и зеркала, как-то связаны. Объединены поиском того и другого. Мне нужно время, чтобы вспомнить. За тысячелетия я видел столько людей, что всех физически запомнить нереально. Я смотрю в залу и злюсь. Я однозначно уже встречался с девушкой.

Ксавье будет закрывать глаза на любую опасность, пока не убедится, что власть в его руках на ближайшие на сто лет. Даже если я прав, он не допустит разбирательства, вот поэтому он посылает Луку и его команду, а не меня.

Ко мне присоединяется Фрея. Она красивая женщина. Блондинка с роскошной фигурой и большой грудью. Как раз во вкусе моего брата. Она останавливается в нескольких метрах, бросает мимолетный взгляд на залу Хранителей и смотрит на меня. Даже не глядя на нее, я ощущаю в ее позе и взгляде не понимание. Все, что она уясняет, это то, что мы с Ксавье очень разные.

— Ты сильно рискуешь, спускаясь вниз без поддержки, — замечает она, разглядывая меня и буквально пожирая взглядом.

— О чем ты?

— Адаму вряд ли понравилось, если бы он узнал, что ты бродишь по подземельям в одиночку. Особенно если ты прав, и они кишат демонами.

Злость в груди начинается движение к ярости.

— Адаму вряд ли понравится, что их вообще много. Я бы уже начал защищать город и страну от этих уродов.

— Адам поставил его старшим. И ты знаешь почему, — она не боится сыпать соль на мои раны.

— Он не воин, — заявляю я, глядя на образы и понимая, что звучит так, словно я

завидую собственному брату, потому что Хранитель ему доверил власть над родом, а не мне.

Фрея вздыхает, на секунду замолкает, раздумывая, что мне ответить:

— У тебя есть все шансы. В этот раз. Так что может быть стоит подготовиться?

— К чему?

— К приезду Сорена. Если ты покажешь себя с лучшей стороны и окажешься прав, возможно, ты станешь Главой рода.

Она знает, что этого не произойдет, хотя бы, потому что Сорен меняется местами с Адамом, а Ксавье привел к власти именно Адам. С чего ему делать меня Главой Рода? Хотя он относится ко мне с большим теплом, может быть даже больше, он никогда не доверял мне. Что-то было между нами незримое, то, что мешало ему видеть во мне большее, чем ангела Смерти или младшего члена рода. Гапример, достойного кандидата на управление домом Рода.

— Это вряд ли, — я вижу, что Фрея разделяет мой скептицизм, но предпочитает его не обнаруживать и не демонстрировать.

Я отворачиваюсь от нее. Не желаю продолжать беседу. Мои мысли кружатся вокруг случившегося в метро. Лицо девушки, глаза, весь ее образ кажется знакомым. Фрея понимает, что я не скажу ей ни слова, обижается, разворачивается и уходит. Пусть идет, мне все равно.

* * *

Я смотрю в зал, на образы Хранителей, не знаю, все ли они меняются местами или только трое? Нахожу это бессмысленной и пустой тратой времени, возвращаюсь к случившемуся, иду в старую библиотеку. У нас их несколько, так как за века накопилось много ценной информации. Старая библиотека, средневековая и древняя. В последнюю доступ возможен, с разрешения главы рода. Недавно Ксавье приказал перенести часть знаний на электронные носители, но Фрея никудышный исполнитель и организатор.

Загружаю в компьютер материалы отснятые Кайлом и открываю панель с готовыми формами отчетов. С этим у ангелов строго. Пишу, как положено по стандарту, что делал, что видел, как реагировал. Затем перебираю фотографии, решая, какие приложить к файлу-архиву. Кайл наснимал достаточно, но из-за темноты и дождя все кадры смазаны и размыты. На лицах прохожих лежат искажающие черты теней и блики. Слишком сильно лил дождь.

Два демона попадают в кадры. Главный, выглядит особенно крупным. Здоровенный метис со смешанными чертами азиата и австралийца. За последние несколько десятков лет я не видел более крупного волка-падшего. Кажется, что приглядевшись сквозь облик человека можно уловить в нем черты демона. У него широка переносица и крупный приплюснутый нос, тяжелые надбровные дуги. У всех демонов волосы черного цвета, вьются. Но этот голову бреет. Внешний облик их роднит роковыми очертаниями, почти всегда притягивает и отталкивает разом. Второй падший выглядел типично. Худощавый, кудрявый, сутулый и с усиками. Я увеличиваю кадр до максимально возможного разрешения, почти до распада картинки на пиксели и рассматриваю. Неясно куда именно устремлены их взгляды, на зонты перед ними. С тех стекают косые струи плотного дождя.

Или они смотрят дальше?

В библиотеку вновь является Фрея, она несет в руках поднос с едой.

— Ксавье, велел поухаживать за тобой, — сообщает она, раздражая безмерно попытками быть милой.

Я бросаю взгляд на нее. Она одета в сексуальное платье, с максимально открытой спиной и грудью. Затем на поднос, там обычная трапеза. Перевожу взгляд на монитор, изучая вновь и вновь фотоснимки. Листаю более рассеяно, пока не мелькнул странный кадр. На нем есть и демоны, и девчонка. Она идет впереди и в стороне. Ее почти не видно, Кайл зацепил ее случайно, но по одежде и сумке через плечо ее легко узнать. Вот оно! Оба демона смотрят на нее.

На нее!

В библиотеку является Ксавье, в этот раз один. Фрея по его знаку уходит. Он смотрит на меня, как и положено смотреть старшему брату, как опекун умудренный опытом.

— Я хочу, чтобы ты поехал встречать Сорена. У меня будет важное дело, поэтому я, — он злиться от того, что я полностью его игнорирую. — Илья, мне нужна твоя помощь.

Я замираю, перевожу злой взгляд на него. Помощь? Нужна? В моих глазах сверкает недовольство.

— Не могу вспомнить ни одного случая, когда тебе нужна была моя помощь, Ксавье.

Он выдыхает, прячет руки за спину и кивает, мол ничего другого он от меня не ожидал.

— Понимаешь, в чем дело? В настоящем, — произносит он. — Ты не хочешь, даже казаться управляемым. Взять на себя ответственность, заставить себя, пересилить. Подчинение, знак уважения.

Я молчу, вместо этого увеличиваю картинку, двигая кадр максимально в сторону. Теперь половину экрана занимает часть лица девушки, закрытого капюшоном куртки. Глядя на нее я ощущаю странное почти эротического характера волнение. Что-то цепляет меня в ней, возбуждает до мурашек, трогает за душу, не её внешность, а факт того, что она была там. Что именно? Я не могу сказать что. Чувствую ее и все.

— Илья, — тон в голосе Ксавье смягчается. — У нас с тобой одна альма матер. Мы братья, желаешь ты того или нет. И мы похожи во многом. Разве, ты не хочешь хотя бы не надолго забыть о распрях и ревности. Не устал за столько столетий?

— Я не поеду.

— Что тебе с этих демонов? Ты бессмертен, разве это не дает никаких преимуществ, — я поднял на него глаза, а он продолжил: — Нужно уметь не только убивать, но и получать удовольствие от жизни. От созидания, не находишь?

Я тяжело вздыхаю. С ним не поспоришь. Ксавье умеет красиво говорить, только словами павших не истребить. «Доброе слово и хорошая пушка», работает среди людей, но никак среди демонов. Никаких добрых слов и много эффективных пушек, это работает почти всегда наверняка.

— Видишь, девушку, — спрашиваю я.

Он делает вид, что ему интересно и, наклонившись, Ксавье смотрит на фотографию.

— Эти двое шли одной дорогой пятый раз. Пять! Я думаю, шли за ней. И вот этот, крупный. Он не рядовой. Возможно высший.

Ксавье выпрямляется и недовольно хмурится.

— Демонов люди интересуют только, как объект управления. И больше никак. Я хочу чтобы, ты встретил Сорена. И Илья, — он выдерживает паузу, смотрит прямо в глаза. — Если послушаешься, я созову совет и изгоню тебя. Это последний шанс. Не похлопай его.

Он поворачивается и уходит. Я откидываюсь на спинку кресла, и молча смотрю на

экран, на смазанный силуэт девушки. Нужно выяснить, кто же ты такая.

Корпорация «Сафина» располагала огромными средствами для реализации любых опытов и принадлежала Дьяволу.

И то, каким рисовали его религиозные конфессии, кошмарным, сам себя Явал, конечно, не считал. Он был красив, мужественен, и отнюдь не ужасен. Кошмарными, он считал людей. Это не он вел войны. И не он развивал порочные направления экономики. И точно не он делал мир таким, каким тот являлся. Приятно думать, что имеется козел отпущения, и ненужно нести за деяния никакой ответственности. Блаженно знать, что можно повиниться и все простится. Счастливо осознавать, что корень Зла находится вовсе не в тебе, а где-то далеко-далеко и в ком-то другом.

Явал смотрел на Париж, расстилающийся перед его взором и ждал результатов анализов. Лаборатория вела немаловажные эксперименты. Она находилась глубоко под землёй, а он смотрел на обманку, создающую иллюзию окон. Его рука коснулась экрана. Тот сменился графиком разбегающихся и ветвящихся в разные стороны генеалогических линий. В каждой хранились данные миллионов людей, терабайты информации о генетическом наследии, а главное о начале их происхождения.

Его волновала последняя находка, и он терпеливо ждал. В лабораторию вошел доктор Кат, и коснулся интерактивного стола. Поверхность тут же послушна ожила. Он начал воспроизводить на ней объемные цветастые пирамиды, конусы и диаграммы.

— Все не то, — бурчал он на молчаливый вопрос хозяина. — Это-та линия пустая. Все результаты отрицательные.

— Совсем ничего?

— Я лучший генетик в мире, — его голова затряслась, а прилизанный волос в раз задергался. — Если та сказал нет, значит, нет.

Явал промолчал. Он выглядел как обычно, элегантный черный костюм сидел на широких плечах идеально, кудрявый локон в короткой стрижке волосок к волосу, в серых глазах равнодушие. И лишь слегка поджатые губы, говорили о том, как сильно тот разочарован. Тем временем Кат вычеркивал из виртуальной диаграммы данные, убирая лишние генеалогические ветви, вычеркивая целые народы и племена из всемирной диаграммы генома человечества.

За спиной Явала на иллюзорном окне-мониторе вспыхнул звонок, и включилось видео. На экране явился демон. Одетый в кожанку, коротко стриженный, он выглядел потрепанным и недовольным.

— Что у тебя?

— Мы её упустили, — сообщил он виновато. — Мы попади в поле зрения ангелов смерти. Случилось перестрелка.

Кат казалось не слушал их, убрал диаграмму со стола и нажав в виртуальном меню пару кнопок, возвел тонкий дисплей с объемным женским образом, в стороне от которого текли данные по медицинским и биологическим параметрам.

— Потеряли Сагана. Они использовали пули со светом. Если бы я знал, что мы столкнемся с ними, то взял бы равного себе.

Явал усиленно думал, рассматривая дырки на куртке демона. А ведь это высший демон.

Один из лучших.

— Я вижу, — отозвался он. — Они поняли, что вам было нужно?

— Не уверен. Но скорее нет. Один из них последовал за мной в туннель, а затем скрылся. Мне было не до него.

— Ты уверен, что они не поняли?

— Да. Мы применили новое оружие, теперь они чернеют за тридцать секунд.

— Когда я увижу его, — спросил Кат, имея в виду труп ангела.

— Привезем через полчаса.

— А девушка не догадалась? — Явал тоже смотрел на голограмму.

— Не знаю. Не уверен. Кажется, она дергалась.

— Нельзя ее потерять. Она последняя. Я думаю, это она.

Явал повернулся к доктору, выключая видео с Легардом, тот пристально изучал данные.

— С первого взгляда она нам не подходит. Генеалогия не из прямой ветви, — он вздохнул. — Ну, хорошо, давай посмотрим на эту Лику Дарк. Может и верно, Бог спрятал агнеца среди волков.

Явал все-таки недовольно вздохнул:

— А за одно и лишил ее памяти. Нужно бы поговорить с Ксавье. Может быть, он не все рассказал нам, на последней встрече. Что думаешь?

Досье я раздобыл по базе данных страхования. Благодаря фотографиям Кайла, можно найти данные на кого угодно. Лика Дарк. Почему мне кажется, что ее зовут не так? Живет на улице Ляшине, десять. Обычная квартира. Съемная. В объявлении практически пустая. Скорее всего, она снимает ее из-за дешевизны. А может из-за того, что район не спокойный, она не видит смысла делать в жилье что-либо, кроме как ночевать. Дом старый до того, что стены из мазанки. Видно, что ремонт не делался лет пятьдесят. Все сыпется и выглядит обветшалым. В Париже много такой рухляди.

Я нашел дом и вошел внутрь квартиры. Древний замок вскрыть не представляло труда.

Пространство практически пустое. Странно. Обычно у людей есть хоть какие-то вещи личного характера. А здесь пусто. Настолько, что я начинаю думать, а не старый ли адрес. Но тут на глаза попадает, что-то вроде книжки, валяющейся глубоко под кроватью.

В полумраке комнаты, я отчетливо понимаю, что держу мини-альбом с бумажными карточками. Надо же какой раритет! Старомодно. Сейчас все держат фотки в телефонах. Я листаю снимки и вижу девушку в компании людей, вероятно родных и друзей. Они напоминают ей о хороших временах, о доме, о детстве. Девушка, которую я видел на платформе, выглядела старше, чем на снимках. Разница от двух до пяти лет, не меньше. Хотел бы я знать ошибаюсь на счет нее или нет?

В двери поворачивается ключ, кроме возни я слышу мелодию сотового телефона.

— Да, привет, — голос девичий. — Дома, угу. Октан, ну где мне еще быть? Пятнадцать часов на ногах, в метро давка. Заскочила по делам. Кушать нечего. И упасть, спать хочу, умираю.

Удар входной дверью о косяк. Ночник загорается в коридоре. Она явно экономит электричество. Шуршание пакетов.

В следующую секунду, я хватаю ее за плечо. Девчонка ахает, закричать не успевает. Я закрываю ей рот ладонью и разворачиваю к себе лицом и припечатываю к стене. На меня смотрит пара огромных, вытаращенных глаз. А меня глушит воспоминание из бревенчатого русского дома. Кажется, баня!?

— Ответь на несколько вопросов, и я уйду, — резко и четко сообщаю я, разглядывая, как она бледнеет от осознания ситуации. — Поняла?

Лика испуганно хлопает ресницами, судорожно дергается, похоже, кивает. Но задать вопрос я не успеваю, отпускаю её, потому что все стены старой обветшалой халупы начинает трясти, как при воздействии урагана. Теперь моя очередь бледнеть и смотреть по сторонам в поиске еще большего парня, готового схватить меня, о нет, далеко не за челюсть. Такой шум, и дрожание стен умеют вызывать только те, кто проламывает стены и деревянные перекрытия, врывающиеся сквозь перегородки демоны. При чем в боевой форме и давно ничего не жравшие! Инстинкты меня не подводят. Я стреляю не раздумывая. Лика в это же время выскальзывает за дверь и бежит со всех ног.

Я бросаюсь за ней.

Она успела достичь лифта и как ошпаренная в него вспрыгивает. Я выскакиваю на лестницу и бегу вниз, отстреливаясь от демонов. Что ж это тоже ответ на мой немой вопрос. Девушка зачем-то нужна им. Успеваю перестрелять сволочей по одному. Сомневаюсь, что

это ловушка для меня. Выкатываюсь вихрем на первом этажа в момент, когда лифт уже подъехал, и двери его разъехались в стороны. Но вот незадача, напротив них стоит Явал.

Мать твою, сам Явал!!!

Что ж у ангелов тоже бывает шоковое состояние. А я-то думал, что меня удивить давно нечем. Я стреляю в него. Выстрел в голову, ещё один. Явал старый демон, самый старый из нас. Выстрел. Он Древний и потому умеет двигаться, как, и положено черту весьма резво. Выстрел. Слишком быстро даже для меня. И все же несколько выстрелов оказались смертельно хорошими. Явал заваливается на шокированную девушку в лифте. Он хватает ее за волосы и тянет, что есть силы. А сил у него, если моя память не изменяет, много.

Лица кричит от боли. Он вырывает ей клочок волос, царапает ногтями её щеку до крови. Я делаю еще один безжалостный выстрел ему в голову, и хватаю девчонку за ногу, волоку из лифта. Она уже не кричит, а орет. Орет истошно, на последних верхних октавах. А у меня в голове бьется одно лишь имя «Явал, Явал, Явал! Мать его, Явал!»! Как такое вообще возможно? Он же должен быть сброшен в Преисподнюю. Это что шутка такая?

Мне откровенно не до охрипшего писка под рукой из-за сорванного голоса. Ставлю ее на ноги и тащу по подворотни к машине. Забрасываю ее, словно вещь на сиденье. Лица бедная, не в себе, но, тем не менее, успевает попросить:

— Надо в полицию.

Я не слушаю ее лепет. Какая полиция? Какие игра и охота!? Нам сейчас будет весело и горячо и без них. Поворачиваю ключ, машина начинает реветь от того, что я сходу давлю на газ. И тачка срывается с места, как шальная.

— Господи ты убил его! Убил его! Убил.

— Пристегнись, — рычу я, не обращая внимания, на то, что вся ее одежда и щека в крови.

Она слушается и пытается пристегнуться, честно пытается, но пальцы не слушаются. Они предательски у нее дрожат и соскальзывают. Я пристегиваю ее сам, одним движением, при этом, не свожу глаз с зеркала заднего вида. Про себя я считаю, сколько пуль со светом всадил в Явала. Четыре или шесть? Сколько он может переварить? Сколько нужно света, чтобы убить Дьявола?

Очень-очень много!

Скоро я вижу в зеркале свой ответ. Явал умеет трансформироваться на ходу, и нас преследует демон. Настолько большой и Древний, что даже Лица перехватившая мой злой взгляд в зеркале, открывает рот в немом ужасе, перестав ныть и плакать.

— Господи боже, да кто же вы такие, — сипит она в ужасе. Она переводит взгляд на спидометр. Наша скорость почти восемьдесят, больше в узких кварталах Парижа не получается разогнаться, к тому же идет дождь.

Слышится удар по крыше, чего-то тяжелого. А затем, Явал начал вскрывать крышу когтями, как будто машина консервная банка. О! Это он умеет. А еще рвать людей и не людей на части, и при этом бешено хохотать. Жуткое зрелище.

— Держись, — рычу я, и резко жму на тормоза.

Эта сволочь кубарем скатывается перед нами и тут же вскакивает, успев трансформироваться, пока падал. Вставая, смотрит он вовсе не на меня, а на Лику. Это злит и бесит. Просто безобразие какое-то, столько внимание какой-то девчонке. А я как будто уже не вестник Смерти!? Я жму на газ и наезжаю на него. Лица кричит непонятно от ужаса или протеста. Вряд ли от восторга, но вот вопрос, если она вдруг ярая верующая, закричала

бы она от восторга, узнай, что я давлЮ самого Дьявола?

Мы скрываемся с места. Я переезжаю Явала и искренне сожалею, что не слышу хруста его ломающихся костей. А затем мы едим дальше. Пусть повалется, ему потребуется время восстановиться.

— Прошу останови машину, — хрипит Лика, слишком бледная и слишком перепуганная. — Мне плохо.

Но мне сейчас не до нее. Спустя несколько минут она вырубается. Мне так даже легче, доедем хотя бы без истерик в тишине. Очень нужно подумать.

Явал очухался спустя пятнадцать минут. Он смотрел на грозовые тучи и не шевелился. Единственное, что его волновало, это ногти. Правые пальцы руки сжимали светлые локоны, под ногтями тоже имелось кое-что ценное. Странно, но именно в этот момент он при всей своей смазливой внешности, скалился страшной из своих улыбок. Зверской, кривой, почти инсультной. И смотрел он не в черноту неба, а в мистическое пространство. Его взгляд обжигал небеса ненавистью.

Он рывком поднялся, и час спустя вошел лабораторию. Положил на стерильный стол локон, взял пинцет выковырял из под ногтей материал ДНК Лики. Все действия и его помятый вид, ничуть не тронули доктора Ката, хотя тот находил повадки начальника экстравагантными.

— Хм, и ты тоже без нее. Нужно признать для смертной, она первая для вас неуловимая добыча.

Явал молча фыркнул.

— Ну, да это уже не важно, — Кат сгреб добытое со стола. — Узнаем, стоит ли игра свеч. — Легард сообщил, что нашего подопечного нет в родовом замке. Носит его не легкая неизвестно где.

— Стоит, — отозвался Явал, подойдя к раковине, умываясь и отмываясь. — Они снова вместе. Она и он. И раз он клюнул то, скорее всего эта наша девушка.

Кат скептически дернул бровями, ничего не сказал, поставил приборы с биоматериалами в новейший сканер ДНК. Единственный в мире, основанный на квантовом эффекте.

— Так что, сообщи мне, когда будет готово. Илья и девушка, если это так... Нельзя их упустить. Не в этот раз, не сегодня.

— Ну, вряд ли они придут к нам сами, — отозвался Кат — Обнуление памяти сложный процесс. К тому же чреват потерей разума. Этой девушке лучше бы для нее самой быть кем-то иным, но не Руной. Не находишь.

Явал выпрямился, посуровел:

— Мне плевать. Я уверен, что это она. Главное, чтобы ангелы ни о чем не догадались. Мы должны добраться до них первыми. Дай мне уверенность в том, что я прав.

Спустя два часа, доктор Кат кивнул Явалу, успевшему задремать в ожидании анализов.

— Это она. Подходит, на 80 %. Жаль, только что по побочному признаку.

Явал с облегчением выдохнул и улыбнулся. Один ноль в его пользу.

* * *

Первый приступ воспоминаний случился сквозь обморок. Вибрация и шум подсказывали, что я все еще в машине психа. И он куда-то меня везет. Меня топил образ леса и волчицы, такой огромной серой. Я точно знаю, что она друг. Более того, она моя мать. Смутное чувство радости, дома, чего-то уютного.

А затем, резкий удар и я вынырываю из забвения, распахиваю глаза и на меня

обрушивается реальность. Смотрю на мужчину. Я его уже сегодня видела в метро. Когда случилась перестрелка. Парень за рулем огромный. Темноволосый, у него достаточно гармоничные черты лица и горящий взгляд. Одетый во все черное, он мне кого-то напоминает. Следующие мысли, что приходят в голову: он спас меня. Там дома, если бы не он меня убили бы.

Я пытаюсь вспомнить анатомические подробности и разум отказывается в них верить. Все воспоминания кажутся нереальными. Разве в жизни существуют такие чудовища? Люди только под психотропными веществами способны проламывать стены и драться после того, как в них всадили десяток пуль. А главное, при чем тут я? Две перестрелки за сутки, кажутся мне не совпадением. Я трогаю щеку и вырванный клочок волос, все болит, на фоне общей боли по всем телу, кажется это мелочи. Кровь уже успела свернуться и запеклась. По-хорошему нужно все обработать, чтобы избежать риска попадания инфекции.

— Куда мы едим? — спрашиваю я, видя, что мы уже за городом и приближаемся к огромной территории, с высоким забором и охранной по всему бесконечному периметру территории.

— Домой, — отвечает он. — Тебе известно, зачем ты понадобилась этим людям?

Я смотрю на ворота, мои мысли полны страшных образов от испуга. Это тюрьма? Что это за дом? Вероятно, все подозрение и ужас читается на моем лице так же просто как заборе, потому что тон моего водителя становится мягче:

— Не волнуйся и не переживай, — он окидывает меня цепким взглядом, проверяя повреждения, целая ли я. — Я, Илья Кадуций.

В следующий миг, он прикасается к моей шее, к сонной артерии или блуждающему нерву, и я насильно уплываю в забвение, в котором все слышу и чувствую, как сквозь транс или полусон. Вероятно, его расчет был не на это. Я должна была вырубиться, но я ощущаю, как машина тормозит, а после сильные мускулистые руки поднимают меня вверх так легко и просто, горячо и нежно прижимают к себе, так знакомо и обыденно. Странно...Мы знакомы?

— Что это такое? — слышу я озадаченный и брезгливый женский голос.

— Заткнись Фрея. И никому ни слова.

— Кто она? Такая миленькая? Фу, человек!

— Открой, лучше черный вход в левой башне.

— Наверняка поползут слухи, что ты завел себе, наконец, подружку. Но, она же человек, зачем ты привез ее сюда? Сюда! О чем ты думаешь?

Я ощущаю, как мужские руки крепче жмут меня к себе.

— Фрея, что тебе нужно? Зачем встречала? Я заколебался тебя видеть каждый раз, стоит мне переступить порог дома.

— Не мни о себе много. Ксавье искал тебя. Велел найти и привести к себе, — в истерии женский голос звенит. — И давай шевелись! Шевелись.

Спустя время, он опускает меня на что-то мягкое, и отпускает. Голоса стихают, а я пытаюсь вырваться из неопределенного состояния.

* * *

Новость о том, что я привез в дом человека, распространилась быстро. Ксавье пришел в

ярость. С недавних пор его легко привести в подобное состояние.

— Ты совсем рехнулся? Почему у тебя крыша едет, именно перед важными событиями. Почему каждый раз ты творишь дичь? Ответ? Нельзя держать себя в руках, почему сейчас? Не раньше или позже? Сейчас!!! Я дал тебе четкий приказ, ты должен готовиться к приезду Сорены. А ты, где? Где тебя носит?

Он замолчал, оценивая эффект от произнесенной тирады, разочарованно отвернулся.

— Послушай, Лика нужна демонам. Я там вообще-то не прохлаждался, а вел бой.

— Я приказал тебе делать, что-то другое!

Он хлопнул кулаком по столу.

— Я знаю, что ты приказал. Но Лика важнее, всего, о чем ты приказал. Она особенная...

— Лика! С каких пор? Как давно ты ее знаешь!?

— Да, выслушай же ты меня, — взорвался я.

— Да, что вообще происходит? С чего ты взял все это!?А? Демоны, человек, а?

Я не ответил, не зная стоит ли ему сообщать об Явале. Информация, конечно важная, но его ли это уровень. Ксавье глава Рода, но он не старейшина Рода. И к тому же, как глава Рода, он обязан знать об этом, так что он уже может знать и не афишировать.

— А может все проще, — прервал паузу Ксавье и губы его изогнулись в издевательской улыбке. — Ведь у тебя давно никого нет. Уже несколько столетий, насколько я помню. Лет пятьсот. Верно, братец?

— Зачем мне кто-то, когда с обязанностью пилить меня, и ты прекрасно справляешься, братец?

— Да, пошел ты!

— Девушка моя и под моей защитой, — отозвался я, видя, что он в бешенстве.

— А вот это, мы посмотрим, — прорычал он, и мы сцепились, по-братски так сказать. — Это моя территория и мой дом!

— Это дом Адама, и он вовсе не твой. Он глава Рода!

— Юридически, в плане перехода, это не так и ты знаешь об этом.

— Видимо договорится не получится, — закончил я, и после этого врезал ему в челюсть.

* * *

Второе воспоминание была намного ярче первого. Оно обрушилось на меня и за ним, выстрелами-сериями полились другие. Их чересчур много. Они рождались в голове в качестве красочных образов, воспоминаний, лавинообразно наполняли разум, перегружая мои синопсисы. Я вспоминала какую-то прежнюю жизнь. Где я жила другим человеком, у меня иное имя, и вообще, как бы дико не воспринималось, я была волком! Возможно ли подобное? Как медик, я точно знаю, что нет, не возможно. В теорию реинкарнации, верилось с трудом, и посему, как только поток ослаб, я вскочила на ноги, шатаясь от сбивающей слабости. Со мною сотряслось слишком много всего за один вечер. И это стресс, уговаривала я себя.

Лучшим решением в данной ситуации, казался побег. В конце концов, любой человек в критической ситуации старается свести как можно больше неизвестностей к минимуму. Поэтому выскочив из комнаты, я довольно быстро нашла выход и оказавшись на улице,

обрадовалась забытым ключам в машине. Дальше все было, как в тумане.

Машину выпустили с территории, вжимая педаль газа в пол, я ехала по заливаемой ливнем ночной трассе, соизмеряя их направление взмахам дворников на лобовом стекле.

В моей жизни хватало странностей. Начать хотя бы с того, что в 22 в аварии я получила травму головы и лишилась памяти. А дальше было гораздо интересней. Не было никакой информации на мою личность в базах данных ни в одной службе страны. Ни данных, ни отпечатков, ни историй болезни, ничего... В конечном счете, удалось узнать, что в шесть лет, я потерялась. Семья нашлась. Но что я делала и где была предыдущие десятилетия, никто не знал. А я никак не могу вспомнить. Мучаясь этим, пытаюсь полюбить свою вновь обретенную семью, я пошла, учиться на медика. Мне нужны были ответы на мои вопросы.

Но то, что я видела сегодня в квартире, не вписывалось ни в какие концепции и теории биологии или Дарвина. Только в мистические и божественные. Те не люди, были больше похожи на животных, чем на людей. А мой спутник. И тот, что нападал на нас в лифте, а потом ногтями вскрывал машину, сколько нужно силы или наркоты, чтобы творить подобное?

Я не могу пойти в полицию и заявить о переезде человека, я буду соучастницей. В квартиру возвращаться элементарно страшно. А в Париже у меня нет ни родных, ни знакомых, кроме Октана. Вряд ли его новая девушка обрадуется вторжению в их любовное гнездышко бывшей. Голова шла от всего случившегося кругом. Но другого выхода, я не видела.

Вопрос с Ксавье не удастся решить. В нашу разборку вмешались, растащив каждого по углам. И за этим последовала обычная реакция старшего братца. Домашний арест, нотация о разочаровании и прочие прелести воспитания, которыми я давно уже был сыт по горло. Но перемещаться мне по дому никто не может запретить. Некоторое время, я валялся на кровати, в собственной комнате прокручивая в голове раз за разом события с Ликой.

Вот мы в метро и она ползет к несчастному словившему пулю, вот она в квартире и ее зрачки широченные от страха, и затем уже в лифте. И Явал. Я-в-аааа-л, демон его, мистер забодай-задолбай, большая заноза под ногтями у ангелов. Как он мог быть живым? Живой!!! Чего стоила тогда легенда о том, как с последним сброшенным в объятия смерти Демоном, сгинет вслед за ним все его племя. Ложь?

ЛОЖЬ!

Выглядел он прекрасно. И он знал ее. Знал, иначе бы так не цеплялся за машину. Зачем им девчонка? Лика. Ее личико и волосы. Снежные и белые, как зимний сугроб. Кожа у нее тонкая, прозрачная, под ней видны синеватые венки. Только брови и ресницы сероватые. Глаза яркие, странного оттенка. Радужки на краях цвета высушенной розы, жженный бархат с зеленым нюансом, к зрачку окрас менялся на темно-шафрановый. Раскосый разрез, слегка миндалевидный. Она словно помесь демонов и ангелов. Но она же человек. Я точно знаю.

В той спешке, я толком не успел запомнить ее запах. Руки у нее точно пахли химией, дезинфицирующими средствами, волосы ничем, а кожа? Я не смог вспомнить. Но стоило закрыть глаза, как перед глазами поплыл совершенно другой образ. Рыжая с зелеными глазами девушка. Тоже белая кожа, но все остальное, иное. И тело тут же откликнулось, отозвалось так, как давно не реагировало. Ксавье прав, нужно найти хоть кого-нибудь, а то фантазии прут, как у подростка. Хотя красавица была замечательной. Я не смог отбросить ее образ одним махом. Вместо этого внутренне улыбнулся, разглядывая его, притягивая к себе. В девушке что-то было манящее. Но я не мог вспомнить, чтобы когда-нибудь встречал такую в реальности. Я бы не забыл. Рыжая пахла бы лесом, пахла хвоей и кедром, мокрым мхом и нетронутостью... Она стала бы моей.

* * *

Утром в комнату, как всегда без стука вошла Фрея. Сам виноват, не запер дверь. Принесла перекусить и составить отчет для Ксавье. Она поставила поднос на стол.

— Девушка, которую ты привез, — произнесла немного неуверенно. — Она уехала. Ее приказали вернуть.

Я промолчал, обдумывая случившееся. Могла Лика уехать, конечно, могла. Я же ключи оставил в машине. О чем я только думал? Внутри разгорался жар недовольства. Все казалось нестыкующемся, чрезвычайно сложным. Будто нарочно собрали вместе не собираемое.

— Ксавье уехал встречать Сорена, — добавила она, постояла рядом, но так и не дождалась от меня ответа.

Я лежал и думал, как связана девушка с тем, что демоны ходили пять раз одной дорогой? При чем тут умерший ангел и пуля, так похожая на наши, но не наша. Лика и Явал,

их что связывает? Почему Явал жив? Почему демонов так много и сколько их на самом деле? Вот-вот должен приехать старый Хранитель. Сорен будет меняться местами с Адамом. И Ксавье сокроет всю правду. Спрячет. Он не будет проверять мои слова, правдивость или что-то еще. О нет, его интересует, только смена Хранителей и трон. Пока Явал и его орда не постучится в двери Родового замка, он ради своей жалкой власти, даже пальцем не пошевелит.

А что будет делать Явал? И почему я сам всегда думал, что он мертв.

Я вскочил с места.

— Фрей!

Она с радостью обернулась ко мне, пытаюсь понять, что же я хочу от нее. В кое-то веки я позвал ее, обратился к ней и значит, наконец, мне что-то нужно от нее.

— Где я могу найти информацию о Явале?

Фрея разочарованно опустила глаза, остановившись взглядом, где-то в районе моего паха.

— В библиотеке, — потянула, видимо надеясь на что-то.

— Точнее можно. Ты же отвечаешь за перенос информации.

Она пожала плечами и подошла ко мне слишком близко. Ее намерения очевидны, и я жестом останавливаю ее.

— Ты забыла про мою уехавшую подружку?

Фрея кусает губы.

— Я не против твоих подружек.

— Думаю, если позовем Ксавье, будет веселее.

Она поднимает обиженный взгляд, но молчит.

— Вот и славно. А теперь марш в библиотеку, и чтобы через час у меня на столе лежали книги, — велю я, слегка улыбаясь. Надо же ее обнадежить.

Фрей и этого хватает. Она девушка отходчивая и чрезвычайно забывчивая. И пока Фрея не шпионила за мной, я мог спокойно заняться своими делами. А именно...

* * *

Спустя полчаса Франк истекал кровью от наших же путей. Охрану на пульте управления я перебил сам. Больше не было пути вперед, только смерть, но то, что я видел казалось страшнее смерти. Хотя мог ли я на это жаловаться, я ангел Смерти. Двери я заблокировал везде, где только смог. Я вошёл внутрь, впервые перешагивая порог, ранее отделяемый Старейшин от всего дома прозрачным стеклом. От этого простого шага у меня перехватывало дыхание. Некоторое время я стоял и смотрел на Образы. Какой из них Ангел. Может все, а может только два?

Я выбрал крайнее Зеркало. Взял за край и поволол его к центру, развернул в горизонтальную плоскость и оставил так стоять. Вернулся к пульту управления, набрал комбинацию открывающую слой за слоем все перекрытия над Хранилищем. Лишь с одной целью, добраться до самого верха, туда, где солнце. И когда последняя заслонка была открыта, с помощью системы зеркал на Образ обрушился отраженный свет, заливая костяные пластины с высохшей плотью живой теплой энергией жизни. Он впитывалась в них, втягивался, стремительно темнея, насыщаясь оттенками. Они оживали на глазах и скоро

весь стол покрылся белой туманной дымкой. Двигался, ёжился, мешался, дым напитался настолько плотно, что скоро застыл белым маревом, от которого смотреть глазам с каждым мгновением становилось больнее.

Никогда за все столетия я не видел подобного. Древний ритуал всегда проводит Хранитель с Хранителем за притворенными дверьми. От силы сияния не было сил стоять даже с закрытыми глазами. Мне пришлось отвернуться. И спустя минуту, в помещении произошел интенсивный скачек света. Спину горячо обожгло огнем. Свет вскипел, заплескался подобно воде в большом бассейне, затем начал снижать насыщенность и померк, застыл обычным отражением на стенах.

— Обернись, Илия.

Увидел я не Адама, а женщину. Очень старую не по виду, не по внешности, а по возрасту. Настолько древнюю, что узнать в ней ангела было бы сложно. С удивлением и изумлением я рассматривал ее молодые глаза цвета грецких орехов в обрамлении черных ресниц и светонепроницаемую кожу. Волос ее, как и кожа, и частично лицо и руки остались, покрыты кусочками костяных пластин. Очевидно, она не до конца трансформировалась, эта женщина-ангел в мозаике. На ней было одето что-то типа русского царского орната. Распашное длинное одеяние без воротника богато расписанное золотой нитью, жемчугами и драгоценными камнями походило на рисунки на стенах Хранилища. Волосы убраны в тугую черную косу.

Я планировал пообщаться с Адамом, но мне ничего не оставалось, как приклонить колено и склонить голову, заговорить на древнем языке ангелов, так как она обратилась ко мне именно на нем.

— Прости меня Хранительница. Мне пришлось привести кого-то из вас к жизни. Я не нашел другого выхода, потому что знаю, Явал жив! В наших подземельях под городами слишком много оборотней. Взываю к твоей мудрости. Ты видела мои воспоминания вместе со светом. Ангелы погибнут, если ничего не предпринимать.

— Ты даже не знаешь, как меня зовут, мальчик, — произнесла женщина медленно, словно считывая информацию из воздуха. — Зови меня Ольга. Подойди ближе ко мне, мое дитя.

Я кивнул, приблизился к ней.

— Ты показал мне много тревожных вещей, Илия, — поговорила она, рассмотрев меня, я же молчал. — И ты не знаешь, почему меня никто никогда не будил, верно?

— Нет.

— Я белая мать, — она подошла к зеркалу, на котором теперь ничего не было кроме золотой пустой рамки, что блестела в лучах солнца, повернула ее в горизонтальное положение.

Мне нечего было сказать. Затем вернулась ко мне и взяла за подбородок подняла мое лицо, вглядываясь внутрь меня.

— И ты ничего никогда обо мне не слышал, — заключила она.

— Нет.

Она отпустила. А сама в это время смотрела на росписи на потолках и стенах Хранилища. При свете дня в лучах они смотрелись красочно, живописно, совсем не так как я привык их видеть в полумраке и темноте.

— Твои воспоминания спутаны и хаотичны. Меня тревожит, что тебе известны всего три Хранителя. А где же все остальные?

Я видел, что она не довольна. Но добавить большего, чем она увидела в моих воспоминаниях, не мог.

— Мне известны имена троих. Ной, Адам и Сорен. Последний едет, сейчас сюда. Но я прошу помощи у вас. Если вы не сочтёте это за дерзость.

Она разозлилась, сузила глаза, и лицо ее исказил гнев.

— Сорен и Адам. А Явал?

Я уставился на нее, не понимая.

— Явал, один из хранителей?

Она цокнула, покачала головой, нелегко вздохнула, разглядывая меня с еще большим недовольным строгим взглядом.

— А для тебя он Демон? Оборотень? Как давно идет война?

— Почти 10 тысячелетий.

В ее взгляде сверкнула ярость. Ольга шумно выдохнула, пораженная цифрой. Она бесспорно давно спала, и ее специально никто не будил.

— Человеческая память, так коротка. Всего 2–3 поколения хватает, чтобы была забыта традиция и не больше десятка, чтоб было забыто все. 10 тысячелетий. Сколько сегодня Хранителей пробуждаются, не считая Явала?

— Семь. Но я видел только тех, что назвал. В этом зале всегда трое, о вас мы ничего не знали. Остальные зеркала хранятся в других родах. Существует семь Хранилищ с семью Образами в каждом.

— И Явал, — произнесла она, разглядывая зеркала, а затем вытянула руку к центру, и направила вверх. — Очередная ложь для всех.

В небе над Хранилищем, начал стучаться свет. Шаровая молния собиралась у нас над головой, сверкая бликами, как солнечный диско-шар. Дико раздувшись, он взорвался. Тысячи осколков из пустых образов хранилища полетели в разные стороны, не задевая лишь нас.

— Четыре зеркала, — произнесла она, пройдя по осколкам и подводя итог действиям. — А должно быть семь. Один из нас мертв.

— Почему?

Мне как то не пришло в голову спросить про второго. Да и спрашивать, я тоже бы не решился.

— Адам, Ной, Сорен, я, Явал, — она подняла на меня глаза. — Мертва красная мать, поэтому мир вырождается. Судить по твоим спутанным воспоминаниям, ты живешь с представлениями о великой войне, произошедшей 12 тысяч лет назад. Дьявол, то есть Явал сброшен в преисподнюю. А ты борешься с его последователями. Демонами-оборотнями, игнорируя законы природы и баланса. Ужасно! Вы убиваете братьев и сестер. Кто начал эту ужасную войну?

Мне нечего было сказать, мне вспомнилась легенда о трех матерях. Красной, белой и черной. Многочисленные сказки, повторяющиеся у человеческих народов. О трех конях, о трех реках, о трех цветах. Больше я ничего не знал, Ольга долго спала, а мои воспоминания начинаются с момента окончания войны.

— Явал.

— Есть доказательства?

— Все знают это, как истину.

— Легенды и сказки, на которых вы строите жизнь? — кажется, она была впечатлена.

— Ну, все произошло так давно...

— Именно поэтому должен был соблюдаться неугасимо ритуал пробуждения. Обряд был нарушен и ни один из здравствующих и пробужденных не забил тревогу? У вас нет необходимых навыков, сохранять знаний! Им обладают только Хранители Рода. Поэтому вы и не помните даже своей собственной истории!

— Явал враг!

Она зашипела и выпучила глаза, казалось, она готова была меня убить.

— Явал всех нас спас! Штфу. Голимая несусветная болтовня о врагах! Кто бы не нарушил правила, он ответит за это! Нельзя нарушать правила, это приводит к гибели всего живого. Ты не будешь наказан, только потому, что оказал мне личную услугу. А теперь оставь меня. Мне нужно собрать еще много света, но так, чтобы не испепелить твою плоть. И жди, я тебя позову, Илия. Призову, как мать сына.

Я не понял о чем она, но все-таки хотел узнать, поэтому спросил:

— Личную услугу?

— Ты не помнишь?

Я отрицательно мотнул головой.

— На память вроде бы не жалуюсь, но вот подобного хоть убейте, не припомню.

— Ты привез мой Образ из России, — она несколько секунд вглядывалась в меня, а затем слегка повела плечами. — Видимо, Явал стер у тебя воспоминания. Расспроси его потом.

Я покинул Хранилище впечатленным и до конца не верящим в случившееся. И рад бы переварить все в тишине и покое, но не тут то было. Меня тут же схватил Ксавье, набрасываясь с кулаками. Бороться нам не дали. Меня быстро скрутили и зафиксировали.

— Если бы я только знал, если бы видел, кого пригрел!

Он сыпал гневными фразами, не замечая, откуда я вышел, и что происходит у самого за спиной. Там стоял Сорен. Он прислушивался, а потом резко гаркнул:

— Тихо! — все замерли мгновенно, пока он смотрел на меня. — Кого ты пробудил?

— Войди, да узнай, — отфыркнулся я, ощущая странную смесь злобы и удовольствия.

Сорен выглядел молодо, как и Ольга, но в глазах у них стояли века. Тысячелетия жизни. И за этим течением вечности кипели страсти. Они смотрели на людей, как те на мух или бабочек. Длинная жизнь и суперкороткая, несмотря на разность во временном интервале, обе имеют много общих страстей. Порой человек проживает жизнь, как за три дня и бабочка три минуты, как целую жизнь. У ангелов тоже самое.

А затем произошло то, что вышла за грань понимания. Двери в Хранилище распахнулись и в его центре все увидели Ольху. Та светилась, как и положено древнему ангелу светом, собирая его прямо из солнечных лучей. Мы так теперь не умеем. Единственный уцелевший образ с Адамом был перевернут вертикально и подставлен под лучи света. А на нем гуляла белая дымка. Она пробуждала его. Ее взгляд встретился со взглядом Сорена и она провозгласила:

— Пригласи Явала, Сорен. Я объявляю сбор старейшин. А детей попроси подождать внизу.

Тот кивнул. Двери в Хранилище захлопнулись с огромной силой.

— Явала, — крикнул Ксавье, но ему никто не удосужился ответить даже взглядом. — Хранитель!? Кто-нибудь мне что-нибудь объяснит. А? Что здесь творится?

Сорен бросил взгляд на парней скрутивших меня.

— Отпустите его. Ты победил Илия. Хотя сам не постигаешь, что сделал. Поздравляю.

Ксавье тут же обратился ко мне, ничего не понимая и явно ощущая себя не в своей тарелке. Больше никто его не слушал и не обращал внимания. Больше Ксавье не был главой Рода.

— Неприятно чувствовать себя ничтожеством, верно братец? — оскалился я. — Считай, папа с мамой вернулись домой. И судя по всему, теперь у нас есть дядя.

* * *

Я не успела доехать до Октана. Поместье из которого, я так здорово улепетывала находилось за городом. К счастью навигатор отлично выполнял свою задачу. На подъезде к пригороду Парижа, пришлось остановиться. Дорогу заблокировали дорожники, намереваясь работать даже ночью, видимо у них горели сроки и как только окончился дождь...

Почему мне не пришло в голову никаких подозрений. Ведь не было дублирующего, объездного пути. Обычно его предоставляют рядом. Ни навигатор, ни знаков в свете фонарей не было видно. Не было других машин возвращающихся в город.

Я вышла из машины. И как только дверь хлопнулась, подъехал черный внедорожник. Выскочили два здоровых мужика, и ни говоря не слова, схватили меня и затащили в салон.

Обычно в таких ситуациях люди реагируют. У меня лимит криков и страха на сегодня был исчерпан. Я отреагировала с каким-то ненормальным опозданием. Дернулась, заскулила, а затем, беспомощно ощущая, как жало иглы колит руку, вырубилась.

Проснулась все в той же комнате, откуда ушла до этого. Открыв глаза, несколько минут я разглядывала потолок. Сон пошел на пользу, но вместе с ним пришла новая порция воспоминаний. И, кажется, медленно и верно я сходила с ума, так как они были вовсе не мои эти архивы памяти.

— Здравствуй.

Голос принадлежал Илье.

— Сколько времени? — вопрос был весьма резонным, так как во рту дико пересохло и организм вопил об обезвоживании и нужде.

— Полдень.

Он сидел в кресле рядом с кроватью, упираясь локтями в подлокотники и соединив ладони вместе, смотрел на меня.

— Можно мне воды и в туалет?

— Ты не в плену. Ну, почти, — ответил он, продолжая смотреть.

Осторожно встав, я прошла в указанном им направлении. А когда вышла, то увидела на столе поднос с завтраком. Или обедом. Это было не важно. Есть и пить хотелось страшно. Я не ела почти сутки.

Этот парень, он кажется невероятно знакомым. Я не знаю, откуда, кто он, но каждый его вздох, каждое движение, взгляд, бьет наотмашь по моему сознанию, и то дергается, воскрешает картинки, обрывки из мешанины воспоминаний. И поэтому, я задаю кажущийся уместным вопрос:

— Кто я такая?

* * *

После разговора и случившегося в Хранилище, спустя несколько часов, казалось логичным ничего не предпринимать. Хотелось найти Лику. И я собрался отправиться уже на ее поиски. Как минимум пройтись по ее знакомым, заглянуть на работу, поискать машину. Когда в комнату вошел сам Явал. Он нес на руках девушку. То, что чувствовал я, казалось странным, не возможным. Злость. Странное чувство узнавания. А затем, когда он осторожно положил спящую Лику на кровать, мне оставалось лишь скрестить руки на груди и вопросительно посмотреть на него.

— С чего вдруг?

Явал улыбнулся, посмотрел на девушку, затем на меня. Вздохнул, наслаждаясь моим вопросом, очевидным ожиданием и собственным нахождением здесь.

— Когда-то это комната принадлежала мне, — ответил он с ухмылкой. — Знаю, что она теперь твоя. Но что поделать, все течет, все меняется.

— Да, — ответил я, понимая, что сотни лет ненависти не проходят даром. Мне все также хотелось его убить, все также чесались руки выпотрошить его поганую душу. И вот сюрприз-сюрприз, Явал теперь хороший. — Ольга сказала, ты стер мне память. Как такое

возможно?

Тот продолжил улыбаться, но остался стоять на месте.

— Ты ангел смерти, а я ангел тьмы. А тьма это забвение. У каждого из нас свой дар. Это было не мое решение, Илия, а совета Хранителей. Грядут большие перемены. Я понимаю, тебе хочется убить меня, но поверь на слова, я не тот, кем вы все меня тут считаете.

— Да неужели? Ну, просвети меня, кто же ты?

Он не ответил, посмотрел на девушку, а затем мотнул головой в сторону выхода. Я преградил ему путь. В конце концов, даже если я не должен его убивать я могу хорошенько надавать ему по наглой роже. За все хорошее и плохое! Мы схватились посередине комнаты, удерживая друг друга за грудки, и в какой-то момент должна была начаться схватка. Если бы не одно но. Явал ударил раскрытой пятерней в мое солнечное сплетение, резко и быстро нажимая на неочевидные энергетические точки. В то время, как я пытался свернуть ему челюсть и раскроить череп.

— Мальчишка, — уничижительно ругался он. — Ты не стоишь даже хорошей трепки.

Явал уходил от моих ударов, одного, второго, третьего, четвертого, а на пятом мне стало нечем дышать. Явал продолжил шипеть:

— Эта девушка. Не уппусти шанс, как в последний раз. Заверши начатое! Иначе всем нам финал!

Открыв рот, задыхаясь, я пытался вдохнуть хоть каплю воздуха, втянуть ее через рот, нос, поры. В глазах потемнело, кроль прилиwała к голове. Меня унесло в бездну забвения.

Во тьме ко мне лилась тьма, окутывала воспоминаниями. Вот я ребенок и кричу мать. Ее образ возникает из черноты и это Ольга. Зову ее. Она улыбаясь, манит руками к себе. Вот я подросток, узнавший только-только, что я не человек. Дерусь с Ксавье на деревянных мечях, и мы разбиваем кованый щит в трещины. Вот я мужчина и в нашем Роду проходит собрание старейшин. На нем я вижу знакомые лица. И два новых. Двух женщин. Красная и Черная матери. Мы собрались все вместе, потому что на нас движется волна холода. У нас нет защиты. Род принимает решение о создании щита из семи зеркал. Три матери и четыре отца создадут его. Семь избранных людьми и Богом.

Гибнет одна из матерей, планета теряет свой угол, накреньяться в оси. И нас ждут великие перемены. А затем я вспоминаю Руну. Красную волчицу. Она одна из многих, кто подошел мне из рода людей, для того, чтобы перейти через Алатырь камень. Я искал потерянный образ Ольги. А нашел ее. А затем Лизу, и ее переход, прыжок во времени через меня. Ее я потерял. Чуть с ума не сошел от горя. Лиза могла сократить путь вдвое к нашей цели спасти мир, но не сократила. И тогда я попросил Явала укрыть мою память до лучших времен. Он и укрыл, замкнул в восьмерку бесконечности, через семь Хранителей. Но одно место пустовало. Выхлестывало, наклоняло наш мир в неправильную сторону эволюции и отсюда столько оборотней. И эта тьма, оборотни, Явал убивали меня в забвение и я кричал. Громко. Срывая голосовые связки, кричал, пока не кончился.

Я пришел в себя на полу. Из носа течет кровь. Но я прежний, такой собственный и в себе, как никогда. Явал спас нас. Замкнуть время, это все что он смог сделать.

И когда спустя пару часов Лика спрашивает меня, кто она такая. Я понимаю, что ее тоже мучают воспоминания, может не такие, как у меня. Она ведь живет всего одну крошечную человеческую жизнь. Такую маленькую, как у бабочки однодневки.

Я подхожу к ней и целую ее. Целую нежно, ласково, я не хочу больше ее терять. Скоро к ней начнут возвращаться душевные навыки. Она снова сможет путешествовать в

воспоминаниях и прыгать в пространстве, а некоторое время спустя обретет способности оборачиваться волком. Я несу ее на кровать, потому что иначе она грохнется на пол. Сегодня он пользуется большой популярностью.

Ли́ка не отвечает, но затем с удивлением вспоминает нечто, и ее пронизывают новые воспоминания. Она толкает меня и трудно дышит. Смотрит, вытаращив глаза, отползает по покрывалу кровати на другой край.

— Ты, это он, — шепчет шокировано, а затем закатывает глаза. Закрывает их и глубоко дышит. Пытается поверить и привести разум в порядок.

— Как такое может быть? Как? Невозможно!

— По сравнению с чем? С тем, чему тебя учили всю жизнь? Ты же не удивляешься, что думаешь и говоришь на одном языке, а в мире существуют сотни других, разных звуков и сигналов другого рода. Все это языки. Так много, что даже представить невозможно.

Ее не интересует сейчас мир, ее интересует она сама.

— Эти женщины Руна, Лиза, это я? Я же! Это мои жизни. Мои тела! Это я в них. И воспоминания, это было со мною.

Мне трудно представить, что с ней творится, но я точно знаю, что она испытывает радость от узнавания самой себя. Все ее испытывают.

— И мы с тобой, — она смотрит на меня, выразительно, открыв рот.

Я киваю, мне нечего больше добавить. Что было, то было.

— Какие странные ощущения, — она прикасается пальцами к груди, к ключице. — Будто со мной и в то же время не со мною, как будто очень давно, и теперь я другая. Это потому что тело другое?

Я снова киваю. И тут Ли́ка делает огромнейшие глаза и смотрит на меня в крайнем непонимании:

— Но зачем!? Зачем тебе это нужно! Это делать со мной?

Я смотрю на нее спокойно, знаю, что от ее решения будет зависеть дальнейшая судьба мира, моя жизнь и может быть даже планеты.

— Нам нужен проводник. Ты слышала, когда-нибудь о цветущих вселенных? Нет? Ты умеешь прыгать в воспоминаниях, а благодаря способностям оборота переносишь перемещения во времени. Хотя сама перемещаться во времени не умеешь. Я был твоим провожатым. Я ангел Смерти.

— Ты специально! Да!?

— Первый раз, да. Второй нет. Второй все пошло наперекосяк. Я не знал, что ты умеешь прыгать через воспоминания. В этом смысле ты уникальна. И Явалу пришлось искать тебя очень долго из-за внутренних разборок Рода. А нам ждать века, пока ты появилась в будущем.

— Нам? Кто вы?

— Мы ангелы, — отвечаю просто, как если бы это было все, так и в самом деле. Она не понимает, даже не верит.

— В смысле, ангелы? С крыльями, как в Библии? Из Рая?

Я киваю, с большим трудом соглашаясь с подобной трактовкой, но сейчас нагружать деталями ее не стоит.

— И есть Дьявол и демоны?

Все-таки вздыхаю, нам никак не обойтись без подробностей, выбираю сказочный, почти детский вариант.

— В индийской мифологии существует шесть каст. В общеизвестном профаническом понятии принято считать, что их четыре. Но на самом деле их всегда было шесть. Четыре только для людей. Еще есть каста Хамсы, то есть моя. Иногда ее называют кастой Лебедя. И была низшая карта, ниже касты неприкасаемых, каста Чандалов или Парии, или «Выпадающих вниз». Их даже не относили к человеческому роду, считалось, что у них подчеловеческие состояния сознания. Так родились ваши мифы об ангелах и демонах. Мы их называем демонами или оборотнями.

— То есть ты тоже, — она смотрит на меня внимательно, изучает. — Человек?

— Только живу вне времени, впрочем, как и Чандалы.

— В смысле, как бессмертные?

Мне трудно объяснить ей, что нет и да одновременно. Лика думает, затем вспоминает:

— А проводник куда?

Еще один сложный вопрос, настолько, что я не решаюсь объяснять ей сам. Вместо этого, я валю ее на спину и целую со всем жаром и страстью, на какую только способен. Ощущается, как Лика обескуражена, но затем поддается моему напору. В конце концов, она уже больше не Руна и не Лиза, она все еще Лика. Уверен, спустя некоторое время она станет чем-то средним. Но пока, она та, кто она есть. И я хочу ее до одури.

Эпилог Зона 81

Спустя 100 лет с момента последнего поцелуя Лики и Ильи.

День запуска «Мечты» прошел по графику. Все системы давно уже были протестированы, отрегулированы и готовы к полету. Клод смотрел, как дождь барабанит по поверхности стекла медицинского блока космопорта Байконур и думал о том, как ненавидел криосон.

Ученые утверждают, что человек в анабиозе подобен мертвецу или амебе. Мозг погружен в питательную среду, в ней нет никакой интеллектуальной деятельности. Из четырех мозговых волн пульсирует только одна. Та, что отвечает за медленную фазу сна. В которой типа никогда не бывает видений или снов. Клод, как никто другой знал, это не совсем так. Словно спящая красавица, он ждал свою ведьму с яблоком, и та явилась в образе доктора Гуарова.

— Все в норме, — сообщил тот деловито, начиная подготовку к погружению. — Ваша команда уже в криокапсулах. Остались только вы. Значит, типовой лайт. В этот раз летите в базовом составе? Видимо ненадолго, наверное?

Клод кивнул, ничего не стал говорить. Он и его пилоты подписали документы о не разглашении, а еще стандартные процедуры подписи завещания, распоряжение по имуществу и прочие бумажки. Плюс три пассажира. Личности засекречены. Криокапсулы имеют дисплей прямо над грудной клеткой и лицом пассажира. Они нужны для отслеживания биохарактеристик и визуального контроля. У этих трех таинственных пассажиров мониторов не было. Что свидетельствовало либо о суперзаморозке и весьма длительной, либо о том, что лиц не должен быть видно — никому. Так что и в самом деле, доктор был абсолютно прав. Они летели базовым составом. Он, Тумэн и Зоя. И трое неизвестных.

По правилам, как капитан корабля, отвечающий за жизнь всего экипажа и пассажиров, он имел право сделать запрос и получить сведения о личностях, что вез. И Клод сделал его, но получил только данные о медицинском состоянии пассажиров и о том, что он везет живых людей. Не клонов, не биомассу, не животных или бог знает кого, а людей. В остальной информации последовал отказ. Так что Клод не был в восторге.

— Груз у вас сложный, — заметил Гуаров, и Клод с удивлением бросил на него взгляд. Тот пожал плечами.

— Три пассажира, все разной категории криосна, — объяснил он. — Супер, Обычная и Лайт. Редкое разнообразие.

Он, в общем, не выдавал какую-нибудь секретную информацию, но Клод узнал бы об этом, только в момент разгрузки, а не старта корабля. Не трудно догадаться, кто Лайт. Тот, кто полчаса назад жил обычной жизнью. Стандарт или Обычный, люди летающие на большие расстояния, но могли быть и заключенные сроком криосна на 3–5 лет. Супер режим указывал на срок сна от пяти лет и больше. Тут тоже всегда имелись варианты. Либо богач на пороге смерти, либо заключенный с большим сроком, либо бегун. Последние хоть и считались феноменальной экзотикой, но все же встречались.

— Готовы, — спросил Гуаров, собираясь ввести лекарство в вену.

Клод кивнул.

Корабль стартует, как и положено, строго по расписанию. Команда техников

космопорта выведет «Мечту» на орбиту. Такое случалось раз в два с половиной года. Обычно обходились челночными ботами, но по стандартам Космической ассоциации АУКП (Ассоциации участников космических полетов), все требовалось проверять и диагностировать, частично обновлять. Клоду кровь из носа нужно было выводить Мечту на орбиту. Когда корабль на дальней орбите, он считается в работе, когда стоит в ангаре на Земле не получишь ни одного заказа.

Все, что оставалось команде делать, спать, в ожидании пробуждения в зоне прибытия, где потребуется человеческий фактор. И если конечно все шло по плану, то повторное погружение в криосон в локальном режиме на месте. В их случае медицинский техник предоставлялся по оферте и договору Заказчиком.

— Счастливого полета, мистер Горцев.

В густую кровь влилась химия, разжижая ее, и Клода подхватила размытая волна забвения. Она унесла сознание в мир между бытием и не бытием. Туда, где как на реке Стикс существовал у каждого выпестованный свой личный Харон. Там тишина смешивалась с тенями. Он никогда не говорил с ним. Не спрашивал и не задавал вопросов. Он просто пребывал рядом. Будто ждал, когда Клод соберется переправиться на другую сторону реки. Клод ненавидел за это криосон.

* * *

Мечта неслась сквозь космические пространства. Бортовой компьютер высчитывал показатели и словно мозговая программа металлического организма, следила и следовала собственным генетическим установкам, магнитно-импульсных, радиолокационных и электрических сигналов, программам пути, бесконечно со измеряясь с внешним гравитационным путем, обходя преграды и препятствия. Проходя положенные отметки, тут же отправлялись на Землю отчеты, по которым долгий сигнал сообщал там дома: корабль все еще движется к заданной цели.

Номер квадрата 5718 указывал расположение комического куба пространства в объеме, но даже без сложных расчетов было понятно, что он находится ближе к центру вселенной, чем к ее краю. Цифры номеров пространств всегда растут от центра Вселенной к ее краям.

И Мечта спустя год достигла своей цели, приближаясь к заданному точечному центру с неумолимой скоростью и неизбежностью, выполняя задачи поставленные рукой человека. Целью уничтожить корабль, а вместе с ним и его пассажиров.

Сначала корпус корабля начало трясти от противодействию систем торможения мощному захвату и стягиванию с курса в сторону. Затем сработали системы отключения нагрева при закипании топлива реакторов. А потом треснул спецкожух в задней части «Мечты», отсекая спящей команде путь к челноку. Последующий шаг система отработала четко, она запенила микротрещину, но не разблокировала вход.

Причиной тому была одна маленькая система, основанная по принципу гироскопа. Именно она активировала программу торможения и запустила процесс начала аварийного побуждения команды, с целью быстрее эвакуации с гибнущего корабля класса «клипер». Мечта разваливалась на куски. Собиралась.

Дальше с точки зрения искусственной системы интеллекта, следовал творческий человеческий фактор. Фактор, придающий смысл всем действиям системы, по ее решениям.

И три члена экипажа, проснулись от дозы тормозящей действие химии и остановки программы анабиоза в своих капсулах.

Первый проснулся Гордцев. Клод буквально выпал из вертикального положения на гладкий пол медицинского хранилища, Все, что он ощущал, как голова идет кругом, а его тошнит. Слишком быстро система выводила членов экипажа из криосна. За ним рядом рухнула Зоя. Азиатку тошнило жидкостью из легких, но ей стало лучше. А Тумэн, ее напарник и муж, остался стоять в капсуле, окоченело, не открывая глаз, словно застыл в пороге, не решаясь выйти в мир бытия.

Корабль тряхнуло и он упал, как падает карандаш на стол. Прямо, жестко и глухо. И до Клода наконец дошло предельно четко и ясно, что Мечта гибнет. Умирает вместе с ними.

Игнорируя все сигналы тела, он поднялся на ноги и побрел вперед в первый модуль предназначенные для двух его пилотов-навигаторов. Рухнул в кресло, истекая рвотой и захлебываясь от бессилия и паники.

Перешел на полуручное управление, останавливая действие курса и притормаживая Мечту. Открыл щиты с лобового экрана.

Квадрат 5718. Точка их прибытия.

Ужас отразился в глазах капитана корабля, наблюдаемого за персональной тенью, за Хароном у реки Стикс для целой Вселенной.

Он смотрел на Черную дыру. На пункт назначения, куда привел его жизненный путь длиной почти в 500 лет. На ворота смерти материи.

* * *

Мечта перестала вибрировать, но больше не сопротивлялась новому навязанному курсу. Гравитационное воздействие, где искривлялось время-пространство, было столь великим и чудовищным в притяжении, что даже объекты,двигающиеся со скоростью света не смогли бы покинуть ее. Не было силы способной все повернуть вспять.

Клод смотрел на слабый мерцающий свет, похожий на красное пятно и ничего не делал. Так выглядела их черная дыра. Красный размазанный диск с черным пятном в середине. Он был даже по-своему красив.

Его первый пилот-навигатор, села рядом и тоже уставилась на самое устрашающее зрелище в своей жизни. Зоя сидела практически без движения, без дыхания и без эмоций. Ее бледная кожа, обычно смуглая казалось блее обычного. Волосы она медитирующим движением заплетала в косу. И это простое действие почему-то приводило Клода в состояние внутреннего несогласия. Словно вызывало в нем отрицание, импульс побуждающий к борьбе и в тоже время... В тоже время он не мог заставить себя пошевелить хотя бы пальцем.

Что бы он сейчас не говорил и не делал, все это было не важно.

Бессмысленно.

Необратимо и невозможно.

Зоя заплетала и расплетала черные локоны, и смотрела вперед. Будто там во втором отсеке на полу не лежал Тумэн. Не было ничего, что могло отвлечь, заставить ее действовать.

— Никогда не знаешь, где настигнет тебя твой последний миг, — выговорил Клод,

понимая, что им еще долго, бесконечно долго падать в эту дыру и запасов воды и воздуха их хватит в лучшем случае на несколько лет. Но ведь он мог перенести всех четверых. Правда он никогда не мог двигаться дальше нескольких тысяч километров. А здесь в космосе, у Черной дыры, шансы от такого прыжка отсутствовали, или были практически сведены к нулю. Он прыгун на ограниченные расстояния. Так что риск был непомерно велик, а шансов не было. Затем добавил:

— Самым оптимальным вариантом было бы самостоятельное погружение в криосон.

Так делали корабли терпящие бедствие, либо имеющие поломки. Ведь помощь не могла прийти сразу. Иногда корабль ждал по несколько лет. Криосон экономил ресурсы и время. Обычно поступали так, но не в их случае. Их не спасут никогда.

— Кто бы не пришел на помощь, он останется с нами здесь в этой реке Стикс, — пошептала Зоя.

Да, они все погибнут. Поэтому и кидать сигнал sos бессмысленно.

— Есть время подумать, — Клод горько усмехнулся. — Нужно разморозить наших пассажиров.

Он сказал это, но не сдвинулся с места. Остался сидеть. Торопится было больше некуда. Зоя тоже молчала, еще долго. Несколько часов спустя, когда он встал и собрался набрать команд по выводу из криосна пассажиров, ее пальцы отпустили косу, и она негромко заговорила:

— Я родилась очень давно Клод, и могу думать, что двадцать тысяч лет достаточный срок, чтобы решить длинная у меня жизнь или не очень. Если ты разморозишь этих людей, ты должен сначала кое-что узнать. Подожди.

Клод много чего повидал за свою жизнь, но не такой ответ ожидал услышать от своего навигатора. Губы его нервно дернулись, вернулись на место и поджались, глаза сузились. Он остановился, словно прирос к полу.

— Я всегда догадывался, что ты функционал.

Азиатка подняла на него пронзительный темный взгляд, едва кивнула. Клод подозревал что пара его навигаторов обладает сверх способностями. Иначе, как они удерживались на мусорных орбитах. Они и их полеты были вне статистики, вне теории вероятности и против всякой причинно-следственной связи, но они никогда не обнаруживали своих умений. В тройной связке он и они, прыгал Клод. Прыгал вместе с кораблём, если нужно. Но не в этот раз. Ни с таким гравитационным полем. И выходит, все не случайно. Насколько? Теперь уже можно было узнать. Двадцать тысяч лет? В такое разве легко поверить? Это обычная ложь. Его мозг отказывался.

Зоя втянула в себя воздух, опустила глаза на панель управления.

— Ты помнишь, функционала из-за которого ты загремел в криотюрьму?

Клод не смог его забыть даже спустя столько времени. Не хотел.

— Разве можно запомнить того, кто отнял у тебя все. Чертов ублюдок, выжил. Выжил! А Лиза не выжила, — произнес он глухим голосом.

Клод тогда сорвался с катушек, со всех винтов и петель. Забил на все. Прыгал по планете, бродил по ее уголкам, и не мог справиться с горем. Как результат, его поймали. Всех ловят. Не сразу, но изловили. А что делать с таким как он? Кроме как не погружать в сон, не сохранять в бессознательном состоянии, по-другому никак. Потому что пока он в сознании, нет цепей и оков, способных его удержать. Нет тюрем, из которых он не смог бы исчезнуть.

— Она выжила, Клод, — спокойно сообщила Зоя.

И Клод моргнул, скривился. Он застыл. Окаменел.

— Ты серьезно?

— Я сам кремировал тело. Она не выжила!

— Она прыгнула через воспоминания того функционала в будущее.

— Нет, это не возможно, — его слегка тряхнуло, выводя все движения тела в отрицательную неподвижность.

— Тот функционал, ходок во времени. Клод! Она сделала это. По этой причине, ты до сих пор жив.

Он нелепо и низко крикнул, точно большой раздраженный селезень. Расхохотался, большой истерикой, как тот, кому смешно до шизофренического бреда. Да, он почти пятьсот лет оттарабанил по чье-то анекдотической ошибке. Вроде бы системной при перезагрузке, а выходит нет. Совсем нет!!!

Глаза у Клода налились кровью, пальцы сжались в кулаки, стало трудно дышать. Его тело сотрясала неконтролируемая дрожь и он долбанул по стене медицинского Хранилища.

— Можешь, конечно, убить меня, но тогда ты ничего не узнаешь.

А хотел ли он знать? Хотел ли что-то понимать, когда всему конец. И он замер, остановился в нелепой позе.

— Зачем ты мне все это говоришь сейчас? Зачем?

Зоя встала и подошла к нему. Она совершенно не боялась его. Не переживала о себе. Она заглянула в глаза человеку, который годы провел в криосне. Выжил, адаптировался в новой социальной реальности, нашел свое дело, и теперь стоит на пороге собственной смерти.

— У тебя есть выбор, Клод. Он не большой. В одной из этих криокапсул находится Лиза, а в другой он. Откроешь только ее, у вас не появится шанс выжить. У вас двоих. Откроешь обе, появится.

Он не поверил ей. Ни насколько не поверил. И все же, стоял и не мог сдвинуться, только сжимал и разжимал трясущиеся кулаки. По телу шли красные пятна, в уголках рта скопилась слюна, а он думал, пока не принял решение.

— В какой она?

— В супер. Мы почти сто лет не могли найти функционала с твоими способностями. А потом появился ты. Скажи, как не божье решение. Все остальное ты знаешь. Мы задействовали связи, и помоги тебе найти свой путь.

— Зачем вам проводник? Я помню тот допрос, как сейчас. Он говорил, что искал проводника, но куда? Кто вы такие?

— Давай начнем пробуждение и я все тебе расскажу.

Клод резко с ненавистью полоснул ее взглядом.

— А у меня есть выбор? Какой? Взять ее и сигануть отсюда в открытый Космос?

— Поверь мне, она этого не захочет. Так что нет, у тебя никакого выбора.

Просыпаться от криосна столетней длительности задача не приятная и приятная одновременно. Приятная потому, что приятно жить. Не приятная, потому что живой, как овощ и остаешься им некоторое время. Происходящее вокруг воспринимается не реально и это достает продолжительное время. Мозги встают на место, восстанавливая привычные электрохимические сигналы в синопсисах не сразу. А воспоминания приходят с задержкой.

Первое лицо, что я вижу и узнаю Ольхи. Затем приходят в память воспоминания об Илье. И только несколько дней спустя, я вспоминаю Клода. Воспоминания о нем самые короткие и туманные.

Его корабль не большой, но места хватает. Клод знает меня. Видит. Сидит у кровати, оперившись на локти, и смотрит. Часами пялится, пока я сплю или бодрствую. В глазах у него стоит нечто счастливое, затуманенное, потрясенное. Ему нравится заниматься мной. Он почти не разговаривает с Ольхой и Ильей.

Мы не летим, мы падаем. Гравитация черной дыры захватила корабль, как соринку в крутой водоворот, и нас кружит по смертельному кругу. А я вспоминаю нас.

Четыре путника, встретившихся вместе. Там, где нас не должно быть ни в пространстве, ни во времени. Ольха все это задумала. Илья и Явал воплотили. А я и Клод всего лишь усмешка случайности.

Сто лет назад в Париже, я долго думала, выбирая одно имя из трех.

Кто я? Руна. Лиза. Может быть Ли́ка?

Явал однажды назвал меня руной Судьбы. В древней мифологии в системе культа Предков, она связана с темой судьбы и перевоплощения души. Она и пустая и полная. Она непознанное, одновременно судьба и рок. Она фактор неопределённости. Это просто руна, или фишка без символа, или камень. Обычный камень, на котором нет ни трещин, ни знаков, ни символов. Так определилось мое имя.

В представлении первой касты, ангелы Хамса дети Бога. Ангелы породили все остальные касты. Но они сами не были рождены. Они дети света.

Эволюционирует ли свет? Все на свете подвержено эволюции и развитию. Все. И свет? Или он всегда остается только волной или частицей. А свет, который впитываем мы кожей, разве это не солнечный свет, который превращается в нас и наши души? Может быть, свет в каждом из нас это третье состояние света, одушевленное? Первые люди света были и волной и частицей, в этом симбиозе рождается душа. То, что делает нас и все вокруг нас живым. Во вселенной свет летит и удаляется от нас. Это наши Предки.

В это верят они.

Законы развития всего живого, циклы создания и разрушения не живого, распространяется на все. Что происходит с семенем жизни, когда оно проходит свой жизненный цикл? Они отцветают и дают новые семена. Мы все продолжаем свой род. Дети семена нашей Жизни. Предки уходят в не бытие... и вот тут зарыта собака.

Ангелы никуда не ушли. Они не делись. Остались среди нас. Существует три измерения. Микромир, тот в котором есть атомы и молекулы и бог знает что еще. Реальный мир, который мы видим вокруг каждый день. И макромир, мы его представляем в виде планет и космоса, полного света, газа и материи видимой и невидимой. Мир ангелов это мир макро,

мир света. А вовсе не наш.

Но тогда почему они все еще здесь?

Потому, что что-то пошло не так. И поэтому, мы четверо сейчас летим к Черной дыре, в самую ее сердцевину. Чтобы выскочить через нее, и попасть в самый низ. В корни. Чтобы мир расцвел, человечество получило развитие, необходимо, чтобы случился апоптоз. Нужно, чтобы с нового бутона была сорвана шелуха кожуха, как с початка кукурузы нужно убрать все лишнее.

Иначе вселенная не зацветет.

Чей это сад, нам не известно. Ученые называют его мультиверсумом. И нам там всем четверым по большому счету не место. Но это единственный шанс для всех на развитие, на то, что жизнь и свет на планете перестанут мучаться в одиночестве. И закончится ангельская ганганта. Узел судьбы развяжется.

Вот зачем мы здесь.

Для тех, кто не в курсе, ганганта это такое наказание или условие, при котором ребенок может встретиться с отцом после ряда испытаний. Геркулес, Иисус Христос... список огромный. Ангелы проходят свою. Мы с Клодом свидетели и участники. Те, кто сможет передать знания для последующих семян, нас людней. Когда придет время. А оно обязательно придет.

Когда пришло время, и я полностью восстановилась, мы встали в круг, связанные крепким тросом.

Нас четверо. Ольга помнит начало. Илия ангел смерти проводник времени. Клод извозчик, он доставит нас в центр Дыры через пространства. Я проведу через воспоминания Ольги в прошлое, Илья через время — туда, где упущено что-то в начале. Там они останутся. Там, где мне с Клодом не место. Время людей там еще не придет очень долго.

— Ты готова? — спрашивает Илья, и я киваю ему. Мы одеты в скафандры, на нас шлемы, и мы знаем, что они могут нас не спасти.

Клод сжимает мои пальцы и я робко улыбаюсь ему. Я знаю, что люблю его. Но это любовь не романтическая, а семейная, житейская. Клод моя семья.

Но формально мы будем... как однажды сказал Клод на мой вопрос, где мы есть находясь в прыжке? Мы будем нигде.

* * *

Мы прыгаем благодаря Клоду. И оказываемся на стебле Вселенной. Это величественный огромный столп похожий на накренившуюся водоросль, с маленькими червоточинками, обратными сторонами черных дыр. Вокруг нас много таких стволов, но они прямые. А наш, как пизанская башня.

Это и есть цветущие Вселенные. Очень хочется задрать голову и посмотреть вверх, узнать, что там выше стеблей. Высоко-высоко.

Но мы будто в капле воды окутанные, скользим, сползает по стволу вниз. В самом конце у последней черной дыры, Илия сжимает мои пальцы, разворачивает меня к Ольге. И мы прыгаем через ее зрачок, обратно внутрь пространства. В основание нашей Вселенной. И стебель выпрямляется. Потому что мы делаем, то, что запрещено физическими законами этого внешнего пространства за пределами нашей Вселенной.

Это все что я видела в последнее мгновение взрыва. Перед тем, как Илию и Ольху относит от нас. Наши пальцы разъединяются, и я вижу, как губы Ильи произносят одно последнее слово «Люблю». Я кричу. Кричу громко, пока тьма не поглощает меня целиком. Последнее о чем я думаю, в этой странной мульти вселенной и Черной дыре, что потеряла его навсегда. Я никогда его больше не увижу. Никогда не обниму и не поцелую. Не скажу ему еще раз, что тоже люблю его. Мы из разных миров, но у нас столько общего.

Я дергаюсь. Потому что стою в душевой изоляционного блока, поражаясь количеству пара. Я в Энгельсе. Хочу поговорить с функционалом. Духота с влагой, хоть вешайся.

В глубине, прикованный по ногам и рукам стоит голый мужчина. Приближаясь, я разглядывала его со странным трепетом. Ощущая, как по коже вьется страх, сковывающий сердце. Дыхание перехватило от ужасного предчувствия.

Я подхожу совсем близко и резко начинаю стягивать с него фиксирующие наручники.

— Ты должен уходить, Илья. Уходи. Я не смогу с тобой прыгнуть, но ты должен.

В клубах пара, чисто выбритый, обнаженный. Он стоит и улыбается.

— Руна?

— Руна, — я киваю.

И как только освобождаю его, он обнимает меня. Целует. Нет ничего более нелепого и сладкого.

— Ты вспомнила?

— Нет, я вернулась. Я вернулась из будущего. Я, ты, Клод и Ольга сделали это. Я надеюсь. Я не знаю, что произошло, но мы прыгнули через черную дыру и там сдвинули стебель. У нас получилось.

Он явно меня не понимает, но слушает внимательно. И мне жарко, липко в паре и словно в бане.

— Ты сделала что?

— Цветущие вселенные помнишь?

Он не помнил. Ничего не помнил. Потому что этого еще не случилось, не произошло. Ольга пока существует в виде образа в Родовом замке под Парижем. Я уже не стану Ликой. А Клод не слетел с катушек.

Несколько секунд я молчала. Это чисто моя реакция на него. Странная. Слишком нервная. Подняла вздрагивающий взгляд.

— Я из будущего.

На его лице проскользнула ухмылка, дернулся уголок рта. В душевую вбегает охрана, Клод. А на моих щеках слезы, они текут по щекам, так словно им там самое место. Клод хватается меня и оттаскивает в дальний угол.

Илья тает, растворяется прямо на наших глазах в воздухе, в белых клубах пара. Исчезает, как и все ангелы. Им не место в нашем мире. Они прошли свой цикл. И им пора в новый Домой.

— Ты в порядке, — спрашивает Клод, разворачивая меня к себе, оглядывает с беспокойством так, словно я получила серьезную травму или что-то еще.

Я плачу и киваю, обнимаю его крепко-крепко.

— Забери меня отсюда, Клод. Туда, где никого нет. Забери, пожалуйста.

Он бросает быстрый взгляд на собравшихся, обнимает меня в ответ. Раз. И мы на берегу острова в океане. Он вытирает слезы и целует меня.

— Мне жаль, — произносит он, несколько минут спустя. — Но ведь это значит, то у нас получилось.

— Получилось, — соглашаюсь я. — Мы видимо вернулись ключевую точку.

— Видимо, — отвечает он, продолжая прижимать к себе. — Ты даже не представляешь, как же я люблю тебя. Как рад, что ты жива.

— Я тоже люблю тебя, Клод, — отвечаю я, зная, что он единственный мой родной человек.

Нет больше Ильи, нет ангелов и Явала. Никого нет, Земля наша. Наш путь. И то, что знаем мы двое, никто в мире больше не знает.

Иногда этого достаточно, чтобы принять человека и стать его на совсем. Пока смерть не разлучит нас.

Конец

Больше книг на сайте - [**Knigoed.net**](http://Knigoed.net)